

а-321817
Нижне-Волжский Институт Краеведения,
имени М. Горького,
при Саратовском Государств. Университете.

К $\frac{9}{P-94}$
А624450 Проф. П. РЫКОВ.

КУЛЬТУРА
ДРЕВНИХ ФИННОВ
В РАЙОНЕ р. УЗЫ.

САРАТОВ

1930.

ский Институт Краеведения, им. М. Горького,
ратовском Государственном Университете.

+8635

Проф. П. РЫКОВ.

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ФИННОВ
В РАЙОНЕ р. УЗЫ.

1968

САРАТОВ.
1930.

105

Главлит № 1004

А. С. С. Р. И. С. С. Р.

ТИПОГРАФИЯ

Ц. С. Н. Х.

ГОР. ПОКРОВСК

Заказ № 541—29 г.

Тираж 300 экз.

Б. С. С. Р. И. С. С. Р.
Дзяржаўная бібліятэка
імя В. І. Леніна
№ 2356

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

A 624450

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Предлагаемая ниже работа является результатом археологических разведок и раскопок, произведенных мною в 1926—1927 г.г. в окрестностях с. Армеева, бывш. Кузнецкого уезда, Саратовской губ. при участии научных сотрудников Института Краевого музея и кафедры Археологии и Этнографии Педагогического факультета Саратовского Государственного Университета.

В итоге этих исследований, коснувшихся первого, древнейшего, Армеевского могильника, селищ, городищ и остатков жилищ, явилась возможность дать некоторое общее представление о древне-финской культуре, существовавшей в районе р. Узы, и, повидимому, распространявшейся по р. Суре.

Дальнейшие работы в указанном районе и прилегающих к нему должны дать еще более точную картину минувшей жизни мордвы в Нижнем и Среднем Поволжье.

АВТОР.

1.

Первый—старший—могильник бл. села Армиева, или Армеева, быв. Кузнецкого уезда, Саратовской губ., ныне в Средне-Волжском крае был открыт в 1926 году археологической экспедицией, работавшей в районе рек Узы и Суры под моим руководством (рис. 1). В этом году, в целях разведки, были вскрыты, главным образом, по берегу оврага, полуразрушенные могилы, показавшие всю важность открытого археологического памятника, а в 1927 году были произведены специальные раскопки Могильника, при чем вскрыто 103 могилы, что вместе с обследованными 26 могилами в 1926 году, дало довольно значительный материал, позволяющий высказать ряд соображений по поводу этого могильника. Последний расположен в 5 кл. к Ю.-З. от с. Армеева среди оврагов, выходящих на речку Мозаево, при чем одним из них он разрезан в направлении с В. на З. Значительная часть могильника погибла, вследствие разрушения его этим оврагом (рис. 2).

Никаких внешних признаков могил не имеется, что затрудняет определение точных его размеров, хотя следует отметить, что мною были приняты меры к выяснению этого вопроса посредством проведения контрольных траншей в северном, южном и восточном направлениях. Что касается северного направления, то здесь удалось установить границу, т. к. никаких могил далее вскрытого ряда их не оказалось, несмотря на значительные размеры траншеи, заложенной севернее этого района.

Восточная граница не была столь ясно определена, т. к. могилы встречаются здесь уже не компактными рядами, но порознь, при чем можно, однако, утверждать, что граница проходит в отношении к вершине оврага не ближе, чем в 40 метрах от нее. Западная граница вполне ясна, будучи определяема спуском к речке, где обрывы оврага не дают могил, которые заканчиваются, приблизительно, на 80—100 м. от указанной речки. Наконец, южная граница определилась неясно, т. к. закладка контрольной траншеи дала новый ряд могил, но все же следует указать на имеющийся новый овраг за этим рядом могил, где уже никаких признаков погребений не встречено. Следовательно, допуская еще 2—3 ряда могил, можно предположить с большой уверенностью, что граница могильника с южной стороны лежит в 20—30 м. от последнего вскрытого ряда. Таким образом всю площадь, занимаемую могильником, можно, приблизительно определить в $5\frac{1}{2}$ —6 тысяч кв. метр. с оговоркой, что с восточной стороны могильник, очевидно, несколько распыляется.

— Армеевский могильник относится к так называемым „рядовым“ могильникам, вследствие того, что могилы лежат правильными рядами по линии З.-В., отделяясь одна от другой свободным пространством до 0,60 м. в ряду, а ряды отделены друг от друга простран-

ством до полуметра. Только в двух случаях могилы располагались одна в другой, нарушая ряд—121 и 102 (см. план А).

Из перечня могил видно, что в среднем они имеют в длину 2 м., в ширину 0,60 и в глубину 1,30 м.

Наиболее крупные по размерам могилы принадлежат мужским погребениям (см. 23 или 25 могилы) или богатым женским (см. 50 или 56 могилы); мелкие и небольшие могилы содержат детские погребения (см. 68 или 91 мог.). Впрочем, и в последнем случае богатые детские погребения составляют исключения, так как имеют большую могилу (см. 32 или III мог.). Таким образом, повидимому, размеры могил определялись социальным положением умершего. Из общего числа погребений—129 (в 128 могилах) к мужским относится 53 погребения, к женским—41 и к детским—20 и осталось неопределенными 15.

Все могилы ориентированы по линии С-Ю и имеют форму прямоугольников с округленными углами, а покойники лежат в этих могилах головой к Ю, за исключением покойника из могилы 8, где костяк лежит головой к С-В и детского костяка из могилы 92, где он лежит головой к Ю-З; последнее погребение в большой могиле, по существу, нельзя выделить из общей массы по этой ориентировке, но следует отнести, повидимому, к ориентировке южной, т. к. небольшой костяк ребенка случайно определяется головой к Ю-З вследствие несоответствия роста умершего с размерами могилы, ориентированной по линии С-Ю, т. е. обычной для могильника. Все покойники лежат в могилах вытянуто на спине, при чем руки бывают то протянуты вдоль туловища, то лежат скрещенными высоко на груди, то кистями рук положены на бедрах. Сохранность костей очень плохая. Покойники снабжены предметами быта, занятий и украшений.

Кроме того, в могилах постоянно, за исключением 18 могил, встречаются грубые глиняные горшки ручной лепки и кости домашних животных: коров (8, 36, 40, 69, 87, 99, 100, 110, 116, 117, 119, 125), овцы (84, 86), а также зубы и челюсти лошади (59, 72, 73 и 109). Употребление в ритуале огня также несомненно, т. к. уголь встречен в 44 могилах, при чем в могилах 110 и 91 его было очень много, в мог. 28 и 84 имелись остатки целых кострищ, вследствие чего, например, костяк в 84 мог. оказался сильно обожженным.

Покойники, в большинстве случаев, лежали на подстилке из луба и таким же лубом были прикрыты. Помимо того, можно заметить и покрытие покойников, вероятно, саваном, т. к. на костях и на вещах встречаются следы грубой ткани.

Отметим еще, что горшки встречались в ногах у покойников и только в 12 случаях в головах; при этом в муж. могилах 23 и 24 горшки оказались и в ногах, и в головах одновременно. То же самое наблюдалось и в отношении к могиле 89, где погребена была богатая женщина. Впрочем, здесь имела место, кроме горшка, небольшая плошка. В детском погребении горшок в головах был найден только в одном случае, а именно, в 92 могиле. Посуда отсутствовала только в очень бедных мужских могилах и в разрушенных погребениях, относительно которых нельзя утверждать, что горшков не было совершенно, т. к. они могли исчезнуть, вследствие разрушения самой могилы.

Таким образом, видим, что общее количество могил с присутствием посуды составляет 83,71% (108 погребений). Кстати отметим, что количество могил, содержащих уголь, составляет 34,80% (45 погребений), кости домашних животных—15,50% (20 погребений). Обращаясь к устройству могил и, главным образом, чертам ритуала в финских могильниках, видим следующее.

В Кошибеевском могильнике Тамбов. губ. длина могил, в среднем, бывает до 2,8 м., ширина—0,54 м. и глубина—0,90 м. Глубокими могилами отличаются мужские погребения, вообще, и богатые женские, в частности. Значительную длину могил А. А. Спицын¹⁾ объясняет желанием их устроителей дать место для вещей, хоронимых с покойником. Редко встречались древесные покрытия покойников. Трупосожжений не встречалось.

Что касается ориентировки погребенных, то она неустойчива, а именно, 40% всех покойников ориентировано головой к В., 4%—к С-В, 36%—к Ю-В, 4%—к З, 1%—к С и 15%—к Ю.

Горшки найдены в 66% всех могил того же типа. Могильник Сергачский, Нижегородской губ.²⁾, Борковский и Кузьминский могильники, Рязан. губ.³⁾ имеют могилы в большинстве глубиной до 1 метра и более.

Ориентировка покойников в этих могилах неустойчива—к С-В, к С-З, к Ю-З и Ю-В. Наблюдается преимущественная ориентировка к С-В с отклонениями к С или В. Встречается в могилах луб для обертывания умерших, а равным образом, в Борковском могильнике в 22% всех могил найден был уголь в большом количестве и кости домашних животных.

Горшки были обнаружены в 1/3 (33%) всего количества могил. При этом следует отметить, что они встречались преимущественно в мужских погребениях.

Встречены были, помимо обычного трупозахоронения, и трупосожжение в количестве 10%.

К тому же типу могильников относятся по замечанию А. А. Спицына, Шатрищенский и Холуйский могильники.

На описании могил из Максимовского могильника я не останавливаюсь, т. к. точные их размеры не могли быть выяснены. Что касается ориентировки, то все покойники обращены головой к С, за исключением двух-одного—к Ю (женское погребение) и одного к З. Отмечается развитие обряда трупосожжения. Посуда открыта не менее, чем в половине всего числа могил, преимущественно, при женских погребениях. Близкий по своему характеру вещей Максимовскому Урвановский могильник, дает ориентировку покойников головой к С.

Подболотьевский могильник, Муромского у., Влад. губ., тщательно изученный В. А. Городцовым⁴⁾, дает следующую картину.

Могилы имеют глубину, в среднем, до 72-80 м., мужские погребения находятся в более глубоких могилах до 1 м. и несколько бо-

¹⁾ См. „Древности бассейнов р.р. Оки и Камы“, стр. 10 и д. (Мат. по Арх. России, № 25).

²⁾ Там же, стр. 24 и Черепнин „Местная Старина“, Труды Рязан. уч. Арх. Ком. за № 1894 г. в 2 и 1895 г. в 2 и 3.

³⁾ Там же, стр. 25.

⁴⁾ В. А. Городцов—„Арх. Иссл. в окр. г. Муроме в 1910 г.“, стр. 14 и д.

лее. Ориентировка погребенных неустойчива, однако в 103 из 126 прослеженных случаев покойники лежат головой к С, в 14 случаях — к З, в 5 — к В и 4 — к Ю.

Наблюдается обертывание покойника в луб в присутствии в могиле, изредка, угля. Трупосожжения имеются, но всего в количестве 16,53%.

Лядинский и Томниковский могильники ¹⁾ Тамбовской губ. дают глубину могил от 0,40—1,40 м., при чем детские могилы мельче, не превышают 0,72 м. Ориентировка покойников головой к Ю, за исключением всего лишь 7 костяков. Наблюдается обертывание умерших в луб или бересту. При обычном способе захоронения отмечено и трупосожжение до 7% всего количества погребений. При захоронении трупа уголь встречается чрезвычайно редко. Горшки являются обыкновенной принадлежностью женских погребений, встречаясь по одному и по два.

Таким же могильником, насколько мне известно от Н. И. Спрыгиной, представляется и Паевский могильник, Инсарского у., Пензенской губ. В Курманском могильнике Касимовск. у., Рязанск. губ. видим два способа захоронения — обычный и трупосожжение, при чем ориентировка покойников наблюдается к В. В могилах встречаются уголь и посуда.

Подводя некоторый итог приведенным справкам, могу пока лишь отметить, что Армеевский могильник в отношении к устройству могил, количеству посуды и отсутствию трупосожжения ближе всего стоит к Кошибеевскому могильнику, но отличается от него ориентировкой покойников — в Кошибеевском главной является С-В ориентировка, в Армеевском является исключительно, как мы видели, южная, что создает сходство его с Лядинским могильником и особенно Вичмарским в Вятской губ., изученным М. Г. Худяковым ²⁾.

Могильный инвентарь Армеевского могильника в достаточной степени богат, при чем это замечание относится к женским погребениям, часто изобилующим личными украшениями. Это обстоятельство иногда служило для отнесения погребений то к женским, то к мужским, так как кости покойников в большинстве могил или совершенно истлели или же сохранились настолько плохо, что представлялись зачастую в виде сильно разложившейся костной массы, а в редких случаях оставались лишь отдельные кости или части их.

Однако, расположение вещей давало, с своей стороны, возможность определить и ориентировку покойников.

Здесь не лишним будет отметить еще и факт нахождения при мужском погребении женских вещей подобно тому, как это имело место в Подболотьевском могильнике. В. А. Городцов думает, что в таких случаях мы имеем доказательство жертв со стороны вдов, отмечавших положением в могилу мужа предметов своего наряда свою печаль по нем. Мне кажется такое предположение верным — здесь, вероятно, имеем позднейшие отголоски прежнего воззрения о необходимости следования вдовы в загробный мир за умершим супругом.

¹⁾ В. Н. Ястребов — „Ляд. и Томн. м-ки Тамбов. губ.“ Мат. Арх. России.

²⁾ См. Известия Общества Арх., Ист. и Этногр. при Казанском Университете. т. XXXIV, в 3—4 Воробьевский и Вичмарский м-ки.

II.

Все предметы материальной культуры, полученные раскопками Армеевского могильника, делятся на личные украшения, оружие, посуду и орудия занятий населения, оставившего нам этот могильник.

Не разделяя их на вещи, относящиеся к женским или мужским погребениям, я даю ниже систематическое их описание, так как такие вещи, как пряжки или кольцевые застёжки, употреблялись и мужчинами, и женщинами.

1. Накосники или косники.

В могилах не имеется никаких следов женского или мужского головного убора. Можно лишь предполагать, что таковые или вовсе не клались вместе с покойником, или были сделаны из тонкой ткани и истлели без следа. Последнее можно допустить, т. к. остатки тканей все же были находимы, хотя нельзя с уверенностью сказать, что ткань была от головного платка. Кроме того, находка одного головного украшения, бляхи от накосника на груди покойницы, показывает, что какой то головной убор был, включая сюда височные привески, на одной из которых сохранился ремешок для подвешивания, если подобная височная привеска не надевалась непосредственно при помощи ремешка на ухо, т.-е. не прикреплялась к головному ремню. Таким образом представляется возможным допустить, что головные уборы, столь пышные у финнов, судя по этнографическим данным, и несомненно существовавшие и в более древние времена, давались покойницам в могилу. Однако, если мы не видим в могильнике признаков головного убора, то вместе с тем имеем часть головного украшения, так наз. „Накосник“, при чем один из них, выше мною упомянутый, с бляхой, дает косвенное указание на то, что головные уборы, по видимому, представляли иногда не что иное, как головной покров из ткани, поверх которого и прикреплялась такая бляха, судя по тому, что она орнаментирована, а следовательно и предназначена к показу, но не скрытно под более пышным убором, вроде панги... Накосник в качестве убора для женской косы, часто как бы заменяющий ее, известен у мордвы XVIII века, да и живет еще позже, постепенно упрощаясь и изменяясь в украшения концов косы. В XVII—XVIII веках он представляет собой, так назыв., полукерь, представляющую недлинный деревянный цилиндр с раструбом с обоих концов, обмотанный бронзовой проволокой, как шпулька для ниток. В этот цилиндр продевалась фальшивая коса, изготовленная из шерсти, и прикреплялась к голове у затылка ¹⁾.

В Армеевском могильнике мы встречаем тот же по назначению предмет, называемый, обычно, накосником или косником, но иных форм, при чем в основе, эти формы одинаковы. Это—длинные ленты, состоящие из нескольких рядов спиральных трубочек и длинных бронзовых цилиндриков, перехваченных поперек пластинчатыми обоями и оканчивающихся трапециевидными бутыльчатыми или конусовидными подвесками, образующими как бы кисть.

¹⁾ По этому вопросу см. Н. К. Арзютов—Финский м-к XIII—XV в.в. близ г. Аткарска (Труды Нижне-Волжского Краевого Музея, в. I).

Из Армеевского могильника мы имеем 11 наконечников—из могил 3, 43, 50, 56, 68, 70, 74, 78, 89, 101 и 127 (см. рис. 3 и 4). Часть из этих предметов очень плохо сохранилась и можно только предполагать о их существовании по небольшим остаткам, а другие прекрасно уцелели и дают полное представление об этом украшении.

К первой группе относятся наконечники из погребений: 3, 43, 50, 57, 68, 89, 101 и 56—сохранились бутыльчатые подвески от кисти, бронзовые спиральки и конусовидная подвеска.

Ко второй группе принадлежат наконечники из погребений 70 и 74. Особенно интересным является наконечник из 70 погребения. Он представляет собой бронзовую тонкую выпуклую полушарно-уплощенную бляху, орнаментированную тисненым изнутри крестом с полукружиями по концам, захватывающими до половины каждую переключину креста (рис. 5). В центральной части бляхи имеется пять крупных выпуклин—одна в центре и по одной между переключинами. Ободок бляхи плоский, орнаментированный зигзагом. Около концов горизонтальной переключины на ободке по три отверстия и пять таких же отверстий у нижнего конца вертикальной переключины креста. При посредстве ремешка, продетого сквозь пять отверстий, к бляхе прикреплена бронзовая пластинка дугообразной формы, имеющая соответственно пять отверстий для скрепления ее с бляхой. По внешнему краю пластинки имеется восемь отверстий с продетыми через них бронзовыми колечками в виде восьмерок, которые держат восемь небольших тонких конусовидных подвесок, орнаментированных у основания пятью параллельными кольцевыми нарезками. При помощи шерстяных шнурков к этим подвескам прикреплены длинные ленты с напущенными на них бронзовыми спиральками по четыре, причем образуют ленты—в середине—из четырех рядов, и по бокам—из трех рядов, таких спиральных нитей. Эти три группы спиралей,—три ряда объединены равномерно в четырех местах помещенными поперек бронзовыми обоймами, которые орнаментированы тремя параллельными рядами точек. На концах параллельных нитей укреплены конусовидные подвески, описанной выше формы, вдвое большей величины, в количестве 12 штук. Диаметр бляхи—10 см., длина каждой подвески и спиральки—7 см., длина обойм—2,5 см. и ширина их 1,5 см.

Второй наконечник из 74 погребения сохранился значительно хуже,—уцелела в сущности лишь кисть с частью спиральных трубковидных цилиндров, составлявших нити самого наконечника. Кисть состоит из бутыльчатых подвесок, цилиндрики и спиральки чередуются (рис. 5).

Близкий наконечнику из 70 погребения наконечник из 127 погребения, к сожалению, плохо сохранился, как и все вещи из этой могилы, оказавшейся почти в воде,—настолько был сырым грунт. Этот наконечник также имел бляху, но самая лента наконечника состояла из четырех полос, по четыре нити каждая, скрепленных обоймами, и на концах нитей были укреплены бутыльчатые подвески. Полных аналогий таким наконечникам, как армеевские, я не могу указать.

Однако, если мы обратимся к вещам из других могильников, то увидим затылочные бутыльчатые или колокольчатые на спиральных подвески, но редко встретим такие типичные предметы украшения, как армеевские наконечники. Впрочем, в позднем Корниловском и Пятницком могильниках, Влад. губ., возможно, имелись также довольно

пышные накосники, лежавшие концами на плечах ¹⁾). Очень поздняя полукеръ XIV—XVIII в.в. до известной степени указывает, что вкусы к подобному убранству несомненно имели место, конечно, видоизменяясь, но сохраняя общее свое прямое назначение.

Тип армеевских накосников близок формам стадии „С“ Борковского м-ка ²⁾). Присутствие в общем состоянии накосников таких нашивных блях показывает, что головной убор у женщин был, очевидно, из какой то материи, при чем форма полусферно-уплощенной бляхи косвенно определяет эту ткань, как бы прилегающей плотно к затылку, т.е. скорее всего это был убор в роде платка, лицевая, передняя сторона которого (очелье) не выяснилась. Впрочем, если обратиться к рисункам Палласа, изображающим мокшанку XVII—XVIII в., то можно, пожалуй, иметь приблизительное понятие об этом головном уборе. Вероятно, бляхи накосника прикреплялись именно к такому головному убору, при чем боковые ленты, как видим на рисунке, располагаются на плечах, спускаясь на грудь ³⁾). Этим возможно и об'яснить также и нахождение накосника в погребениях именно на груди, у плеча.

Суда по немногим экземплярам накосников в могильнике, можно предполагать, что они составляли особенно богатую часть убора почему и попадались в могилах только у наиболее богатых людей. Накосники у менее состоятельных финок изготовлялись, вероятно, из шерсти и т. п., что и способствовало полному ислению. Определить время бытовых накосников мы можем на основании других, поддающихся определению, предметов, например, мелких спиралей, что дает время для накосников около V—VI в.

2. Височные привески.

Височные привески, имевшие то же назначение, что впоследствии имели серьги, составляют как бы часть головного убора, носимые или на особом ремешке, укрепленном на голове, или непосредственно присоединяющиеся к головному убору, или же, что возможно, одевавшиеся прямо на каждое ухо по одной. Форма височной привески из Армеевского могильника очень характерна и насколько мне известно имеет аналогию только в Вичмарском могильнике Вятской губернии ⁴⁾.

Отметим кстати, что височные привески являются излюбленным предметом в наряде, даже в самых бедных погребениях. Основной элемент привески составляет бронзовый стержень от 3—5 см. длиной, оканчивающийся более или менее сплюснутым бронзовым же кубиком. Стержень туго обвит бронзовой же проволочной спиралью в 18—20 оборотов. В верхней части стержень превращается в свободный завиток в три оборота, составляющий, по существу, кольцо для продевания ромешка. Такие височные привески найдены в виде четырех форм, очень близких друг другу, но отличающихся, главным образом, размерами.

¹⁾ См. А. И. Иванов—Мат. по изучению Влад. губ. Труды Вл. Обл. Музея в. II, сгр. 21 и д. Пл. 1926 г.

²⁾ См. Ефименко—Рязан. м-ки, стр. 72.

³⁾ Pallas—Reise durch verschiedene Provinzen d. Rus. Reichs., I, Taf. III; Petersburg, 1801.

⁴⁾ См. М. Т. Худяков—Воробьевский и Вичмарский м-ки Изв. О-ва 'Арх. Ист. Этн. при Казан. ун-те, т. XXXIV, в. 3—4.

1. Довольно крупная височная привеска, стержень которой имеет в длину до 5 см., а число оборотов спирали достигает до 21. Свободный конец стержня для прикрепления привески сделан спиралью в виде тройного кольца. Грузик у нижнего конца привески имеет вид крупного кубика. Такая форма предмета найдена во 2, 18 и 89 погребениях (рис. 6).

2. Второй тип височной привески отличается от первого длиной стержня до 4 см. Однако меньшая длина стержня создает при такой же толщине проволоки, обвивающей стержень, впечатление большей массивности. Подобные привески найдены в погребениях 61 и 42 (рис. 7).

3. Третий тип очень близок ко второму, отличаясь лишь более округленной проволокой, обвивающей стержень и более сплюснутым подвесным грузиком в виде кубика. Такие височные привески найдены в погребениях 4, 31, 32, 36, 56 (рис. 8).

4. Четвертый тип, наиболее редкий, отмечен в 3-м погребении и, повидимому, в виде только сохранившихся от проволок грузиков встречался и в других погребениях. Эта последняя форма имеет более плотно обмотанную спираль на стержне от $3\frac{1}{2}$ до 4 см., при чем эта спираль очень заметно суживается к верхнему концу. Здесь стержень привески также переходит в завиток в виде трех колечек для продевания ремешка. Особенно характерным признаком следует считать сильно сплюснутый по горизонтали грузик в форме того же кубика (рис. 8).

Обращаясь к вопросу об аналогиях к этому предмету украшения, я снова отмечаю отсутствие таких аналогий, кроме Вичмарской, но вместе с тем предполагаю предшествующие и последующие формы в типологическом их развитии. Наиболее древнюю форму можно видеть в Ананьинском могильнике ¹⁾. Это—золотая привеска в виде стержня, длиной до 4 см., не обмотанного проволокой, при чем тройной завиток образован тем же стержнем, а вместо грузика этот стержень сильно сплюснен, образуя как бы конус. В Пьяноборском могильнике имеем следующую форму в двух видах—первую в виде „колечка с конической спиралью или пластинчатым конусом в нижней части“. В первом случае спираль согнута из одной проволоки с колечком, а во втором конус (всегда рубчатый) надет на кольцо, имеющее для того внизу расширение. Вторую форму видим в сереге при привеске гладкой, без напускного конуса, но с значительным утолщением на конце ²⁾. Как в Ананьинском могильнике, так и в Пьяноборском такие предметы бывали и из золота. Очень близка к армеевской форме височных привесок форма того же предмета из Серповского могильника, при чем она имеет округленно-кубовидный грузик, стержень массивнее и не имеет трехкольцевого завитка.

Наконец, наиболее поздним типом таковой привески является височная привеска из Лядинского, Ефаевского и Паевского могильников. Эта привеска значительно длиннее всех других, достигая 8 см., и имеет форму стержня, обмотанного проволокой с верхним тонким концом, согнутым спиралью, в 3—4 оборота под прямым углом и с расширенным многогранной формы нижним концом. Кроме бронзо-

¹⁾ А. М. Tallgren—„L'èpoque dite d'Ananino dans la Russie orientale“—Helsinki, 1919, стр. 183.

²⁾ См. В. Н. Ястребов—Лядинский и Томниковский могильники, Тамбовской губ.—М. А. Р. № 10, СПб, 1893 г., стр. 20.

вых встречались и серебряные экземпляры ¹⁾. Этот тип привесок считается, как известно, характерным для мордвы. Я имею в виду такую последовательность в развитии височной привески на том основании, что ананьинская форма является наиболее простой, но вместе с тем заключающей в себе основные элементы армеевской привески: величину, стержень, утолщение на конце—будущий кубовидный грузик,— и трехколенную спираль для продевания ремня. Следующий тип—Пьяноборский—в двух своих вариантах показывает дальнейшее развитие основных элементов: грузика и спирали—будущей обмотки. Явно более поздним видом является Лядинская височная привеска, сохранившая те же элементы, но как бы в их стилизованной, схематической форме. Таким образом армеевская форма описываемого предмета помещается в центре взятого ряда, следовательно, она— тот вид, какой приходится на среднее, скорее всего, время для существования височных привесок и указывает на свое волжско-камское происхождение, где как бы прямой ее преемницей была вичмарская привеска, определяемая V веком новой эры.

Серповский тип стоит рядом с армеевским, представляя, повидимому, один из переходных вариантов, вероятно, более поздних, VI—VII в.

Следовательно, время для армеевской формы височных привесок находится между III (Пьяноборские формы) и IX в.в. н. эры, при чем ближе к более ранней дате, нежели поздней, судя по близости формы предметов. Мне кажется, что дата IV—VI в. для армеевской формы является наиболее верной.

3. С п и р а л и.

а) тонкая, пластинчатая спираль встречена была лишь в одном погребении—№ 4,—и только в незначительных обломках. Диаметр оборотов до 1,5 см. Она, очевидно, составляла часть несохранившегося спиралевидного перстня, т. к. была найдена на пальце покойника. Однородную этой спирали видим в Ананьинском могильнике— в погребении g ²⁾—серебряную спираль, а ближайшую форму ее в XII погреб. Курманского могильника ³⁾;

б) мелкие спирали—витушки, составляющие часть наконечников, например, в 56, 70 или 89 погребении, ожерелий (погр. 31, 113) или коленных ремней, напр., в погр. 42 (рис. 9);

в) более крупные спирали-витушки, составляющие часть других подвесок, например, из того же 70 погребения, где они прикрывали собой ремешки, на концах которых оказались прикрепленными „коробчатые“ или „звездчатые“ подвески по определению П. П. Ефименко ⁴⁾, или „лопастные“ (погр. 113);

г) спирали, составляющие особые ожерелья из 9 штук по три в ряд, по концам скрепленные бронзовыми обоймицами, орнаментированными выпуклыми точками (42 погреб.).

Такие спиральки-витушки мы видим в Кошибеевском, Борковском, Кузьминском и Курманском могильниках, а также близкие им— в Лядинском.

Время армеевских спиралей, повидимому, определяется IV—V в.

¹⁾ См. А. Спицын—„Древн. басс. р.р. Оки и Камы“, М. А. Р. № 25, СПб. 1901 г., стр. 2. там же ссылка на таблицу.

²⁾ См. Tallgren, op. C., стр. 27.

³⁾ Коллекция Госуд. Исторического Музея (Москва).

⁴⁾ См. П. П. Ефименко—„Рязанские могильники“ Мат. Этн. Русского Музея, т. III, в. I, стр. 71.

4. Г р и в н ы .

Гривны в Армеевском могильнике довольно разнообразны и представлены пятью формами, при чем пятая форма имеет три разновидности.

Первая форма: простейшая—гладкий проволочный обруч небольшого диаметра (12 см.) с загнутыми концами, образующими крючки, заходящие один за другой. Эта гривна найдена в детском погребении (мог. 43). Она напоминает простейшие формы сарматских гривен (рис. 10) из бронзы.

Вторая форма: также простой, но железный обруч, обмотанный бронзовой спиралью из проволоки, при чем на более или менее равных расстояниях друг от друга нанизаны бронзовые бусы. Проволока имеет в поперечном сечении форму треугольника, а бусы—шестиугольника. Диаметр гривны обычный до 19 см. Найдены такие гривны во 2, 3, 48, 56, 50, 89, 105, 111, 127 погребениях (рис. 11).

Подобные же гривны встречаются в Кузьминском могильнике. П. П. Ефименко относит такую гривну к стадий „А“ Рязанских могильников ¹⁾, т.-е. к III веку.

Третья форма: гривна бронзовая в виде гладкого круглого обруча, передняя часть которого обмотана бронзовой рубчатой спиралью, перемежающеюся шестью, по три с каждого конца, бронзовыми бусами (рис. 12). Там, где начинается обмотка, бронзовый обруч немного сглажен и на месте сглаживания нанесена насечка в виде зигзага из трех параллельных рубчиков. Концы гривны представляют собой крючек-петлю, загнутую вверх, другой—петлю, в которую вкладывается крючек-петля. Другими словами, это—замок в двойную петлю. Диаметр гривны, в среднем, равен 17—20 см. Иногда петля делается на правом, а иногда на левом конце (56 погр.). Такие гривны найдены во 2, 3, 46, 56, 70, 74, 87, 89 и 105 погр. Подобные гривны встречаются в Борковском ²⁾, Курманском ³⁾ и Кузьминском могильниках. По мнению П. П. Ефименко, эта гривна в Кузьминском могильнике появляется тотчас же за железными гривнами, обмотанной бронзовой проволокой и на ряду с следующей формой—гривной с замком-коробочкой (рис. 13).

Эта, четвертая, форма сходна с предшествующей, отличаясь от нее замком, который имеет вид плоской круглой коробочки, диаметром в 4—5,5 см., заполненной деревянным кружком. Доньшко коробочки представляет собой щиток с прямоугольным отверстием для вставки другого конца гривны, сплющенного и загнутого в виде крючка. По форме коробочки можно установить для Армеевского могильника три типа этого рода, а именно:

а) наиболее простая форма крышки-замка с слегка рубчатыми краями (это наблюдается почти у всех типов) и пятью выпуклинами (погр. 74, 89) рис. 14;

б) такая же крышка-щиток, при чем центральная выпуклина окружена чеканными треугольниками (погр. 70) рис. 15, или мелколинейной насечкой (погр. 13) рис. 16;

в) того же диаметра замок, но крышка-щиток украшена пятью крупными выпуклинами, окруженными в основании выпуклыми валиками (погр. 3) рис. 17.

¹⁾ См. *op. cit.*—стр. 67 и рис. 1, № 17.

²⁾ См. А. Спицын, *op. cit.* таб. X и П. Ефименко—*op. cit.* стр. 71, рис. 2, № 22.

³⁾ Кол. Гос. Ист. Музей и Древн. М. Арх. Общ.: т. XIV, погр. XXXVI и XIII.

Типы а и в встречаются в Курманском могильнике ¹⁾ (погр. XXXIV и XXXVI), Кузьминском ²⁾ и Борковском ³⁾.

П. П. Ефименко указывает, что наш тип „а“ является более древним, нежели тип „b“. Что же касается типа „с“, то, принимая во внимание, его большую величину, признаваемую в качестве характерной черты для более поздних форм, его следует считать, повидимому, наиболее поздним из всех армеевских гривен с замком-коробочкой, но не позднее всех гривен этого типа, например, из Борковского могильника, т. к. ни одна армеевская гривна не имеет такой величины замков как Борковская, указанная А. А. Спицыным ²⁾, т. е. армеевская гривна с замком-коробочкой вряд ли заходит далее VI в. То же время возможно придать и гривнам с петлевидными концами.

Пятая форма гривен—серповидных,—представлена двумя пластинчатыми, в поперечном сечении имеющими форму треугольника (рис. 18). Одна из них—железная (погр. 32), а другая—светло-бронзовая (белый металл), из погр. 12. Один конец у этих гривен изогнут в виде буквы S, а другой округленно затуплен.

В Борковском могильнике мы видим такую же гривну, но с обоими округлыми затупленными концами ⁴⁾. Такие же как и в Борковском встречаются гривны в Кузьминском могильнике ⁵⁾ и гораздо более поздние разновидности находятся в Лядинском могильнике ⁶⁾.

П. П. Ефименко определяет серповидные гривны, как более поздние, имеющие „богатое развитие в финских древностях“ ⁷⁾ давая ей место в VI—VII в. в. нашей эры, а появление их, вероятно, и для времени несколько более раннего, напр., V века.

Б у с ы.

Бусы, найденные в большом количестве при женских костяках, иногда до 1000 штук в одном погребении, разделяются на стеклянные, мозаичные, глиняные и янтарные.

Наибольшее количество бус сделано из обожженной глины, нагретой до 700° и превратившейся почти в стекловидную массу сургучного цвета ⁸⁾. По форме они весьма разнообразны, а именно:

1) шаровидные, величиной с горошину (мог. № 3, 10, 11, 18, 32, 36, 42, 43, 48, 50, 52, 61, 69, 70, 74, 78, 81, 82, 87, 89, 92, 94, 100, 101, 105, 112, 113 и 127)—рис. 19;

2) крупные округло-цилиндрические (мог. № 3, 12, 13, 70, 74, 81, 89, 105 и 127)—рис. 20;

3) граненая (мог. 3);

4) мелкие (мог. 45, 91, 92, 100 и 102)—рис. 21;

5) средней величины, имеющие в сечении ромбическую форму (мог. 91, 106);

6) крупные шаровидные с отсеченными сегментами на месте сверлин (мог. 4, 46, 69 и 127);

¹⁾ Кол. Гос. Ист. Музея Древн. М. Арх. Общ. т. XIV.

²⁾ А. Спицын—ор. с. стр. 96, рис. 23; таб. 14, 11. (только крупнее армеевской на 1,5 см.).

³⁾ *ibid.*, таб. X, 8, таб. XIV, 7.

⁴⁾ *ibid.* таб. XVIII, 1.

⁵⁾ П. Ефименко—„Рязан. мог-ки“, стр. 74, рис. 4, № 14.

⁶⁾ См. В. Ястребов—„Ляд. и Томн. могильники“ табл. XI, 4 или XV, 2.

⁷⁾ П. Ефименко—„Ряз. мог.“, стр. 69.

⁸⁾ Химический анализ глиняных красных бус сделан проф. В. В. Челинцевым, за что пользуюсь случаем выразить ему благодарность.

7) рубленные (мог. 18, 31, 40, 41, 46, 74, 82, 87, 89, 99, 105, 110, 113 и 127)—рис. 22;

8) цилиндрические (мог. 111);

9) бочковидные (мог. 36);

10) кубические (мог. 36);

Вторая группа бус, изготовленных уже не из глины, а из стекла, распределяется также на ряд отдельных типов:

1) синие, довольно крупные, граненые (мог. 2, 3, 13, 21, 32, 48, 57, 78, 95 и 105)—рис. 23, а и в;

2) синие, шаровидные мелкие (мог. 3, 11, 32, 40, 45, 74, 82, 91, 92, 94, 100 и 111);

3) синие цилиндрические (мог. 3 и 117)—рис. 24;

4) синяя буса с желтым пояском (мог. 43)—рис. 25;

5) синяя с белыми глазками (мог. 74);

6) синие рубчатые (мог. 127);

7) голубые яйцевидной формы (мог. 105);

8) желтые мелкие (мог. 43 и 127);

9) зеленые средней величины (мог. 43, 82, 87, 89, 105, 110, 127);

10) зеленые плоские мелкие (мог. 82);

11) золоченые цилиндрической формы (мог. 3, 32, 82);

12) золоченые в виде пронизок из мелких, слившихся друг с другом, шариков (четковидные палочки) (мог. 113 и 127).

Третья небольшая группа дает бусы, сделанные из мастики, а именно: шаровидные коричневого цвета с разноцветными узорами (мог. 3, 32, 105)—рис. 26.

Последняя группа представлена одним экземпляром—янтарной бусой, имеющей форму сплющенного шарика (мог. 46).

Таков состав бус из Армеевского могильника. На первом месте и по качеству, и по значению стоят красные глиняные бусы разной величины и формы. Сами по себе такие бусы характерны для наиболее древних из известных в науке финских могильников, не встречаясь в поздних.

П. П. Ефименко относит к более древним те из красных бус, которые отличаются небольшой величиной и сопутствуют золоченым стеклянным, имеющим форму четковидных палочек (мог. 113, 127). Эту комбинацию бус он считает характерной для стадии „А“ погребений Кузьминского могильника, т. е. определяет ее временем, приблизительно, III века хр. эры. Наиболее поздними из красных бус тот же исследователь считает бусы грушевидные и даже деформированные, слившиеся вместе. Заметим, что этого типа бус мы не имеем в Армеевском могильнике и поздними для него, таким образом, являются скорее бусы средней величины, шаровидные, сопровождаемые рубленными цилиндрической формы бусинками. Время, следовательно, V—VI в. в. Что касается синих стеклянных бус, то они очень близки сарматским таким же бусам, как это можно, равным образом отметить и в отношении мозаичных бус. Более поздние мелкие синие стеклянные бусы все же могут быть отнесены к тому же времени, т. е. не позже IV—V века.

Все эти типы бус мы встречаем и в других могильниках, как например, в Кошибеевском, Борковском, Пьяноборском, Курманском, Ивановском ¹⁾, как в наиболее древних.

¹⁾ См. П. П. Ефименко—Средне-Волжская экспедиция 1926—27 г.—„Сообщения“ Гос. Акад. Ист. Мат. Культуры, т. П, стр. 169.

6. Нагрудные бляхи.

Предмет этот очень ярко представлен в Армеевском могильнике, давая несколько разновидностей. Сам по себе, будучи очень оригинальным украшением женского наряда, он особенно характерен для финнов в разное время их существования, исчезнув только в XIV—XV в.в., т.е. когда финны стали терять яркие особенности своей культуры, переходя к широким заимствованиям от народов, окружавших их и экономически более сильных. Для Среднего и Нижнего Поволжья таким фактором оказались в XIII—XV веках Золотая Орда. Нагрудные бляхи уже не встречаются в более поздних могильниках, как например, Аткарский и Черемшанский XIII—XV в.в. или Старо-Яблонский, Ст. Ексарский, Рузлатский—XVIII в.

Нагрудные бляхи Армеевского могильника представлены в форме дисков из листовой более или менее массивной бронзы, имеющих в диаметре от 12 до 17,5 см. Всего было найдено 10 нагрудных блях, при чем они не одинаковы, а именно:

1) Бляхи, имеющие перекрестье в виде двух пластин с равномерно расположенными полукруглыми выступами-придатками с каждой продольной стороны перекладины-пластины. Посредине перекладин имеются довольно крупные выпуклины, идущие по пять в ряд, и на каждом полукруге-придатке по 2 выпуклины. По концам перекрестья имеется по одной очень крупной выпуклине, обнесенной кругом, состоящим из точек. Такая же выпуклина имеется и на вертикальной перекладине на перекрестье. Поверх нее через два отверстия, расположенные по сторонам вертикально, проходит листовидная узенькая дуга—для прикрепления бляхи. По концам перекладин, в образованном из них завитке, укреплено по кольцу того же типа, что и пряжки, характерные для этого могильника, т.е. гранчатые овалы-но подчетыреугольчатые. К оборотной стороне бляхи бывает припаяна дужка, посредством которой закреплялась кольцевая застежка, захватывавшая ткань одежды.

Такие бляхи найдены в 50, 56 и 127 могилах (рис. 27).

2) Второй тип близок первому, но только вместо полукруглых выступов придатков на перекладинах креста имеются прямоугольные, при чем центральные выступы вдвое шире средних и крайних. Крупные выпуклины по концам креста и в середине не имеют точечного окружения. Орнамент из выпуклин нанесен не только посреди перекладин, но проходит и по краям, а по окружности бляхи нанесены в два ряда мелкие выпуклины. Впрочем, не исключена возможность такого орнамента и на бляхах первого типа, что невозможно установить вследствие плохой их сохранности. Этого типа бляха найдена в мог. № 70 (рис. 28).

3) Третий тип нагрудной бляхи имеет перекрестье в виде двух простых перекладин без выступов, при чем они украшены орнаментом в форме крупных выпуклин в один ряд и по окружности такими же выпуклинами, идущими в два ряда (мог. 87, 89)—рис. 29.

4) Четвертый тип сходен с третьим, но только орнамент на перекладинах имеется в виде двух рядов по их краям, не доходящих до перекрестья, а по окружности нанесены выпуклины в три ряда. Самая бляха массивна (мог. № 3) рис. 30.

5) Пятый тип представлен звездчатой бляхой, имеющей в середине прорезную звезду, в центре которой находится плоская кры-

шечка шестиугольной формы. Она украшена пятью крупными выпуклинами, обнесенными рубчатым кружком; по концам звездочки такие же выпуклины, а между ними очень крупные выпуклины с таким же окружением. Средина бляхи, покрытая крышечкой, окружена двускатным ободком, по внешнему краю которого идет такой же рубчатый круг. По окружности бляхи сделан орнамент из мелких выпуклин в три ряда. Колец по краям бляхи нет (мог. 61)—рис. 31.

б) Шестой тип бляхи сходен с пятым, но вдвое больше размером, при чем прорезная звезда имеет шестиконечную форму, а выпуклины раза в 3—4 больше в диаметре (мог. 2)—рис. 32.

Обращаясь к определению времени бытования нагрудных блях Армеевского могильника, следует, прежде всего, отметить южный прототип блях, имеющийся в настоящее время в коллекциях Гос. Исторического Музея ¹⁾.

В слободке Недвиговке, Донской обл. П. М. Леонтьевым в 1853 г. были найдены некоторые сарматские вещи, а в том числе под № 636 бронзовый диск, разделенный накрест двумя резными, оканчивающимися петельками, бронзовыми, прикрепленными к нему, пластинками. К краям диска прикреплены 4 овальные пластинки, в которые вделано по одному овальному рубчатому колечку (уцелело два). Поверхность диска покрыта гравированными концентрическими окружностями. Обратная сторона бляхи не имеет орнамента. Перекладыны креста гравированы косыми крестиками и зубчиками, при чем перекладыны так вырезаны по краям, что образуют линию чередующихся прямых и округлых частей. В центре перекрестия сделаны овальные прорезы для привязывания бляхи (рис. 33).

Описанная бляха является, очевидно, прототипом наших нагрудных блях, из которых ближе всего стоит бляха первого и второго типов. Однако, совершенно очевидно, что местные мастера, подражавшие оригиналу, не могли уже дать изящного и тонкого гравирования, заменив его грубой точечной орнаментировкой. Позже, повидимому, сложился совсем простой тип бляхи—третий и четвертый тип. Следует, однако, с осторожностью относиться к указанию на Недвиговку, как на место находки южной бляхи, т. к. в более ранней описи (Московского Университета) этого указания нет ²⁾. Однако, значение этой бляхи при всех условиях весьма важно для суждения о финских нагрудных бляхах.

На ином принципе созданы бляхи пятого и шестого типа—не крестовидные, а „звездчатые“. Здесь все внимание сосредоточивается на способе прикрепления бляхи посредством устройства звезды и крышечки, тогда как в первых типах имеем едва заметный способ—кольцевая застежка держит бляху благодаря прикрепленной к оборотной ее стороне маленькой дуге, через которую продевается игла застежки.

Сравнивая Армеевские нагрудные бляхи с бляхами из других могильников, видим, что в Курманском могильнике встречаются бляхи, почти абсолютно схожие с бляхой шестого армеевского типа,—нет только окружающей выпуклину рубчатой линии, и бляхи, близкие типу четвертому, но имеющие бутыльчатые подвески по концам

¹⁾ Г. И. М.—„Указатель памятников“. М. 1893, стр. 369—370.

²⁾ Сообщено мне В. П. Мизиновой.

креста, а орнамент из выпуклин проходит по перекладинам в три ряда ¹⁾.

Сходство со вторым, третьим и шестым типами имеет бляха Кошибеевского могильника, при чем кольца бляхи, показанной на табл. VIII, 3 тождественны с кольцами бляхи из Недвиговки ²⁾. Близка четвертому типу армеевских блях Кузьминского могильника, указанная в таблице XVI, 13, а шестому типу—бляха из того же могильника (табл. XVI, 8), но имеющая восьмиконечную прорезную звезду.

П. П. Ефименко относит все указанные бляхи ко времени от III в., кончая V—VI в. н. эры. Большая оригинальность блях Армеевского могильника и приведенные аналогии дают нам основания ограничить описываемые предметы тем же временем, при чем главным образом мы имеем более ранние даты, нежели поздние, т.-е. для первого, второго, третьего и пятого типов—не позже III века, а для четвертого и шестого типа—несколько позднее, но вряд ли позже пятого века.

7. Кольцевые бронзовые застезки.

Этот предмет найден в обильном количестве в Армеевском могильнике, являясь и предметом украшения, и служебным предметом, посредством которого прикреплялись вещи и скреплялись ткани. По форме и размеру (в 2—2,5 см.) кольцевые застезки довольно однообразны, но обладают различным орнаментом, который позволяет установить несколько типов застезек, часто встречающихся в одной и той же могиле. Заметим, кстати, что нет женского погребения, где бы не было бы хотя бы одной—двух застезек, на что, между прочим, указывает в отношении к Кузьминскому могильнику и П. П. Ефименко, справедливо отмечая, что в случае показания их отсутствия, следует считать это простым недосмотром, или полным исчезновением предмета, вследствие его хрупкости. Кольцевая застезка представляет собой пластинчатое или проволочное кольцо с несомкнутыми и отогнутыми или завитыми в трубочку концами. Язычек у застезек в месте прикрепления к кольцу плоский и широкий, превращающийся в острие на свободном своем конце.

Как я уже указывал, для Армеевского могильника мы имеем несколько типов кольцевых застезек, при том довольно разнообразных в своих вариантах. Всего насчитывается до 15 типов бронзовых застезек, а именно:

1) Застезка пластинчатая без орнамента. Найдена в могилах №№ 1, 3, 8, 12, 18, 28, 31, 43, 44, 46, 52, 61, 70, 74, 83, 90, 121, 125 (рис. 34).

2) Застезка пластинчатая „рубчатая“, т.-е. имеющая рубчики-насечки по своему наружному краю. Найдена в могилах №№ 4, 18, 31, 46, 52, 72, 87, 116 и 117 (рис. 35).

3) Такая же, но вдвое большей величины найдена в могиле № 18.

4) Застезка пластинчатая с точечными вдавлениями по средней линии кольца. Найдена в могилах 52 и 61 (рис 39).

5) Застезка пластинчатая „двузубчатая“, т.-е. имеющая орнамент в виде насечек-зубчиков по наружному и внутреннему краям. Найдена в могилах №№ 2, 12, 31, 32, 42, 46, 51, 57, 61, 62, 63, 69, 72 и 82 (рис. 36).

¹⁾ См. „Курм. мог.“, Древн., том. XIV, табл. 12 и 8.

²⁾ См. „Древн. Оки и Камы“, табл. VIII, 2, 3, 8.

6) Такая же, но вдвое большей величины застежка найдена в могилах №№ 27, 45, 46, 70, 101, 117, 118 и 124 (рис. 37).

7) Застежка пластинчатая с орнаментом в виде резной линии, параллельной окружности кольца, посередине его пластинки. Найдена в могиле № 43 (рис. 38).

8) Застежка пластинчатая с орнаментом из восьми групп линейных нарезок на пластинке кольца по три, расположенных одна в отношении к другой зигзагообразно с некоторыми интервалами (псевдо-зигзаг). Найдена в могилах 12 и 31 (рис. 40).

9) Застежка проволочная (т.-е. имеющая в поперечном сечении круглую форму) без орнамента. Найдена в могиле № 51 и 89.

10) Застежка проволочная, орнаментированная редкой „елочкой“. Найдена в могилах 31 и 62 (рис. 41).

11) Застежка проволочная, орнаментированная плотными рядами зигзагов. Найдена в могилах 28, 63 и 62 (рис. 42 и 43).

12) Застежка проволочная, орнаментированная нарезкой, подражающей спиральям. Найдена в могиле № 32 (рис. 44).

13) Застежка гранчатая, имеющая в поперечном сечении прямоугольную форму, с зарубкой близ каждого завитка. Диаметр застежки до 4,5 см. Найдена в могиле № 92 (рис. 45).

14) Застежка гранчатая массивная „двузубчатая“. Найдена в могиле № 4.

15) Кроме того, имеется один экземпляр железной проволочной кольцевой застежки, найденной в могиле № 43.

Еще следует отметить одну пластинчатую кольцевую застежку без орнамента (типа 1-го), к которой прикреплена бронзовая спираль, охватывающая с другого своего конца массивное колечко (могила № 62)—рис. 46. В этом случае мы имеем ярко выраженное использование кольцевой застежки в качестве служебного предмета, но уже вошедшего в состав специального, особого, украшения.

Обращаясь к хронологии кольцевых застежек, следует указать, что П. П. Ефименко устанавливает для Кузьминского могильника ¹⁾ последовательность появления их в порядке—сначала „рубчатой“ застежки (у нас тип 2), затем пластинчатой застежки с „дополнительным узором“ в виде ряда точечных вдавлений (тип 4), затем „двузубчатой“ (тип 5). Позже, по его мнению, появляются плоские застежки из узенькой плоской бронзы, концы которой свернуты в тонкую трубочку, несколько выступающую за ее края.

Последний тип в Армеевском могильнике не имеется. Хронологически все, указанные выше, застежки определяются III—V в. нашей эры. Если мы ознакомимся с кольцевыми застежками из других могильников, то увидим, что наиболее близкие или совершенно одинаковые формы встречаются в Кошибеевском могильнике, Кузьминском, Курманском и др., т.-е. более древних, сравнительно, например, с Подболотьевским или Лядинским. Так, кольцевая крупная „рубчатая“ застежка из могилы № 18 (Арм. мог.) вполне сходна с таковой же при погр. № 9 Кошибеевского или № 8 Борковского могильника ²⁾. Тип 13 застежки из Армеевского могильника встречается в Холуйском могильнике (тип Борковского ³⁾. Тип 2 армеевской застежки на-

¹⁾ См. П. П. Ефименко—„Рязанские могильники“, стр. 75.

²⁾ См. „Древн. Оки и Камы“, табл. XI, 13.

³⁾ Там же, табл. XII, 21.

ходится в погр. № 69 Кузьминского могильника ¹⁾). Тип 5 или 1-й и др. застежек из Армеевского могильника встречаются в Курманском могильнике ²⁾).

В заключение необходимо отметить то разнообразие типов, каким обладает Армеевский могильник, что указывает, как мне кажется, до известной степени и на факт более позднего существования кольцевых застежек, нежели в III—IV в. Я допускаю возможность более поздней даты V—VI в. и в виду полного отсутствия таких застежек, как с длинными усиками вместо завитков, что является характерным признаком для поздних могильников, а для ранних показателем первого их появления в культуре, вряд ли можно допустить более поздний момент, напр., VIII в. Кстати отметим прием орнаментации застежки типа 8, которая вполне сходна с таковым же на фибуле из могильника Reichenhall в Мекленбурге ³⁾).

Как было уже сказано, кольцевые застежки употреблялись для самых различных потребностей. Мы видим их на поясах, на всей вообще одежде, что, между прочим, имело место и позже,—так, видим их в наряде мордовских женщин по рисункам Палласа. Как на этих рисунках кольцевые застежки (будущие сьюльгама) размещены свободно по верхней части костюма, так мы встречаем их целыми группами и на остатках одежды в погребениях Армеевского могильника. Способ употребления, очевидно, остался таким же.

Исследования Е. Лайда, а еще раньше проф. В. В. Гольмстен в ее работе „Хронологическое значение эволюции древних форм“ по вопросу о застежках показывают ⁴⁾, каким образом кольцевая застежка постепенно изменялась, принимая форму от простой древней кольцевой застежки до пышного сьюльгама. Исследователь справедливо видит в этом предмете характерный мордовский предмет для украшения или для скрепления одежды, при чем правильно, как мне кажется, относит его к Мордве Мокше. Это обстоятельство, несомненно, должно иметь, отчасти, значение и для разрешения вопроса о принадлежности Армеевского могильника той или другой финской племенной группе.

8. П р я ж к и.

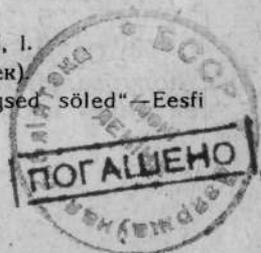
Почти столь же распространенным бытовым предметом как и кольцевые застежки можно считать пряжки, бронзовые и железные. По величине своей они довольно разнообразны, но особенно крупных мы не видим в погребениях Армеевского могильника. По своим формам пряжки скорее однотипны, отличаясь, главным образом, не столько формой кольца, сколько обоймой, держащей кольцо и служащей для укрепления ремня. Все пряжки употреблялись как для поясов, так и для ремней от обуви. Характерной чертой Армеевских пряжек является хоботовидный или клювообразный длинный язычок, загнутый и как бы облегающий кольцо пряжки. Иногда этот язычок довольно резко согнут под тупым углом, например, у пряжки из погребения 33 и 55 (рис. 47). В большинстве случаев кольцо пряжки имеет арочную форму, более или менее приближающуюся к че-

¹⁾ См. „Древн. Оки и Камы“, табл. XIX, 10.

²⁾ См. Ф. Уваров—„Курм. Мог.“, „Древности“, т. XIV, т. XIII, I.

³⁾ См. Prähist. Abt. d. Mus. für Völkerkunde в Берлине (V век)

⁴⁾ См. E. Laid—„Mordvalaste. Etnografilised ja koolmuinasaegsed sõled“—Eesfi Rõhva Muuseumi Aastaruamat“ II, стр. 165 и сл.

тырехугольнику с закругленными углами. В других случаях, особенно у крупных пряжек, кольцо сильно вытянуто в ширину, превращаясь в овал, одна сторона которого сильно вдавлена в середине, куда накладывается язычек. Эта, последняя, форма характерна для крупных пряжек, как бронзовых, так и железных. Самые кольца—овальные, гранчатые или выпукло-вогнутые. Три пряжки обладают иной формой, имея обойму, отлитую вместе с кольцом (см. мог. 49—рис. 48). Пряжка из могилы 12 представляет собой совершенно особый тип, о котором будет сказано ниже. Таким образом все пряжки распределяются на следующие типы:

1) Крупная (3,5 X 3,5) бронзовая пряжка арочной, почти квадратной, формы с клювообразным язычком, на корне которого имеется выступ в виде квадрата, орнаментированного косым крестом. Найдена в могиле 124. Подобная ей железная пряжка найдена в могиле 89 (рис. 50), а более упрощенная форма—в остатках землянки, обнаруженной и раскопанной мной близ с. Армеева около городища № 2, той же эпохи (рис. 50).

Средней величины (около 2 кв. см.) бронзовая (встречалась и железная) пряжка такой же формы с прямоугольной обоймой. Найдена в могилах 2, 6, 7, 22, 42, 46, 48, 104, 105, 111 и 123 (рис. 51 а, в, с).

3) Такая же пряжка с обоймой, округленной со стороны, противоположной той, где укрепляется кольцо. Найдена в могиле 79 (рис. 52).

4) Такая же пряжка с узкой округленной обоймой. Найдена в могиле 92 и 112 (рис. 53).

5) Маленькая такой же формы пряжка (ок. 1,5 кв. см.) с прямоугольной обоймой. Найдена в могиле 124 (рис. 54).

6) Такая же железная пряжка (обойма не сохранилась). Найдена в могилах 49, 54, 109 и 118 (рис. 55).

7) Очень маленькая (около 1 см. в диаметре), круглая пряжечка с квадратной обоймой, отлитой вместе с кольцом. Найдена в могилах 2, 22, 48 и 104 (рис. 56).

8) Средней величины бронзовая пряжка с круглым кольцом и прямоугольной обоймой, отлитыми вместе. Найдена в могиле 8 (рис. 47).

9) Средней величины бронзовая пряжка, обложенная золотым листком. Кольцо имеет широкий ободок. Пряжка имеет выпукло-вогнутую форму. Найдена в могиле 49 (рис. 48).

Пряжки второго раздела представлены в виде широких вытянутых колец с сильным изгибом для наложения язычка. Они также различны по величине.

1) Крупная пряжка (ок. 4,5 см. длины) с полуовальным щитком-обоймой и хоботовидным язычком. Найдена в могилах 25 и 27 (рис. 57).

2) Такая же пряжка, но с прямоугольным щитком-обоймой и орнаментированным поперечной насечкой язычком, начиная с его перегиба (по хоботу). Найдена в могилах 33 и 103 (рис. 58).

3) Такая же пряжка, сильно сжатая в овал. Найдена в могилах 1, 2, 5, 7, 25, 29, 39, 52, 59, 61, 80, 86, 100, 118 (рис. 59).

4) Средней величины такая же пряжка (ок. 2,5 см. в ширину), с полуовальной обоймой. Найдена в могиле 24. Хоботовидный язычек имеет вдоль глубокую насеченную линию (рис. 60).

ТОМАСОВ

5) Такая же пряжка, но обойма-щиток прямоугольной формы. Найдена в могиле 55 (рис. 61).

6) Маленькая (ок. 1,5 см. в ширину) с прямоугольной обоймой-щитком, на котором помещен гранат или альмандин, укрепленный в золотом гнезде. Найден в могиле 89 (рис. 62).

7 и 8) Кроме поясных пряжек найдены еще пряжки от обуви. Обе одинаковой формы—арочной, с держащими их крутыми прямоугольными обоймами. Пряжка из могилы 2 орнаментирована рубчиками по краям щитка (рис. 63), а пряжка из могилы 3—такими же рубчиками, при чем с узкой стороны, противоположной той, которая держит на петлях кольцо, имеется выше рубчиков два ряда по 9 штук выпуклин (рис. 64).

9) Особо выделяется большая, до 6 см. в диаметре, круглая пряжка в виде кольца с восемью двойными шаровидными придатками, расположенными попарно, симметрично. Кольцо представляет собой подражание плетению, в форме трех выпуклых жгутов. Найдена в могиле 12 (рис. 65).

Все описанные пряжки, за исключением двух—одной, покрытой позолоченным бронзовым листочком (мог. 49), и последней, круглой, орнаментированной на подобие плетеных жгутов (погр. 12), могут быть охарактеризованы, как типично поздне-сарматские, или т. н. готские, известные своими характерными геометрическими резкими формами и хоботовидными язычками. В качестве аналогии можно указать на образцы из могильников Суук-Су, Борисовского или Черняховского и др., а также и более ранние аналогии. Так, пряжка типа 4, раздела 1-го, из Армеевского могильника очень близка пряжке из погребального поля Kittendorf в Мекленбурге, найденной с монетой императора Зенона (474-491) ¹⁾—(рис. 66).

Пряжка типа 3 сходна с пряжкой, показанной на таблице XXIV из могильника Reichenhall в Германии ²⁾. Такая же пряжка известна и из 64 погр. Кошибеевского могильника ³⁾. Разные типы пряжек повторяются в пряжках Борковского, Кузьминского и Курманского могильников, или близки им. Что касается пряжки из могилы 89 с гранатом, оправленным в золотой ободок, то она, равно как и бронзовая пряжка, обложенная штампованным золотым листочком (мог. 49), вполне характерна для поздне-сарматской культуры III-IV в.в. Первая может быть рассматриваема в комплексах вещей, украшенных гранатами, т. е. относится к вещам, характерным для так называемой эпохи переселения народов, а вторая должна быть поставлена на ряду хотя бы с вещами из кургана близ ст. Шипово Ряз.-Уральской ж. д., т. е. относится так же к IV в. н. эры ⁴⁾. Сходную с ней по форме пряжку видим в Курманском могильнике ⁵⁾. Наконец, пряжка в виде большого кольца с восемью полукружиями по окружности имеет аналогию в пряжке из могильника близ деревни Бахмутиной, Уфимск. губ. ⁶⁾ и определяется временем не позже VI века.

¹⁾ См. Prähistor. Zeitschrift, B. II. H. Ф. 4, стр. 195, 1910 г.

²⁾ См. Das Gräberfeld von Reichenhall.

³⁾ „Древ. Оки и Камы“, таб. XI, 15.

⁴⁾ См. колл. Н.-В. Краев. Музея, раск. Рыкова 1925 г. и ESA., IV.

⁵⁾ См. колл. В. В. Гольмстен в Р. Ист. Музее.

⁶⁾ См. Древн. т. XIV, табл. XI, мог. XIV.

Таким образом все пряжки Армеевского могильника следует признать, прежде всего, очень близкими друг другу по времени и характерными по форме настолько, что их время в достаточной степени близко определяется IV-VI в.

На ряду с плоскими пряжками следует особо отметить упомянутые пряжки от обуви, точнее от ремней для нее, при чем скорее всего, племя, хоронившее покойников в Армеевском могильнике, носило кожаную обувь реже, чем лапти, украшавшиеся ременными оборами с бронзовыми пряжками и подвесками (рис. 67). Я основываю свое предположение на отсутствии каких бы то ни было остатков кожаной обуви; тогда как, если бы ее носили, то несомненно что-либо от нее и сохранилось бы,—например, уцелели, хотя и плохо, ремни.

Пряжки того же типа, что и поясные, как видим это по вещам из могилы № 89 (рис. 68). В могиле 42 видим другой тип пряжки, кольцо которой имеет трапецевидную обойму, склепанную тремя гвоздиками (рис. 69).

9. Ф и б у л а.

Близким к пряжкам предметом является, как известно, фибула. В Армеевском могильнике найдена всего одна фибула—в могиле 117 (рис. 70), но настолько характерная, что дает право довольно точно ее датировать. Она представляет два бронзовые щитка, соединенные дужкой. Первый щиток—головка фибулы, представляет полукружие с тремя расположенными симметрично придатками в виде двух сплюснутых шариков, судя по сохранившемуся среднему придатку. Второй щиток—хвост фибулы, к обратной стороне которого прикреплен приемник для иглы; представляет собой вытянутый ромбовидный со сглаженными углами четырехугольник. Подобные фибулы хорошо известны в древностях, так называемых „готских“, или, вернее, сарматских, напр. из Керчи. Аналогю этой фибуле, но в прекрасном экземпляре ¹⁾, видим в серебряной фибуле с гранатами из Raba Róddány (Венгрия), относимой исследователем к IV—V в. Такой же, но простой работы, экземпляр мне пришлось видеть в собрании вещей эпохи переселения народов в Kaiser Friedrich Museum (Берлин) под № 499. Весьма близкую нашей фибуле видим фибулу в Кошибеевском могильнике ²⁾. Попутно отметим, что такая фибула для Кошибеевского могильника—редкий предмет, и найдена всего одна, а другая, железная, оказалась большого размера и несколько другой формы ²⁾. Армеевская фибула вполне определяется временем, каким датировал Ф. Феттих венгерскую фибулу, при чем она не пойдет далее IV—V века, т. к. за ней следует уже пятипальчатые фибулы, восходящие к V—VII веку и далее, в резких своих формах, как видим это у Гампеля ³⁾.

10. Поясные украшения.

Украшение ременных поясов в виде бронзовых и железных бляшек, обойм и колец в Армеевском могильнике известны в шести типах:

¹⁾ См. F. Fettich Ueber die Erforschung der Völkerwanderungskunst in Ungarn (УРЕК), taf 19, 2 и 3.

²⁾ См. „Древн. Оки и Камы“, т. VII, рис. 5, таб. 9, рис. 17.

³⁾ См. J. Hampel—Altertümer d. frühen Mittelalters in Ungarn—Braunschweig, 1905.

1) Железные фигурные пластинки в форме длинных крестиков с широкими выступами сверху и внизу вертикальной перекладки (могила № 33)—рис. 71.

2) Железный столбик с роговидными округленными разветвлениями (мог. 49)—рис. 72.

3) Железный крестик, подобный первому типу, но с округленными выступами сверху и снизу вертикальной перекладки (мог 89)—рис. 73.

4) Бронзовые полушарные бляшки, украшенные по окружности полоской в виде жгута (мог. 127). На обратной стороне вместо штифтика имеются перемычки—рис. 74.

5) Такие же бляшки, имеющие на вершине выпуклину, а по окружности украшенную рубчатой полоской (мог. 2)—рис. 75.

6) Мелкие бляшки первого типа, имеющие по окружности полоску, украшенную точками (мог. 3). Кроме того, для прикрепления эти бляшки имеют сверлинки на полоске, тогда как первые типы укреплялись штифтиками—рис. 76.

Кстати, обращаю внимание на особую форму пояса, кроме обычной. Это,—сложный ремень, состоящий из отдельных кусочков, украшенных нашитыми на них короткими бронзовыми спиральками, намотанными на тонкие ремешки, и по концам круглыми плоскими обоймами, орнаментированными по окружности рубчиками. Эти отдельные кусочки кожи посредством колец, продетых в указанные выше обоймы, соединяются в общую цепь, образуя пояс, при чем он застегивается пластинчатой кольцевой гладкой застежкой. Такие пояса найдены в могилах 40, 70 и 111—рис. 77.

Указанные бляшки известны нам и из других могильников, а именно из Кошибеевского—тип 4 Армеевский. При этом в Кошибеевском могильнике эти бляшки оказались на каком то головном уборе ²⁾. Мне кажется, что здесь мы имеем дело с кокошником, т. к. в могиле 127 Армеевского могильника такие же бляшки с жгутовидным ободком, весьма возможно также относятся не к поясу, а наконснику, как явствует из дневника.

Тип 1 и 2 Армеевских бляшек близок к бляшкам, изображенным на таблице XI, 1 и относящимся к Кошибеевскому же могильнику ¹⁾.

Совершенно сходная форма бляшки типа 1 из Армеевского могильника усматривается в Борковском могильнике ²⁾.

Типу 5 мы видим близкую аналогию в пряжке из Курманского могильника, например, в таб. IX, XXXII ³⁾.

В более поздних могильниках, напр., в Лядинском, видим позднейшие варианты типов 4 Армеевского (см. таб. 3, 29) ⁴⁾. Таким образом приходим к заключению, что бляшки всех типов, найденные в Армеевском могильнике, относятся к довольно ранним и не встречаются позже времени могильников Борковского, Кошибеевского и Кузьминского. Это обстоятельство дает нам основание эту категорию

²⁾ См. «Др. Оки и Камы», стр. 15, таб. IX, 14.

¹⁾ См. «Др. Оки и Камы»—погр. 75.

²⁾ См. «Др. Оки и Камы», таб. XIX, 3.

³⁾ См. В. Н. Ястребов—Лядинский и Томниковский могильники. М. А. Р. № 10

⁴⁾ См. Уваров—«Курм. могильн.», Др. МАОбщ., том XIV.

предмета отнести к древним. Кстати отмечу, что полушарная бляшка типа 4 имеет аналогию в бляшке из Althüringisches Gräberfeld (Weimar), хранящейся в Берлинском Музее и относящейся к V—VI в., при чем коллекция, в которой находится эта бляшка, сопровождается меровингскими вещами, украшенными гранатами. То же самое замечание об известной древности вещи можно сделать и в отношении сложного поясного набора, который сопровождается известными нам пряжками, обладающими хоботовидными язычками и своеобразной формой полуовальных колечек.

11. Браслеты.

Браслеты, найденные в погребениях изучаемого могильника, довольно разнообразны. Все они бронзовые за исключением одного—железного—(мог. 60) и разделяются на 10 типов.

1) Простой довольно массивный проволочный браслет (в поперечном сечении круглый)—гладкий без орнамента. Найден в мог. 12, 31 и 52. К этому же типу и относится железный проволочный браслет, найденный в могиле 60 (рис. 78).

2) Такой же формы браслет, со слегка расширяющимися концами, орнаментированными насечкой в виде „елочки“. Найден в мог. 51, 65, 89, 97 и 111 (рис. 79).

3) Такой же формы, но с расширенными и срезанными в виде острых углов концами, орнаментированными нарезкой в „елочку“. Найден в могиле 32 (рис. 80).

4) Такой же браслет как т. 3, но его расплющенные концы сильно расширены и не имеют орнамента. Найден в могиле 31 (рис. 81).

5) Такой же браслет, как т. 4, но концы орнаментированы тремя рядами точек, а весь браслет покрыт елочным орнаментом. Найден в могиле 65 (рис. 82).

6) Проволочный браслет типа 1, но концы его четырехгранные, орнаментированные тремя рядами точек. Найден в могиле 81 и 94 (рис. 83).

7) Гранчатый массивный браслет, имеющий в поперечном сечении четырехугольник; концы орнаментированы „елочкой“ с одной стороны в пять, а с другой в три насечки. Найден в могиле 82 (рис. 84).

8) Такой же браслет, но с расплющенными концами. Орнамент на концах в виде вертикальной редкой насечки—по внешней стороне браслета. Кроме того сделана насечка в виде елочки в три и в два рубца по внешней грани, близко к концам браслета. Найден в могиле 72 (рис. 85).

9) Лентовидный браслет с расширяющимися концами, завитыми в трубочку; по расширенной части нанесен орнамент в виде групп мелких точек. Найден в могиле 12 (рис. 86).

10) Пластинчатый браслет с очень широкими (до 2,5 см.) концами в виде щитков со срезанными углами. По краям их имеется по две крупных выпуклины, окруженных точками и такие же выпуклины по одной сделаны на месте сужения пластины браслета. Найден в мог. 3 (рис. 87).

Браслет первого типа мы встречаем в Кошибеевском могильнике—в 49 погребении,—¹⁾ и в Холуйском могильнике—²⁾.

Браслет шестого типа видим в 72 погребении Кузьминского могильника. Четвертый тип браслета имеет аналогию в браслете из Борковского могильника ³⁾. Некоторое сходство типа 8 имеем в браслете из Окского могильника ⁴⁾, но, повидимому, здесь наблюдается уже более поздний вариант, значительно усложненный.

Обращаясь к работе П. П. Ефименко, мы можем убедиться, что типы браслетов, какие дает нам Армеевский могильник, относятся к IV—VI в.в. н. эры, встречаясь в стадиях В, В₁, С и С₁, Кузьминского могильника ⁵⁾. Браслет типа 10 напоминает своеобразные украшения косы из Кошибеевского могильника, относящегося к древнейшей стадии, по замечанию П. П. Ефименко. Характер Армеевского браслета этого типа, очевидно, восточный, Камский.

В общем же, богатый разнообразием типов браслетов Армеевский могильник дает, повидимому, V—VI век в качестве наиболее определяющих время их существования. Более поздних типов браслетов в описываемом могильнике мы не видим, и достаточно-просмотреть этот предмет украшения из других поздних могильников, чтобы убедиться, что описанные Армеевские браслеты, в большинстве своем, являются их предшественниками.

12. П е р с т н и.

Для культуры, представленной Армеевским могильником, перстни являются редкими и нехарактерными. Всего мы знаем здесь 5 перстней—трех типов:

1) Гладкий листовидный железный перстень. Найден в могиле 46 (рис. 88).

2) Гладкий листовидный перстень со щитком в виде гладкого же квадрата, при чем перстни этого типа имеются большего или меньшего диаметра—один в 2 см., один—1,75 см. и один в 1,5 см. Найден в могилах (бронзовый и оба железные) № 60, 61 и 72 (рис. 89).

3) Спиралевидный бронзовый из тонкой проволочки—мог. 12.

По виду этих предметов сказать что-либо определенное затруднительно, т. к. перстни из других могильников являются очень сложными в сравнении с ними, и, очевидно, более позднего происхождения. Перстни же Армеевского могильника уже вследствие своей простой формы дают основание заключить о большей их древности. Это соображение подкрепляется фактом наибольшего сходства с перстнями Армеевского типа перстня из могильника Keszthely (Com. Zala) в Венгрии ⁶⁾, который можно относить к VI—VII в. н. эры.

13. Трапецевидные подвески.

Широко распространенные во все времена существования финских могильников трапецевидные бронзовые шумящие подвески являются одним из наиболее типичных и излюбленных предметов женского наряда.

¹⁾ „Древности Оки и Камы“, т VII, 4.

²⁾ „ „ „ „ „ т. XII, 28.

³⁾ „ „ „ „ „ т. XIII, 5.

⁴⁾ „ „ „ „ „ т. XXX, 8.

⁵⁾ См. П. П. Ефименко—„Рязанские м-ки“, стр. 75 и д.

⁶⁾ См. L. Hampel op. cit, т. III, таб. 158, 13.

Армеевский могильник дает два типа подвесок, а именно:

1) Простейшие небольшие гладкие трапециевидные подвески. Размер—ширина в основании 1,4 см., высота 2,5 см. Подвешиваются посредством колечка, продетого через сверлину. Найдены в могиле 2, 43, 70 (рис. 90).

2) Наиболее крупные, орнаментированные вдоль основания двумя рядами (по шесть) крупных точечных вдавлений. Размер подвески в основании—2 см., высота 3,25 см. Способ подвешивания тот же. Найдены в могиле 3 (рис. 91).

Трапециевидные подвески Армеевского могильника отличаются своей архаичностью в сравнении, например, с такими же предметами украшения из Лядинского могильника, которые отошли от них своими более сложными формами с выработанными ушками, что отличает их от форм, близких более ранним культурам. Здесь я имею в виду указать на подвески Черняховского могильника—гладкую трапециевидную пластинку типа 1-го Армеевского. 1) Она относится к эпохе переселения народов.

Типу 2 близка орнаментированная выпуклина (по краям) подвеска трапециевидной формы, найденная в кладе с так наз. „готскими“ вещами, близ с. Хауки 2).

В Курманском могильнике мы видим простейшие подвески типа 1, но они усложнены комбинированием—присоединением к основанию одной еще двух, иногда мелкого размера, трапециевидных же подвесок. Древний, простейший тип, подвески дает также и Борковский могильник.

Следовательно, мы с полным правом можем заключить, что трапециевидные шумящие подвески из Армеевского могильника датируются, скорее всего, IV—V в., так как для более позднего времени мы видим уже более усложненные подвески, к которым присоединяются подвески и других форм, не встречающихся в Армеевском могильнике, например, в виде гусиных или утиных лапок.

14. Украшения для обуви.

Здесь мы имеем два вида украшений: трапециевидные обоймы и пряжки. О последних я уже говорил ранее и здесь считаю лишь необходимым обратить внимание на то, что вместе с пряжками, время которых установлено, встречаются и трапециевидные обоймы для ремней от обуви.

Эти обоймы делятся на 6 типов:

1) Обойма трапециевидная, при чем верхний согнутый край представляет петлю для ее подвешивания. Вдоль основания обоймы нанесен орнамент в виде двух рядов небольших выпуклин, по 7 в каждом ряду. Размер обоймы—ширина 2 см. и высота 3,5 см. Найдена в мог. 3 (рис. 92).

2) Такая же обойма-подвеска, но длинная, орнаментирована двумя рядами выпуклин, по 9 в ряду. По краям обоймы имеется насечка в виде рубчиков. Найдена в могиле № 3.

3) Такая же обойма, орнаментированная двумя выпуклинами, расположенными по вертикали. Найдена в мог. 2 (рис. 93).

1) См. Ханенко—„Древн. Приднепровья“. Киев., 1907 г., кн. VI стр. 27 и планш. XVIII, 308.

2) См. Бобринский—„Курганы бл. Смелы“, т. III, таб. XIV.

4) Длинная трапецевидная обойма с согнутым, в виде петли для прикрепления, верхним краем; в основании обоймы имеется срез, образующий острый угол. На середине высоты обоймы орнаментирована тремя крупными выпуклинами, размещенными вертикально в ряд. Размеры: ширина в основании—1 см., высота—7 см. Найдена в мог. 2 (рис. 94).

5) Такая же обойма, орнаментированная двумя рядами мелких выпуклин по 7 в ряд, параллельно основанию; посредине обоймы вертикально нанесен ряд таких же выпуклин в количестве 10. Размеры: ширина основания—1,5 см., высота—6,5 см. Найдена в могиле 3 (рис. 95).

6) Гладкая, длинная, узкая обойма, подобная трапецевидной подвеске, орнаментированная тремя крупными выпуклинами, помещенными внизу ее, в виде треугольника. Найдена в мог. 42 (рис. 96).

Все описанные обоймы настолько близки, по технике и форме, трапецевидным подвескам, что приходится признать их хронологическую близость. Кстати отмечу подобные предметы в сарматских могилах II—III в.в. или в могильнике Reichenhall ¹⁾, относящемся к V веку, где они употреблялись для конского убора—(рис. 92).

Отмечу, также, что в некоторых могилах Армеевского могильника ремни с обоймами и пряжками могут равно относиться и к срубе (например, мог. 24 или 103).

15. Бутыльчатые подвески.

Армеевские подвески этой формы, хорошо известной в финских могильниках, сделаны из бронзы, иногда свинцового цвета, и представлены тремя типами:

1) Широкая с коротким горлышком. Диаметр, в среднем, равен 1,5 см., а высота горлышка—1 см. Найдена в могилах 36, 43, 68, 89 и 101 (рис. 97).

2) Такая же, но с длинным горлышком. Диаметр, в среднем, около 1,5 см. и высота горлышка—1,5 см. Найдена в могилах 3, 12, 43, 50, 68, 74, 78 и 89 (рис. 98).

3) Широкая с высоким основанием и коротким горлышком. Диаметр, в среднем, равен 2 см. и высота горлышка—1,5 см. Найдена в могилах 31, 61 и 89 (рис. 99).

Обращаясь, в целях сравнения, к бутыльчатым подвескам из других могильников, видим, в качестве редкого экземпляра, подвеску третьего армеевского типа в Курманском могильнике ²⁾. В общем же, бутыльчатые подвески из Курманского могильника сходны с борковским и по наблюдающемуся в них развитию от простой подвески к более сложной—с петлей, подражающей веревочной петле ³⁾. Подобные же бутыльчатые подвески знает и Лядинский могильник ⁴⁾, а также и подвески другого типа, напоминающие лишь отчасти бутыльчатые ⁵⁾. Зато близки армеевским подвескам третьего типа подвески из Кошибеевского могильника ⁶⁾. Аналогию видим и в бутыльчатых подвесках из Кузьминского могильника ⁷⁾. П. П. Ефименко относит их

¹⁾ См. Берлинский Музей—могильник эпохи переселения народов.

²⁾ См. „Древн.“, т. XIV, табл. X.

³⁾ См. „Древн.“, табл. IX.

⁴⁾ См. „Лядин. мог.“, т. I, 6.

⁵⁾ См. „Лядин. мог.“, табл. IX, 7.

⁶⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. IX, 22.

⁷⁾ См. „Др. Оки и Камы“, рис. 24.

к стадии В и В₁, датируя III—IV в. Однако, эта форма не столь близка армеевским, как следующая (армеевский тип 2), относящаяся к ст. С и датируемая V веком.

Мне кажется, что все армеевские бутыльчатые подвески могут быть отнесены к стадии „С“ Кузьминского могильника, т.е. наиболее вероятной для них датой является V век. Назначение бутыльчатой подвески указано в цитированной выше работе П. П. Ефименко (стр. 70), что, разумеется, совершенно правильно разъясняет способ и цель употребления этого предмета украшения, а равным образом, безусловно правильно указан и исходный момент в появлении этих подвесок от сарматских прорезных колокольчиков.

16. Пирамидальные подвески.

Армеевский могильник дает один тип пирамидальной бронзовой подвески—с слегка вогнутыми сторонами, с загнутыми внутрь краями и крупным массивным кольцом на вершине. Найден этот предмет в могиле 43 (рис. 100).

Величина армеевских пирамидальных подвесок довольно значительна—до 4 см., но встречаются этого типа предметы и большей величины. Например, подвеска из с. Хмельники, Черкасского у., Киевской губ. ¹⁾—до 6 см. Впрочем, надо заметить, что киевская подвеска более сложна, имея фигурную петлю и три шарика и по шару у каждого угла в основании. Оттуда же имеем маленькую подвеску пирамидальной формы с простой петлей, но, опять-таки, с шариками на углах.

В Мощинском кладе подвески весьма близки армеевским, отличаясь от них только рантом у основания, углы которого спущены в виде треугольников ²⁾.

Некоторое сходство с армеевскими имеют также подвески с округленными гранями, что делают их похожими на колокольчики, из находок в Трире ³⁾.

Весьма близкой к армеевской подвеске является пирамидальная подвеска из Кошибеевского могильника, отличающаяся от нее лишь валиком в основании, с выступами по углам ⁴⁾.

Из приведенного перечня видим, что армеевские пирамидальные подвески не могут быть отнесены к позднему времени и, скорее всего, относятся, судя по подвескам из Мощинского клада, ко времени не позже IV—V века.

17. Конусовидные подвески.

Подвески этого наименования имеют форму конусов с округленными вершинами, просверленными для продевания проволочного колечка, посредством которого подвеска прикреплялась к наконечнику. Изготавливалась она из тонкого бронзового листочка, при чем края не смыкались, оставляя щель. У основания подвеска украшалась тремя параллельными линиями и такими же линиями была украшена в верхней своей части. Округленная вершина бывала иногда сплю-

¹⁾ См. Сбор. Ханенка—„Древн. Приднепровья“, кн. IV, пл. VII, стр. 20.

²⁾ См. N. Boulitchev—„Kourgans et gorodietz“, М. 1900, т. IX, 1.

³⁾ Берлин. Археол. Отдел. Музея Народоведения, II, 6354.

⁴⁾ См. „Др. Оки и Камы“, табл. VI, 25.

шенной. Найдены подобные подвески в могилах 31, 70, 89 (рис. 101). Величина подвесок бывает разной—от 3 до 7 см., при чем крупные сделаны гораздо грубее и небрежнее мелких (см. мог. 70).

Для Кузьминского могильника П. П. Ефименко датирует подобные подвески VI—VII в. Такие же подвески найдены в Курманском могильнике ¹⁾. Борковской могильник дает также близкие армеевским формы конических подвесок, отличающихся лишь отсутствием орнамента ²⁾.

Подвески из Лядинского могильника имеют почти полное сходство с подвесками армеевскими, обладая лишь более богатой орнаментацией—количеством параллельных нарезок у основания подвесок ³⁾.

Судя по тому, что конусовидные подвески появляются в более позднее время в древнейших могильниках, в роде Кузьминского, и развиваются в более поздних, как например, в Лядинском, следует допустить для армеевских конусовидных подвесок в качестве наиболее вероятной даты V—VI в., исходя из общего комплекса вещей.

18. Звездчатые подвески.

Они имеют форму бронзовой пластинки, согнутой в виде открытой коробочки с удлиненными углами, привешивающейся обычным способом на ремешке, завязанном узелком ⁴⁾. Такие подвески напоминают также и чашечки цветов, вроде открытого тюльпана. Для Армеевского могильника этот предмет украшения является редкостью. Найден в могиле 70 в виде кистей, состоящих из групп по три ремешка вместе, прикрепленных к кусочку кожи, которая зажата овальной бронзовой обоймой, образующей сверху петлю для подвешивания. Ремешки, держащие звездчатую или коробчатую, как еще ее называет П. П. Ефименко, скрыты бронзовой спиралью (рис. 102). Назначение звездчатых подвесок, указанное упомянутым исследователем—служить заменой височных привесок, в Армеевском могильнике было иным, а, именно, служить просто украшением одежды, так как таких кистей было несколько и найдены они были на груди покойницы ниже ожерелья из бус.

Сама по себе „звездчатая“ подвеска довольно широко распространена как территориально, так и во времени. Однако для более ранней эпохи своего существования она имеет отличительной чертой ремешок, держащий „звездчатую“ коробочку-подвеску, тогда как в более позднее время ремешок превращается в цепочку металлическую, а кожаный прямоугольник-держатель кисти—в металлическую пластину.

Для раннего времени имеем подвески из Кошибеевского могильника ⁵⁾ и Кузьминского, а для более позднего—из Лядинского могильника. ⁶⁾ Впрочем, древняя форма подвески встречается и в том же Лядинском могильнике, являясь, очевидно, уже вымирающей формой, при том отличной по устройству кисти от древней, которую мы имеем в Армеевском могильнике. ⁷⁾ На это позднее существование звездчатой

¹⁾ См. „Древн.“, том. XIV, табл. VII, XX, табл. VIII.

²⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. XIX, 4, 5.

³⁾ См. „Лядин. м-к“, т. IV, 2, 7, 12.

⁴⁾ Описание предмета дано П. П. Ефименко—См. „Рязанские могильники“, стр. 71.

⁵⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. IX, 21.

⁶⁾ См. „Лядинск м-к“, т. XV, 4, 5.

⁷⁾ „ „ „ „ т. IX, 2.

подвески, характерное для Тамбовских могильников, указывает также и П. П. Ефименко. Мне кажется, что здесь мы должны видеть именно пережиточную форму на ряду с новой, о которой я говорил выше, т. к. она вполне отвечает всему стилю Лядинского могильника—металлические цепочки и пластинки. Таким образом Армеевский тип звездчатой подвески следует признать древним, аналогичным Кузьминскому и Кошибеевскому, т. е. датировать его временем не позже IV—V в.

19. Лопастные подвески.

Почти столько же редкой, как и звездчатая подвеска, являлась и подвеска лопастная, найденная лишь в двух могилах 42 и 113 (рис. 103). Это—предмет в виде плоской бронзовой круглой пластинки, расщепленной на 4 лопасти и имеющей в середине отверстие для продевания ремешка. По краям подвески имеется рубчатая насечка. Подобные украшения появляются довольно рано и долго держатся. Так мы видим их в Борковском могильнике, при чем форма их крестовидная с выпуклинами на каждой из лопастей ¹⁾ или пятилопастная, иногда очень богато украшенная выпуклинами и рубчиком. ²⁾ В Курманском могильнике имеем шестилопастную подвеску крупного размера и также украшенную выпуклинами. ³⁾

Наконец, лопастные подвески известны в Кузьминском могильнике, исследователь которого относит их к IV—V в.в. ⁴⁾ Армеевская подвеска относится, повидимому, к тем самодельным, о которых говорит П. П. Ефименко. Нет основания удлинять время употребления таких подвесок, т. к. в Лядинском могильнике мы их уже не встречаем. К лопастным подвескам я условно отношу и бронзовую пластинку с отверстием, т. к. назначение ее было, повидимому, одинаково с назначением первых, судя по местоположению костяка. Она найдена в мог. 61 (рис. 104).

20. Л у н н и ц ы.

Одним из интересных предметов украшения можно считать лунницы, т. к. относительно происхождения и распространения их могут быть самые различные толкования. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, ограничившись общим указанием на то обстоятельство, что вести начало лунниц из мастерских арабского халифата было бы, конечно, ошибочным, т. к. сарматский мир создает этот вид украшения, исходным образом для создания которого, скорее всего, послужило изображение летящей птицы, вероятно, хищной, в роде орла или коршуна. Чтобы в этом убедиться, достаточно хотя бы просмотреть ряд мелких вещиц из Гляденовского костыща, ⁵⁾ с одной стороны, а с другой—скифосарматские произведения того же характера. ⁶⁾ Это происхождение мотива—летящей птицы—еще ярко сказывается в древних лунницах, постепенно исчезая, что превращает лунницу в то, чем она позже становится, т. е. полумесяцем, как видим

¹⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. XIV, 3.

²⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. XX, 10 и 8.

³⁾ См. „Древн.“, том. XIV, таб. IX, XXXIV.

⁴⁾ См. П. П. Ефименко—„Ряз. М-ки“, стр. 71—72.

⁵⁾ См. А. А. Спицын—„Гляденовское костыще“ З. И. Р. А. О. т. XII, в. I и I новая серия Тр. Отд. Слав. и Рус. Арх. табл. III и IV.

⁶⁾ См. Reallexikon der Vorgeschichte (M. Eberts), B. 13, Taf. 37 m.

то в культуре русских славян в X веке. В чем же именно, в какой детали такой мотив выразится? Конечно, в хвостатости лунницы. Здесь интересным образцом такого типа можно считать, например, лунницу из Силезии, относящуюся к III веку ¹⁾ и имеющую восточное происхождение. К ней близко примыкает грубо исполненная лунница из Борковского могильника, ²⁾ которую П. П. Ефименко относит к древним—стадия В и В, Кузьминского могильника, датируя, в общем, эту лунницу V в., а первое появление ее III—IV в., т. е. видим, что и по датировке силезская и борковская лунницы совпадают. Лунницы Армеевского могильника уже отходят от ярких форм хвостатых лунниц, но сохраняют тот провес в центральной части внутренней дуги лунницы, где прежде помешался пышный веерообразный выступ—стилизованный хвост. Эта форма лунницы имеет хороший прототип в золотых украшенных гранатами лунницах, найденных в Верхней Рутхе на Кавказе. Эти лунницы представляют собой полумесяцы с третьим рогом или провесом в центральной части дуги, т. е. очень близкие армеевским лунницам, служа для них как бы образчиком. Их время нам известно, т. к. они относятся к тому типу вещей, которые характеризуют эпоху переселения народов—преимущественно IV—V век. Кавказские лунницы обычно ставят вполне правильно в один ряд с вещами „меровингского стиля“ отмечая, правда, более грубую обработку первых, Исследователь относит их не ранее, чем к VI в.

В Армеевском могильнике всего найдено пять лунниц, представляющих пять разных вариантов или типов. Сами по себе лунницы являются для Армеевского могильника довольно редким предметом украшения. Все они сделаны из тонкого листа бронзы и представлены следующими типами:

1) Лунница крупного размера, по средней горизонтали имеет 5,5 см. На одном из рогов—точечный орнамент в виде пяти вдавленных и на другом, выше, чем в первом, три точечных вдавления и на выступе по внутренней дуге (на „замке“ свода лунницы) два точечных вдавления. Сверху к луннице прикреплена обоймица, через которую продето бронзовое колечко, с висящей на нем красной глиняной бусой. Лунница найдена в мог. 31 (рис. 105).

2) Лунница меньшего размера, по средней горизонтали имеет 4,5 см. Соответственно у основания обоих рогов и на „замке“ по три точечных вдавления. Обоймицы для колечка не сохранилось, но сверлины для ее прикрепления есть. Лунница найдена в могиле 12 (рис. 106).

3) Лунница еще меньшего размера, имеет по средней горизонтали 3,75 см. Соответственно у оснований и вершин обоих рогов по одному точечному вдавлению, а на „замке“ лунницы три таких же вдавления. Обоймица имеет форму треугольника с яйцевидным округлением. Через обойму продето проволочное колечко, держащее второе такое же кольцо. Лунница найдена в мог. 3 (рис. 107).

4) Лунница малого размера имеет по средней горизонтали около 3,25 см. Точечные вдавления, почти сверлинки, сделаны по одному у оснований обоих рогов и у вершины—все три на одной линии. Кроме того, такие же вдавления, по одному, нанесены у вершины рогов. Обоймица имеет форму прямоугольника с треугольным вырезом спереди. Лунница найдена в мог. 43 (рис. 108).

¹⁾ См. С. Schuchhardt—Vorgeschichte von Deutschland, 1928, стр. 281.

²⁾ См. „Др. Оки и Камы“, табл. XV, 2.

5) Лунница (половинка) гладкая с небольшим округленным выступом, как бы наростом на внешней дуге, образующей рог ближе к его вершине. Никакого орнамента, судя по сохранившейся половинке, лунница не имела. Она найдена в мог. 32 (рис. 109).

Исходя из сказанного, я полагаю, что мы в Армеевских лунницах можем видеть переход от древних типов, вроде силезской лунницы III в., через Борковскую того же времени, к более поздним, например, Лядинским, ¹⁾ которые обладают формой более близкой славянским лунницам X—XI в. Вместе с тем Армеевские лунницы не должны быть относимы по времени слишком далеко от древнейших, т. к. еще хорошо сохраняется основной мотив, достаточно ясный в Борковской луннице и значительно измененный в Курманской. Поэтому мне представляется возможным отнести армеевские лунницы ко времени не позже V—VI в., т. к. в последующее время мы встретим распространение иного типа лунниц, происхождение которых следует связать уже с арабской торговлей. Армеевские лунницы, очевидно, являются последними во времени формами лунниц скифо-сарматских, ²⁾ будучи в некоторой степени комбинированными из хвостатых и тонких серповидных лунниц.

21. Обоймицы или скрепки.

Здесь имеются в виду небольшие бронзовые круглые обоймицы с лентовидной петлей из мог. 72. Они интересны своим сходством с такими же предметами, относящимися к так называемой эпохе переселения народов. Например, они известны в Германии (Altenvalde в окр. Leche), где были найдены в погребальном сосуде. ³⁾ Известны также обоймы или скрепки в готских могильниках на черноморском побережье, будучи относимы к VI веку и более позднему времени. Армеевские предметы этого рода, очевидно, принадлежат тому же времени.

22. Пинцеты.

Предметы этого рода найдены в мог. 103, 126 (рис. 110). Сделаны они из железа, имеют в длину в 6,5 см. при ширине концов до 2 см. Назначение их недостаточно ясно. Многие, впрочем, полагают, что такие щипчики употреблялись для выщипывания ресниц или волос при болезнях. Характерно, что в обоих случаях пинцеты были найдены при мужских погребениях, а следовательно, повидимому, не употреблялись по какой то причине женщинами. Сам по себе, несмотря на редкость его для Армеевского могильника, пинцет употреблялся довольно часто и встречается во многих могильниках. Так мы его знаем в Борковском могильнике, при чем П. П. Ефименко относит эти щипчики к III—IV веку; затем известны они в Германии ⁴⁾, где находка их относится к III веку—пинцет найден с арбалетной фибулой. Подобный же предмет найден в Веймаге (Althüringisch. Gräber), при чем все найденные в этом могильнике вещи определяются V веком и несколько позже. То же самое следует отметить в

¹⁾ См. „Лядинск. мог.“, табл. VII, 8.

²⁾ См. Ханенко—„Древн. Приднепровья“, вып. VI, пл. V, 527.

³⁾ Prähist. Abt. d. Mus. für Völkerkunde (Berlin), I в. 418 в.

⁴⁾ См. R. Stimmung—Gräberfeld der Völkerwanderungszeit vom Mosesberg bei Butzow—Prähist. Zeitschrift, B. II, Heft 4, 1910.

отношении к находкам у Reichenhall (Верхняя Бавария). Надо заметить, что германские щипчики сделаны из бронзы, но формой совершенно не отличаются от железных.

Повидимому армеевские пинцеты, как и германские и из Борковского могильника, должны быть датированы с ними одинаково, т.-е. IV—VI в.

23. Г р е б е н ь .

Костяной простой формы и отделки гребень был найден в мог. 72 (рис. 111). Высокая ручка, плоская, несколько суженная в верхней части; имеет в центре сверлину. Подобной формы гребни с высокими рукоятками характерны для сарматской культуры. Достаточно в этом случае указать хотя бы на гребни, помещенные на планшете XVIII, вып. IV „Древностей Приднепровья“, чтобы убедиться в близком сходстве вещей. Определить время армеевского гребня я затрудняюсь, полагая, однако, что оно то же, что и время гребней эпохи переселения народов, т.-е. IV—V в.в.

24. П р я с л и ц а .

Глиняные пряслица Армеевского могильника известны шести типов, при чем все они, в основном, представляют в поперечном сечении шестиугольник, за исключением одного типа—цилиндрической формы (тип 6).

1) Крупное пряслице в виде двух сложенных основаниями усеченных конусов, плоскости сечения которых, будучи вогнуты, приняли формы воронок. Диаметр пряслица равен 4 см. Предмет этот найден в мог. 125 (рис. 112).

2) Такое же пряслице, но несколько приближающееся к цилиндру и имеющее в диаметре 3 см. Этого типа пряслица наиболее распространены и найдены в могилах 21, 42, 45, 60, 89, 112 (рис. 113).

3) Пряслице типа 1-го, но имеющее в диаметре 2 см., найдено в могиле 60.

4) Пряслице той же формы, но более плоское. Диаметр пряслица равен 2,5 см., найдено в могиле 105 (рис. 114).

5) Такое же пряслице диаметром в 2,5 см., имеющее плоское основание, тогда как усеченная часть другого конуса несколько вогнута в виде воронки. Пряслице найдено в мог. 87 (рис. 114).

6) Пряслице цилиндрической формы. Диаметр равен 1,5 см. при высоте в 0,75 см. Найдено в могиле 82 (рис. 114).

Описанные выше формы пряслиц сами по себе не могут быть точно определены хронологически, т. к. эти формы встречаются и в сарматской культуре, и в культурах поздних кочевников, а также и у финнов. В частности, видим их в Кошибеевском могильнике. ¹⁾

25. П о с у д а .

Посуда в виде глиняных горшков в Армеевском могильнике подразделяется на 4 основные типа (рис. 115). Общим признаком для нее является грубая ручная выделка, небрежный обжиг и почти полное отсутствие орнамента, если не считать рубчатой орнаментировки краев на некоторых горшках и незначительной плохой резьбы на боках. Все типы армеевской посуды встречаются и в других могиль-

¹⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. VII, 1 и 2.

никах, например, в Борковском ¹⁾ или Лядинском, ²⁾ а также и в мордовских могильниках XIII—XV вв. ³⁾.

Очевидно, гончарство стояло на одном уровне как в более древнее, так и в позднейшее время.

Кроме горшка в мог. 89 была найдена плошка, имевшая в диаметре до 7 см. и в высоту до 2,5 см. Бока ее слегка вогнуты. Вероятно, она служила в качестве ритуального сосуда (рис. 116).

Что касается горшков, то они были находимы почти во всех могилах, а в некоторых, главным образом, в мужских погребениях даже по два экземпляра.

26. Н о ж и.

В могилах описываемого могильника встречались железные ножи двух размеров, но одной и той же формы в виде довольно массивного с притупленной спинкой лезвия. Рукоятка изготовлялась из дерева, при чем в могиле 63 рукоятка имела бронзовую обойму, а в 12 могиле рукоятка была костяная. Как короткие, так и длинные ножи вряд ли служили иным целям, кроме хозяйственных. Длинные ножи попадались и в мужских, и в женских могилах. Сохранность ножа почти всегда очень плохая (рис. 117).

Наиболее часто встречались ножи, имевшие в длину 9—12 см.— в мог. 5, 7, 24, 38, 39, 45, 56, 63, 65, 80, 86, 88, 90, 104, 111. Длинные ножи от 16—24 см. найдены в могилах 12, 25, 27, 49, 51, 57, 58, 103, 114 и 123: Фрагменты ножей найдены в следующих могилах: 8, 17, 22, 20, 54, 53, 60, 71, 79, 80, 83, 84, 89, 97, 107, 111. При этом почти все ножи, судя по остаткам, были небольшие—типа, встречающегося в могилах 5 и 7 и т. п.

Вообще говоря, в Армеевском могильнике ножи были найдены в третьей части всего количества вскрытых погребений. Ножи, аналогичные армеевским, найдены во многих могильниках, напр., в Кошибеевском, а также и на финских городищах.

27. М е ч и.

Этот предмет вооружения должен быть признан исключительно редким для могильника, т. к. был найден только в 33 и 72 могилах. Все мечи однолезвийные со стержнями для деревянных рукояток.

Первый меч (мог. 33) имеет в длину 56 см., при чем длина лезвия равна 37 см., а ширина 4 см. Острие меча округлено, затуплено.

Второй такой же предмет (мог. 72) сходен с первым, но только стержень для рукоятки сверху округлен. Этот меч имел деревянные ножны, окованные пластинчатым наконечником в виде подковообразной неширокой обоймы (рис. 118). Мечи носились с левого бока.

Совершенно сходный с мечом из мог. 72 меч имеется в Борковском могильнике ⁴⁾. Я сохраняю за этим видом оружия наименование меча, а не сабли, вследствие того, что Армеевские мечи, хотя и однолезвийные, но не имеют изгиба, свойственного сабле. Подобные мечи иногда называются тесаками, да и вообще однолезвийные мечи до-

¹⁾ См. „Др. Оки и Камы“, таб. XII,

²⁾ См. „Лядинск. м-к“, стр. 49.

³⁾ См. „Аткарский м-к“, коллекция Н.-В. Краевого Музея.

⁴⁾ См. „Др. Оки и Камы“, таб. XX, 11.

статочны известны ¹⁾). Происхождение их, повидимому приходится вести с востока, т. к. запад в течение долгого времени знает обоюдоострый меч. Хазары в IX в. обладали уже саблями, тогда как в это же время славяне употребляли мечи. Армеевские мечи отчасти напоминают сабли, почему, например, при описании меча из Борковского могильника ²⁾, исследователь и называет его саблей. Исходя из этих сообщений, я думаю, что армеевские мечи будут относиться к раннему времени, а именно, к IV—V в., так как в известных нам погребениях с сожжениями в курганах бл. г. Покровска (Респ. Нем. Пов.) найден такой меч ³⁾, а эти сожжения относятся к указанному времени.

28. К о п ь я.

Этот предмет вооружения представлен в Армеевском могильнике четырьмя типами железных наконечников:

1) Четырехгранный с несомкнутой втулкой. Длина наконечника 23—28 см., при чем длина пера 14 см. и ширина до 3,5 см. Найдены также наконечники копий в мог. 33, 51, 55, 80, 88, 126 и 128 (рис. 119-а).

2) Четырехгранный наконечник копья, но с более коротким пером. Длина таких наконечников 18—20 см., при чем перо не превышает 7—11 см. Исключением является наконечник копья из мог. 13, где длина равна 26 см., но перо короткое, равное 11 см. Найдены наконечники второго типа в мог. 13, 27 и 97.

3) Короткий лавролистovidный наконечник копья с коротенькой втулкой. Четырехгранность пера едва заметна. Длина наконечников этого типа от 16—19 см., при чем перо имеет в длину 9—12 см., втулка 4—9 см., сомкнутая. Найдены такие наконечники в мог. 51 и 83 (рис. 119-а).

4) Наконечник копья или дротика с треугольным бородчатым пером. Длина наконечника, найденного в единственном экземпляре, равна 19 см., при чем длина пера равна 12 см. Втулка не сомкнута. Найден в мог. 25 (рис. 119-с).

Близкая форма для 4 типа имеется в Бахмутинском могильнике, Уфимской губ. ⁴⁾. Подобные же наконечники копий, а равно и других типов найдены в Кошибеевском ⁵⁾ и Борковском ⁶⁾ могильниках, а также и в Кузьминском ⁷⁾. П. П. Ефименко обращает внимание на то, что все эти наконечники копий представляются заимствованием от сарматской культуры, а, следовательно, время их достаточно раннее и вряд ли может итти далее VI в. Это определение и датировка встречают себе поддержку в другом предмете вооружения, найденном почти всегда вместе с копьями. Я имею в виду топоры. Замечу кстати, что копья могли служить не только для военных целей, но и для охоты в виде рогатин.

¹⁾ См. П. Савваитов, „Описание стар. рус. утварей“ и пр. ЗИРАО, т. IX, в 1 и 2. Новая серия, стр. 76.

²⁾ См. „Др. Оки и Камы“, ст. 32.

³⁾ См. Т. Минаева—„Погребения с сожжением бл. Покровска.—Уч. Записки Саратов. Гос. Университета, т. VI, в. III.

⁴⁾ См. Коллекции В. В. Гольмстен, в РИМ иск. 65, 25.

⁵⁾ См. „Др. Оки и Камы“, т. XII.

⁶⁾ Там же, табл. XX.

⁷⁾ „Ряз. м-ри“, П. П. Ефименко, стр. 65.

29. Топоры.

Армеевская форма железного топора дает нам основание говорить о заимствованиях от сарматской культуры, где мы встречаем втульчатые топоры ¹⁾, относящиеся к III—IV в. Форма топоров из Армеевского могильника именно такова, представляя собой архаическую форму еще топора-кельта бронзовой эпохи. Длина топоров показывает, что мы имеем два варианта, а именно: топор, длиной до 15 см. и топор длиной до 11 см., при чем ширина их лезвий, слегка расширенных, одинакова—до 4,5 и 5 см. Такие же топоры дают Кошибеевский ²⁾ и Кузьминский могильники, тогда как проушные топоры встречаются в позднее время финских могильников.

Отсюда следует заключить, что армеевские топоры, найденные в могилах 15, 34, 72, 104 и 126 (первая разновидность) рис. 120 и в 45, 51 и 128 (вторая разновидность)—рис. 121, относятся к IV—V в. и м. б. более позднему, но вряд ли позже VI века, когда мы видим, в качестве завоевавшего исключительное место, проушный топор, зародившийся, в сущности, еще в эпоху, представленную Кошибеевским могильником. Топоры-кельты могли также заменить собою и пешни, употреблявшиеся при бортничестве.

30. Стрелы.

Железные наконечники стрел, найденные в могилах 49, 58, 72, 79, 85, 103 и 118, представлены шестью типами, при чем все они, за исключением одного, дают форму четырехугольников с узкими стержнями, примыкающими к горизонтально срезанному перу.

Тип 1. Четырехгранный наконечник вытянуто-ромбовидной формы, длина пера 4,5 см., длина стержня 2,5 см.; найден в 49 и 118 могилах (рис. 122-а).

Тип 2. Четырехгранный наконечник такой же формы, но грани, примыкающие к горизонтальному срезу у стержня дугообразно вогнуты. Длина пера 5 см. и длина стержня около 2 см.; найден в 79 мог. (рис. 122-б).

Тип 3. Четырехгранный наконечник стрелы, имеющий в вертикальном (продольном) разрезе форму шестиугольника. Длина пера 4,5 см. и длина стержня около 1,5 см.; найден в 72 и 79 могильниках (рис. 122-с).

Тип 4. Четырехгранный наконечник, имеющий в вертикальном (продольном) разрезе форму овала со срезанным горизонтально концом, где примыкает стержень. Длина пера 3,5 см.; найден в 58 и 85 могилах (рис. 122).

Тип 5. Такой формы наконечник, но имеющий большую величину и в сечении по диаметру более мягкий овал. Найден в 49 могиле (рис. 122).

Тип 6. Плоский листовидный наконечник с притупленным острием. Длина пера 5 см., длина стержня, приблизительно, 3,5 см. Найден в 103 мог. (рис. 123).

Все описанные типы стрел сходны с такими же предметами из сарматских погребений, например, Суловского могильника ³⁾, так что

¹⁾ См. мои раскопки в Рес. Нем. Пов. в 1926 г. близ с. Харьковки кол. РИМ, 3 группа курганов.

²⁾ См. „Древн. Оки и Камы“, т. XII, 4.

³⁾ См. мою статью „Суловский курганный могильник“, Уч. Зап. Сар. Ун. т. IV, в. III.

время их определяется II—IV в. н. эры. Более крупные, но такие же формы—наконечники небольших дротиков,—встречаются и позже сарматской культуры III—IV в., как можно убедиться, хотя бы на вещах из кургана близ г. Покровска (Рес. Н. Пов. ¹). Все эти данные позволяют нам относить армеевские стрелы к IV—V в. н. эры, не вынося их за пределы этого времени, т. к. позже появляются уже другие формы, весьма далекие от первых.

31. У д и л а.

Железные удила имеют одинаковую форму, будучи небольшими, тонкими, и отличаясь одни от других только присутствием дополнительных колец в виде восьмерок, одно из закруглений которых имеет форму трапеции. Длина каждого из двух звеньев удил равна 10—11 см. Найдены удила в 1, 24, 33, 51, 57, 58, 79, 89, 103 могилах (рис. 124), при чем удила с кольцами находились в 58 могиле (рис. 125). Удила имеют помимо колец еще и железные псалии в виде стержней, дающих на одном конце лопастное расширение, а на другом шарик. По своей форме удила повторяют предметы того же назначения в сарматских погребениях ²). Характерно, что в могильнике не было найдено стремян. Это обстоятельство, конечно, указывает на то, что удила относятся к более раннему времени, т. к. они сопровождаются стремянами позже, чем в V—VI в. Следовательно, можно допустить и для удил время IV—V в.в.

32. Т к а н ь.

Остатки, очень незначительные, ткани показывают, что население, оставившее Армеевский могильник, имело в своем распоряжении по меньшей мере два вида ткани: один—грубая редкая ткань, употреблявшаяся на саван. Это полотняная ткань. Другой вид (рис. 127), служивший для изготовления одежды, представлен тканью из шерсти, при чем на одном обрывке (из мог. 3) отчетливо заметен орнамент в виде косых клеток. Нитка, при помощи которой изговлялись орнамент, в настоящее время имеет более светлый тон ³).

Помимо всех описанных вещей в могилах были находимы кости коров, овец и лошадей, как об этом было упомянуто выше.

Из мелких вещей следует указать на находку меловой плитки с вырезанным желобком в виде воронки, имеющей в верхней части раструб (мог. 56)—рис. 128. Весьма возможно, что в данном случае мы имеем часть литейной формы, но утверждать это с полной уверенностью нельзя. Кроме того, найдено в могиле 109 железное шильце и в мог. 110 бронзовая игла. Находимые в некоторых могилах остатки женских волос, например, в могиле № 3, показывают, что женщины того племени, которое оставило могильник, имели темнорусый цвет волос.

Таков инвентарь Первого Армеевского могильника.

¹) См. Т. Минаева „Погребения с сожжением близ Покровска“, Зап. Сар. Гос. У-та, т. IV, в. III.

²) См. мой раскоп. бл. с Харьковки. (Неопубл. колл. ГИМ).

³) Реставрация ткани, позволившая выявить орнамент, проведена В. К. Клейном (Г. И. Музей), за что приношу ему благодарность.

III.

Обращаясь к выводу о времени существования могильника, следует прежде всего иметь в виду, что произведенная нами точная съемка местности с нанесением всех открытых могил должна, повидимому, послужить значительным основанием для возможного определения времени при сопоставлении вещей по-могильно.

Представляется весьма интересным выяснить, не будет ли возможности дать известные хронологические группы, которые показали бы нам этапы существования могильника? Ниже я попытаюсь дать те основные рамки, в какие укладывается весь могильник.

Тщательное изучение плана могильника (см. план В), с привлечением установленного для вещей хронологического определения, дает следующую картину.

Наиболее установленной датой, как видим, является Ув., показывающий в некоторой части вещей и элементы более древние, а именно, IV века, в могилах 3, 34, 50, 56, 58, 68, 85, 87, 114, 114, 116, 117 и 118. К V веку я отношу могилы: 2, 4, 5, 11, 13, 17, 32, 36, 41, 42, 43, 45, 48, 49, 52, 57, 60, 61, 62, 63, 69, 70, 71, 74, 78, 81, 89, 95, 99, 101, 104, 105, 107, 109, 110, 112, 115, 124, 126, 127 и 128. К V—VI векам относятся могилы: 1, 6, 7, 8, 12, 15, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 33, 35, 38, 39, 40, 44, 46, 51, 54, 55, 59, 65, 72, 77, 79, 80, 82, 83, 86, 88, 90, 91, 92, 94, 97, 100, 103, 106, 111, 121, 123, 125. Таким образом, к V в. относится 41 могила, к IV в. — 13 могил и к V—VI в. — 47 могил.

Остальные погребения не дают возможности хронологически уложить их в точные рамки, но, судя, по сохранившимся предметам, (бусы и т. п.), конечно, не выходят из тех же, присущих могильнику, дат. Вместе с тем достаточно взглянуть на расположение могил на плане, точно указывающем место каждой из них, чтобы убедиться в значительной синхронности всех погребений, при чем могилы, относящиеся к IV—V в., с одной стороны, и могилы, относимые к V—VI в., с другой, должны, как мне кажется, вообще быть отнесены главным образом к V в. и скорее к его началу, чем к середине, т. к. за это говорит общая характерная однородность культурного комплекса, отмеченного древними элементами, уходящими в IV век гораздо явственнее, нежели элементы, присущие VI веку и иногда даже VII веку.

Во всяком случае, я думаю, что первая половина V века является наиболее близкой к истине в вопросе хронологии Армеевского могильника, т. к. VI век, в сущности, зачастую лежит в основе определения скорее из осторожности, за невозможностью категорически утверждать за некоторыми погребениями дату V века, хотя бы вещи, в них находящиеся, бытовали и раньше VI века.

Какая же народность оставила нам изучаемый могильник?

Для того, чтобы дать желательный ответ, следует обратиться к вопросу о тех основных признаках, характеризующих могильник, какие можно в нем уловить, а, с другой стороны, выявить те культурные влияния, какие можно в культуре этого могильника усмотреть.

Переходя к первому вопросу, я прежде всего обращаю внимание на такие моменты, как наличие известного типа погребения, большое количество характерных украшений, типичность их, известная в археологической литературе. Здесь мы можем убедиться в

том, что самый способ захоронения свойственен финской племенной группе—погребения в могильниках, а не в курганах, во-вторых, склонность народности, оставившей могильник, ко всякого рода крупным и мелким украшениям в роде гривен, блях, шумящих подвесок и т. п., указывает с полной определенностью опять-таки на одно из финских племен. Спрашивается, какое же финское племя? На этот вопрос при настоящем состоянии наших знаний, разумеется, нельзя ответить с исчерпывающей точностью, но все же, как мне кажется, представляется возможным сделать некоторые, достаточно основательные, предположения. Здесь, к тому же, можно заметить кстати, что такие предположения уже делаются. Я сошлюсь хотя бы на одну из новейших работ профессора А. М. Тальгрена «Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du Nord» ¹⁾, в которой этот известный знаток финской археологии признает носителями культуры, представленной памятниками Армеевского могильника, равно как и Лядинского, мордву. Так же определяет культуру и П. П. Ефименко, говоря об Ивановском могильнике в Чувашской Республике ²⁾. Помимо тех данных, какие дали возможность А. М. Тальгрелю усмотреть элементы мордовской культуры в Армеевском могильнике, можно привлечь еще и другие соображения. На первом месте здесь стоят сведения исторического характера, как например, упоминание готского историка Иордана о мордве, как пограничном племени с Готской державой, и затем сведения, даваемые Константином Багрянородным. Действительно, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что район Узы несомненно был тем, который примыкал к границам Готского государства в IV в. если даже исключить те археологические данные, как например, городища в Саратовском крае, которые дают общую картину с Армеевскими городищами, например, № 2, и которые известны нам в Поволжье. Мы имеем также в виду и отдельные предметы финской культуры, найденные на Увекке (район Саратова), вроде пряжки типа Лядинских и отчасти Армеевского (из могилы 12).

Установление далеких южных пределов распространения финского племени в Восточной Европе, как мне кажется, становится все более и более твердым. Если раньше можно было отмечать отдельные вещи финской культуры, как, например, на Дону, то в настоящее время эти пределы еще более уточняются, хотя и требуют дополнительных исследований. Уточнения же южных границ в значительной степени можно искать в тех культурных влияниях, какие мы замечаем в Армеевском могильнике. Я имею в виду вещи, характерные для т. н. эпохи переселения народов, какие были найдены в описываемом могильнике.

Здесь можно указать не только отдельные предметы, но и общий характер весьма большого круга вещей материальной культуры населения, оставившего Армеевский могильник.

В качестве отдельных предметов укажу на фибулу из могилы № 117, золоченую пряжку из могилы 49 и бронзовую из могилы 8, пряжечку с гранатом в золотой оправе из мог. 89, железные наколенники стрел из могил 58, 85, 49, 118, а, в качестве общего круга вещей, характерных для III—V веков, железные и бронзовые пряжки, так называемого „готского“ стиля (рис. 129) из могил: 24, 33, 103, 27,

¹⁾ См. ESA, т. III.

²⁾ Сообщение Г. А. И. М. К. 1929 г., т. II, стр. 170.

25, 2, 22, 124, 111, 46, 42, 123, 105, 112, 55, 92, 112, 79, 6; бляшки из могил 2, 3, 127, пирамидальные подвески из могилы № 43, железные пинцеты из могил 103 и 126, железные кельтовидные топоры из могил: 15, 34, 45, 51, 104 и 128, короткие и удлиненные трапециевидные бронзовые подвески из могилы № 3 и очень близкие им из могилы № 2. Кроме того, следует к перечисленному комплексу присоединить стеклянные золоченые и синие, зеленые, желтые а также мастиковые и черные бусы из могил: 3, 117, 43, 74, 105, 127, 82, 32, 113.

Нельзя не отметить также и плоских лунниц, ведущих нас к Кавказу (мог. 3, 43, 12, 31, 32), а также совершенно необходимо иметь в виду большие бронзовые нагрудные бляхи „с перекрестьем“ из могил №№ 3, 50, 56 и 70, являющиеся более поздним, а может быть и совершенным подражанием бляхе, принадлежащей Гос. Историческому Музею (ГИМ № 636) и указывающие опять-таки на те же культурные пути.

Весь упомянутый культурный комплекс настолько ярко выступает в культуре Армеевского могильника, что, как бы закрывает собой другой комплекс—Кошибеевский, который все же достаточно четко проглядывает в культуре могильника.

Здесь достаточно указать на лепестковые подвески из могилы № 70; грубоватые бутыльчатые подвески из мог. № 31, 89, 3, 43, 68, 12, 50, 74, 78 и др.

На связь Армеевской культуры с Пьяноборской указывают височные подвески, известные в качестве наиболее близких форм из Серповского могильника, а в настоящее время имеющие полное сходство с такими же подвесками из Вичмарского могильника, Малмыжского у., Вятской губ., обследованного в 1927 году М. Г. Худяковым ¹⁾.

Весь остальной инвентарь Армеевского могильника дает нам культуру, свойственную древним Рязано-Оским могильникам, прекрасно исследованным П. П. Ефименко.

Исходя из всего изложенного, я снова повторяю те предположения, какие делал в своих предварительных докладах по поводу культуры Армеевского могильника.

Будучи в основе финским, точнее древне-мордовским, а ближе очевидно, мокшанским, что утверждать мы имеем несомненное право на основании исторических сведений и новых данных о границах финно-мордвы от IV в. (Германарих покоряет Mordens и др.) до IX в., а также факта присутствия иранских слов в мордовском языке, Армеевский могильник дает нам представление о Мордве, которая жила в пределах, частью ею ныне занимаемых, а частью южнее, при чем памятниками ее остаются такие могильники, как Армеевский, и многие городища, разбросанные гораздо южнее, вплоть до Саратова и несколько далее на юг. Не исключена, кстати, как я уверен, возможность, что эти памятники археология будет открывать и гораздо южнее, объясняя тем многое, что теперь еще неясно в отношении к попыткам разяснить находки отдельных вещей в Нижнем Поволжье и на Дону. Я полагаю, что к таким памятникам древне-мордовской, финской, культуры мы со временем вполне четко отнесем и городища.

¹⁾ См. М. Т. Худяков „Воробьевский и Вичмарский могильники“ Изв. О-ва Арх. Ист. и Этн. при Казан. Ун-те, т. XXXIV, вып. 3—4, 78 и др., табл. VI, 8.

характеризуемые керамикой с так называемым рогожным орнаментом, а пока с уверенностью относим к ним небольшие городища типа Армеевских № 1 и № 2, характеризующиеся черепками без орнамента, полностью совпадающими с данными, представляемыми посудой из Армеевского могильника.

Мордва, оставившая нам описанный могильник, находилась в непосредственной связи с готским, ранее сарматским, миром, чья культура вскрыта около города Аткарска, быв. Саратовской губ.¹⁾ и даже в Кузнецком уезде, той же губернии.

У нас нет оснований искать германских западных влияний на культуру, даваемую Армеевским могильником, так как мы видим теперь непосредственный источник, освещающий Армеевскую культуру, который находился здесь же в степях Нижне-Волжского Края и далее на Черноморском побережье. Главный путь, который вел к Мордве, это—Волга и Дон с притоками, например, Медведицей, в районе которых мы встречаем значительное распространение сарматской культуры, близко приходящей в соприкосновение с финской.

Интересно здесь, кстати, отметить факты таких находок в степных сарматских погребениях, как берестяные короба и коробочки, которые, разумеется, имеют свое происхождение из финского лесного района, а, с другой стороны, интересную находку костяного наконечника стрелы в бедре костяка, найденного с сарматскими вещами (Респ. Нем. Пов.²⁾.

Армеевский могильник, таким образом, есть один из тех древне-мордовских памятников, число которых, как я думаю, должно увеличиваться, по мере дальнейшего тщательного исследования посредством систематических и планомерных рекогносцировок, как это принято в Нижне-Волжском Крае и, например, в Средне-Волжской Области³⁾.

Интересным, как мне кажется, является и такой факт, как присутствие предметов Окской культуры в Пьяноборской культуре Вичмарского могильника Вятской губ., с одной стороны, и Пьяноборско-Кошибеевской в Армеевском могильнике, с другой. Этот факт свидетельствует еще и о больших связях Нижне-Волжского Края с восточно-финским миром, при чем особенно интересным следует считать и однородность религиозных воззрений, а отсюда и проистекающей из них обрядности—в Вичмарском могильнике покойники ориентируются головами к Ю, как и в Армеевском.

Нельзя, конечно, не отметить того, что Армеевская культура сказывается и севернее, например, в культуре Ивановского могильника, обследованного П. П. Ефименко.

Исходя из всего изложенного, видим, что южно-Окский и восточно-волжский финский мир в IV—V веках имел в значительной степени общую характерную культуру, происхождение которой в качестве финской несомненно; эта культура для района р.р. Узы, Суры—мордовская,—питалась сильной и яркой сарматской культурой, распространенной в ближайших степях, при чем готская держава в III—IV веках служила передатчицей этой культуры уже в своем освещении в свой северный пограничный район, исторически и археологически одинаково определяемый.

¹⁾ См. раскопки, произв. в 1929 г. Н. К. Арзютовым.

²⁾ См. P. Rau—Prähist. Ausgr. auf d. Stepp. d. Deut. Wölggeb. im j. 1926, стр. 52.

³⁾ В последнем случае см. работы проф. В. В. Гольмстен.

Армеевский могильник в настоящее время является одним из наиболее южных финских, в частности мордовских, могильников, что правильно отмечено как профессором А. М. Тальгреном ¹⁾, так и П. П. Ефименко ²⁾. При этом район, отмеченный могильником, очень близок сарматско-готскому. Вследствие этой близости, изучаемый могильник несет на себе следы довольно сильного влияния соседней культуры, отражая в значительной степени ярко те экономические связи, в каких находилось племя, его оставившее, со степью. Как историк, так и археолог в равной степени стремятся восстановить минувший социально-экономический строй народа, если сохранились необходимые источники ³⁾. Археологические исследования, однако, далеко не всегда дают возможность такой реконструкции на основе остатков материальной культуры, чаще всего потому, что эти остатки бывают далеко недостаточными, чтобы дать картину социально-экономической структуры, свойственной какому-либо племени. В данном случае мы встречаемся с теми же условиями: могильный инвентарь далеко не исчерпывает комплекса материальной культуры народа, а это обстоятельство, в свою очередь следовательно, препятствует возможности воссоздать полностью социально-экономическую форму. В дальнейшем изложении я, однако, пытаюсь дать главные черты, характеризующие общественный и экономический быт древней мордвы, т. к. представляется возможность привлечь еще один источник, который может в известной степени содействовать попытке воссоздания картины минувшей жизни мордовского народа IV—V в. хр. эры, занимавшего земли по р.р. Узе и Суре.

Я имею в виду городища, селища и остатки землянок, открытые моей экспедицией в 1926—27 г.г. близ с. Армеева. На привлечение этих памятников культуры мы имеем право в виду того, что на этих городищах мы встречаем черепки глиняной посуды того же типа, что и в Армеевском могильнике, на селищах тот же материал, а в остатках землянок близ этих селищ отдельные предметы той же армеевской культуры, как например, красные глиняные бусы, железные наконечники стрел, небольшой железный боевой топорик, типа поздне-сарматских и, наконец, обломки горшков той же формы, как и в могильнике. Прежде чем сделать попытку дать хотя бы схематическую картину соц.-экономического быта, я приведу вкратце форму данные по указанным выше памятникам.

Наиболее интересным для нас является городище № 2, называемое населением Ош-Панда, т.-е. „городом на горе“ или „торговое место“ ⁴⁾ (рис. 130). Оно находится в 3—4 клм. от с. Армеева к С-В в лесу, подходя своим валом (первым, едва заметным) к обширной поляне, где было селище. Форма городища обусловлена мысом, выступающим над ручьем и образованным двумя большими оврагами, т.-е. городище треугольное, вершиной обращенное к Ю. В более раннее время оно принадлежало племенам, обладавшим культурой, характеризующейся так наз. „рогожной“ керамикой, что видно из находки черепков посуды с „рогожным“ орнаментом под вторым валом

¹⁾ См. op. cit. ESA, т. III.

²⁾ См. Сообщение ГАИМК, т. II, стр. 70. Ст. П. П. Ефименко „Средне-Волжская Экспедиция“, 1926-27 г.

³⁾ См. А. П. Смирнов „Социально-экономическ. строй вост. финнов IX—XI в. н. эры.

⁴⁾ Это объяснение слова сообщено мне лектором мордовского языка педагогического факультета Саратовского У-та И. Г. Черепкиным.

городища. В эпоху же более позднюю городище Ош-Панда служило, очевидно, только для военных целей—защищало поселки, расположенные как с северной, так и с южной и восточной сторон. Основанием к такому предположению служит слой почвы, весьма слабо насыщенной культурными остатками, преимущественно мелкими костями домашних животных, углем и черепками без орнамента.

Селище же, расположенное против мыса, занятого городищем, к югу от него, у его подошвы, за ручьем, наоборот, обильно занято культурными остатками—пряслица, обломки точил, жернова, черепки от посуды в большом количестве. Это селище дугой окружает городище, переходя на восточной окраине, за ручьем, в местность, где расположены остатки землянок в виде курганообразных невысоких насыпей. Раскопки их показали, что это были округлой формы землянки с небольшим углублением до 20—30 см. в почву, обложенные в основании камнем-дикарем на высоту до 50—60 см. Для поддержки крыши устанавливался обычно столб в центре круга (рис. 131).¹⁾ Обнаружены были в этих землянках-шалашах и остатки очагов, около которых и проходила жизнь обитателей, т. к. здесь же были найдены остатки колчана со стрелами, посуда и т. п. Землянки имели в диаметре не более 8—9 метр. Крыша, повидимому, обмазывалась глиной, куски которой встречались в насыпи. Другое городище, отмеченное № 1, находится в 3 клм. к Ю-З от с. Армеева, в лесу, и имеет то же устройство, что и городище № 2, но обладает очень высоким валом до 2,5 метр. и глубоким рвом до 3 метр. По краям заметны остатки землянок. В 1,5 клм. к Ю-З от этого городища расположены остатки селища, характеризуемого такой же керамикой, какая встречается в Армеевском могильнике, а в полукилометре от селища лежит и наш могильник.

Кстати отмечу, что я не имел возможности разыскать еще одно городище, лежащее в окрестностях с. Армеева и, кроме того, полагаю, что в комплекс этих трех городищ следует включить и городище близ д. Неклюдовки, в 8—9 клм. от Армеева. Таким образом, мы имеем укрепленный район мордовских поселений, расположенный в чаще обширного леса, местами до сих пор скрывающего болотистые, с трудом проходимые, низины. Подобные укрепленные пункты, повидимому, и являлись теми „твердыми“, где укрывалась мордва сначала от сармато-готских, позже от татарских и, наконец, от русских набегов, следовательно, в течение III—XIV столетий. Каков же был экономический строй мордвы, жившей в изучаемом нами районе? Данные материальной культуры говорят нам о разных занятиях и промыслах древних обитателей края в IV—V в. |Находки пряслиц и остатки ткани позволяют предполагать ткачество и прядение, узкие топоры-кельты или пешни—бортничество²⁾ и плотницкое ремесло, куски шлака на селищах и обломок литейной формы в могильнике говорят о местной металлургии, которая объясняет и большое количество вещей из железа и бронзы. Находки костей коровы, лошади, овцы и свиньи позволяют сделать вывод о наличии домашнего скота, а отсюда и земледелия в форме подсечного, т. к. иной способ обработки земли не мог иметь места в то время. Древне-мордовское на-

¹⁾ Впрочем, возможно, что хижины имели форму прямоугольную, но, вследствие разрушения она приняла вид, близкий к кругу.

²⁾ См. Г. Е. Меерсон—„Перемещение местных центров производства средств с.-х. производства в экономической истории древн. России“ Уч. Зап. Саратов. Гос. Ун-та, т. V, в. 2, 1926 г.

селение знакомо было и с обработкой кожи (ремни). Не говоря уже о знакомстве с гончарством, чему доказательством служит находимая посуда, в большинстве, грубая, что показывает отсутствие гончарного круга. Кроме того, широко было развито изготовление глиняных бус, которые часто, но неверно определялись как красные пастовые. Всякого рода изделия из дерева и коры также было известно, т. к. мы не имеем признаков находок кожаной обуви, то это говорит и об употреблении лаптей. Такой же род занятий подтверждается находками в могилах бересты и лыка, употреблявшихся для каких-то целей (покрытия покойников), особенно же интересным доказательством является железный инструмент для вырезывания деревянных ложек, найденный в остатках жилищ (рис. 132). Охота и рыболовство не были особо видными отраслями хозяйства, т. к. ни на городищах, ни на селищах, ни в могилах не встречались кости диких животных, а равно и рыб. Но все же следует иметь в виду, что стрелы разных форм и дротики, находимые в могилах и остатках жилищ, позволяют сделать предположение о них и как бы об охотничьем снаряжении, а не только о боевом. Если принять еще во внимание импортный товар, поступающий в обиход древней мордвы (например, пряжка с гранатом, фибулы, парчевая ткань и т. п.), то следует допустить, что население вступало в довольно тесные сношения с своими южными и восточными соседями, выменивая на необходимые предметы культуры произведения своего хозяйства: мед, кожу, щетину, шерсть, деревянные изделия и, вероятно, меха. Реки Уза, Сура, верховья Медвидицы и Хопра, близость Волги и Дона были теми связывающими древнюю мордву с соседями путями, которые обеспечивали эту меновую торговлю, а леса и болотистые топи предохраняли ее от вооруженного врага особенно в глубокой древности, что подтверждается сравнительно долгим существованием Армеевского могильника, представляющего весьма целостную однородную культуру древне-мордовского населения края.

Если та или другая социальная формация основывается на определенном господствующем способе производства, то древняя мордва, оставившая нам Армеевский могильник, должна была иметь племенные группы. Самое количество населения, небольшие городища, ограниченное число хижин, все это свидетельствует о небольших группах объединения мордвы и, если признать, что отдельные большие семьи заключали в себе приблизительно до 60—70 человек, то это как раз и соответствует тому, что мы имеем в отношении к населению, оставившему нам Армеевский могильник и городища с селищами, считая в описанном районе несколько таких семей. Внутри этой общественно-экономической формации мы уже встречаем и некоторое расслоение. Судя по данным могильника можно утверждать, что часть населения обладала какими-то преимуществами, отразившимися и в могильном инвентаре, и в устройстве могил. На ряду с обычными небогатыми могилами, мы встречаем более пышные, где покойники снабжены большим количеством вещей, при том, кстати сказать, и привозными, а это дает основание предполагать о большой экономической силе некоторых лиц в общине. То же самое и наблюдается и в таких случаях, когда умерший ребенок украшен более, чем взрослый, помещался в большую и глубокую могилу, в какой обычно хоронили взрослого. Это обстоятельство четко говорит нам о бывшем тогда социальном различии. Также нельзя не отметить и погребение воинов,

правда изредка, но все же отличаеваемых в среде других мужчин племени. Эти воины, разумеется, были вожди или старейшины в обществе людей, оставивших нам Армеевский могильник. Положение женщин устанавливается, как равное с мужчинами, судя по похоронному обряду. О религиозных воззрениях трудно сказать что-либо определенное, но все же необходимо констатировать известную твердость в обрядности—ориентировка головой только к Ю, определенные формы могил, вероятное устройство поверх насыпей деревянных знаков, определявших правильность рядов в могильнике, наличие костей животных в засыпке могил и обязательная постройка сосудов около покойника, в установленных для того местах могилы.

Намеренное распределение вещей на покойниках, как об этом говорит В. А. Городцов, мы наблюдаем и здесь ¹⁾.

Таковы результаты, полученные от изучения Армеевского могильника. Мы видим, что этот памятник является одним из интересных и важных для ознакомления с древне-мордовским населением в наиболее южном его распространении. Я позволю себе высказать твердую уверенность в том, что могильники, подобные Армеевскому, будут открыты и еще южнее, а это, в свою очередь, сделает более ясным и доказательным те связи древне-финского, в частности мордовского, мира с южными и степными народностями, лучше и больше известными исторической науке.

В заключение не могу не отметить и того факта, что перед нами стоит вопрос о прародине мордвы. Но это—вопрос, подлежащий дальнейшему изучению и требующий дополнительных исследований.

Д Н Е В Н И К

раскопок Первого Армеевского могильника, произведенных в 1926 и 1927 г.г. проф. П. С. Рыковым.

Первый Армеевский могильник находится в б. Кузнецком уезде, Саратовской губернии, в 5 клм. к Ю-З от с. Армеева или Армиева, близ леса, подхода к речке Мозаево. В 2 клм. от могильника, к С-В, расположено городище № 1, а между этим городищем и могильником сохранились остатки селища. Местность, где был открыт мною при содействии гражданина с. Армеева В. С. Анисимова, в 1926 году, а в следующем раскопан могильник, носит название Чанджау-латки и представляет собою большой овраг, идущий в направлении, перпендикулярном речке. Экспедиция, работавшая под моим руководством, в 1926 году произвела раскопку 25 могил, главным образом, разрушенных осыпями оврага, разрезавшего могильник в центральной его части, а в 1927 году было мною раскопано еще 103 могилы. Всего, таким образом, было исследовано 128 могил (см. план А).

М о г и л а 1.

Погребение разрушено осыпью оврага, при чем сохранились только кости ног покойника. Между бедряными костями найден грубый глиняный сосуд и у ступней ног тонкие железные удила, стержни которых имеют в длину до 6 см. На левом бедре покойника лежала

¹⁾ См. В. А. Городцов— „Подболотьевский м-к“, 1916 г.

бронзовая небольшая пластинчатая кольцевая застежка и на ступне правой ноги овально-вогнутая бронзовая пряжка (длиной $3\frac{1}{2}$ см.) вероятно, от обуви, а может быть и от сбруи. В засыпке могилы, в северной ее части, там где находились ноги покойника, найден второй глиняный горшок, совершенно разбитый (не сохр.). Покойник был ориентирован головой к Ю.

М о г и л а 2.

В могиле, ориентированной по линии С-Ю, размеры которой вследствие осыпи оврага не удалось выяснить, лежал костяк женщины, на спине, вытянуто, со скрещенными руками на груди. Череп сохранился частично, т. к. с этой стороны могилы наблюдалось уже разрушение ямы, благодаря размыву оврага. Часть головных украшений покойницы вследствие этого тоже, повидимому, уже исчезла, упав в овраг. Покойница была ориентирована головой к Ю. Вокруг черепа оказались лежащими в беспорядке глиняные красные бусы. Такие же бусы лежали и на плечах, при чем на каждом плече находилось по одной крупной темно-синей граненой бусе. Под нижней челюстью лежала кольцевая бронзовая застежка, орнаментированная насечкой по краям кольца. На шее покойницы находились четыре гривны: одна бронзовая в виде гладкого прута, обвитого на $\frac{2}{3}$ своей длины бронзовую же проволокой (за исключением той части прута, которая приходится под затылком при ношении этой гривны на шее). Обмотка прута как бы разделена на равные доли посредством бронзовых бусин. Замок гривны имеет форму круглой коробочки, являющейся приемником для крючка, находящегося на другом несомкнутом конце. Диаметр гривны 20 см. Замок-коробочка орнаментирован пятью выпуклинами. Вторая, бронзовая же, гривна витая, с петлевидными концами; она имеет 19 см. в диаметре. Третья гривна—железная, обмотанная бронзовой проволокой с напущенными бронзовыми бусинами, как у первой гривны, сохранилась лишь в обломках. Четвертая гривна железная, пластинчатая, на которую, вероятно, нашивалась ткань. На правом плече покойницы лежала овально-вогнутая железная пряжка с остатками железной пластинки, а на левом плече большая, до 14 см. в диаметре, бронзовая круглая с звездообразной прорезью бляха с шестиугольной крышечкой, скрывающей круглое отверстие в центре бляхи. Между концами шестиконечной звезды, образующей прорезь бляхи, имеется по одной полушарной выпуклине (полугорошине), маленькие выпуклины у вершины концов звезды. По плоскости бляхи, по краю, расположены ряды мелких выпуклин, по три выпуклины в каждом ряду, считая от края по направлению к центру. Рядом с бляхой найдены 2 длинные до $6\frac{1}{2}$ см. бронзовые обоймы, представляющие концы ремней, украшенные тремя выпуклинами (полугорошинами) каждая. Рядом с ними лежали такие же маленькие обоймы (длиной до 3 см.) и одна подвеска трапециевидной формы, сделанная в виде обоймы. На плечах покойницы—остатки ремней, украшенных полушарными с рубчатым ободком бляшками, прикрепленными к ремню посредством шпенька, припаянного внутри полушарика.

Здесь же найдены две бронзовые височные привески в виде обвитого спиралью стержня со свободным круглым двойным завитком-петлей у верхнего конца, литым немного сплюснутым кубиком у

нижнего конца ¹⁾. Длина привески—5 см. Под спинными позвонками лежала трапециевидная подвеска с колечком. Около левого бедра покойницы найдена поясная бронзовая арочной формы пряжка с хоботовидным язычком, а под бедром еще одна трапециевидная подвеска. На правом бедре находились остатки ремня от пояса с бронзовой полушарной, описанной выше, бляшкой. Близ колена правой ноги, лежала железная маленькая пряжка. В ногах покойницы стоял глиняный грубой работы горшок. Костяк местами сохранял прикрытие из остатков древесины (см. рис. 133).

М о г и л а 3.

Длина—2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,70 м.

В могиле лежал костяк женщины, длиной 1,65 м., ориентированный головой к Ю, на спине, вытянуто, при чем правая рука находилась на груди, будучи согнута в локте, а левая, согнутая под острым углом, кистью приходилась почти у подбородка. На черепе покойницы сохранились остатки темнорусых волос. У затылочной кости найдена вышитая „елочкой“ шерстяная ткань от рубашки или головного платка и здесь же рассыпаны бронзовые трапециевидные подвески наряду с красными глиняными бусами, составляющими большое ожерелье. Около каждого из ушных отверстий черепа лежало по одной бронзовой височной подвеске, до 3 см. длиной. Слева около нижней челюсти помещалась крупная красная глиняная буса. Ряды бус от ожерелья соединялись маленькими бронзовыми петельками в виде восьмерок. Трапециевидные бронзовые подвески, орнаментированные у своего основания точечными выпуклинами по 6 в два параллельных ряда, спускались в количестве 87 штук от головы до локтей, разделяясь на две полосы, сделанные из ремней, к которым они были пришиты, а третий такой же ремень с подвесками спускался от затылка по спине и заканчивался на высоте поясницы целой кистью таких же подвесков. На шее покойницы были надеты две бронзовые гривны, из которых одна с замком-коробочкой, украшенной пятью выпуклинами-полугорошинами, а другая—с петлевидными концами. На груди покойницы найдено скопление красных глиняных бус, образовавших форму четырехугольного предмета, в центре которого была кольцевая застежка без орнамента (вел. 2,5 см.). Повидимому в данном случае мы имеем один из видов того украшения, исполняющего служебную роль в наряде, какой известен до наших дней под именем скулгама. У правой ключицы покойницы лежала серебряная пластинчатая лунница, орнаментированная в средней своей части дырочками; на груди помещалась, повидимому, кисть от наконника, от которой сохранилось три бутыльчатых бронзовых подвески с длинным горлышком (до 3 см.) и шерстяные жгутики. На правой руке женщины был найден пластинчатый бронзовый браслет, орнаментированный чеканными выпуклинами, которые расположены по две вертикально вдоль несомкнутых концов и по одной ближе к стержню, образуя неправильный треугольник. Выпуклины окружены точками. Расстояния у конца равны 2,5 см. На левой стороне таза покойницы лежала массивная круглая бляха (диам. 12 см.), орнаментированная накладным пластинчатым крестом и тройным рядом мелких выпуклин

¹⁾ В дальнейшем описания височных привесок, находимых в могильнике, не дается, т. к. они все относятся к описанному типу и отличаются только размерами.

по окружности. Бляхи подвешивались к одежде за одно из четырех бронзовых колец полукруглой формы, прикрепленных к концам перекладин креста благодаря тому, что концы пластин креста загнуты в трубочку. Одно из колец не сохранилось. Пластины, составляющие крест на бляхе, орнаментированы по краям двумя рядами таких же выпуклин, какие имеются и на диске бляхи; на концах перекладин и в центре перекрестья помещены чеканные крупные выпуклины. Вокруг колен покойницы находились бронзовые полушарные бляшки с рубчатыми краями и, кроме того, у правого колена остатки ремня, вероятно, пояса, украшенного полушарными бляшками. Около ступни правой ноги лежали остатки украшения обуви, состоящие из бронзовых мелких и более крупных спиралек и мелких кольцевых застежек. На обоих ногах несколько выше ступней найдены бронзовые пряжки с хоботовидными язычками и прямоугольными обоями и подвесками (концами ремней) в виде длинных, вдвое сложенных пластинок, орнаментированных шестью. в два ряда расположенными, выпуклинами вдоль узкого края и перпендикулярным к ним одним рядом в 12 выпуклин. Длина таких же подвесок равна 7 см. На голени правой ноги покойницы лежал глиняный горшок. В полости ног заметны остатки луба. Общее количество красных глиняных бус от ожерелья было свыше 900 экз. (рис. 134).

М о г и л а 4.

Длина—2,10 м., ширина—0,63 м. и глубина—1,15 м.

В могиле лежал костяк женщины длиной 1,55 м., ориентированный головой к Ю, на спине, вытянуто, с руками, скрещенными на груди. Около ушных отверстий найдены височные бронзовые подвески; на шее надета бронзовая гривна, обвитая бронзовой же проволокой. На шее и на груди находилось ожерелье, состоявшее из красных глиняных бус (пять из них крупные) и две кольцевые бронзовые застежки, из которых одна была гранчатая, имевшая в диаметре 3 см., другая плоская; обе орнаментированы насечкой, при чем первая с обоих краев кольца, а вторая — только с наружного края. На одном из пальцев правой руки было найдено кольцо в виде спирали. В ногах покойницы стоял глиняный грубой работы горшок (рис. 135).

М о г и л а 5.

Длина—2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,90 м.

В могиле лежал плохо сохранившийся костяк мужчины ориентированный головой к Ю, на спине. Кости рук не сохранились, но, по видимому, левая рука находилась на груди; из ножных костей сохранилась лишь большая берцовая кость левой ноги. На левой стороне груди покойника найдена железная пряжка, а в полости таза — железное кольцо и нож (не сохр.). В ногах покойника стоял крупный широкогорлый глиняный горшок.

М о г и л а 6.

Разрушенное погребение в обрыве оврага; найдена только железная пряжка. Ориентировка, судя по остаткам костяка, была южная.

М о г и л а 7.

Длина—1,70 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,15 м.

Костяк не сохранился по причине большой сырости в могиле. У северной половины могилы, ближе к середине, найден глиняный

небольшой горшок и обломки железного ножа (длиной до 12 см.). На месте таза костяка лежали три железных пряжки; две—арочной формы длиной до 2,5 см. и одна овальная, вогнутая, длиной 3 см. Повсюду в могиле разбросан мелкий уголь.

Покойник, судя по положению пряжек и ножа, вероятно, был ориентирован головою к Ю.

М о г и л а 8.

Длина—2,20 м., ширина—0,74 м. и глубина—1,20 м.

В могиле лежал костяк мужчины, длиной 1,65 м., ориентированный к С-С-В, на спине, с вытянутыми конечностями. Справа у головы стоял глиняный небольшой горшок, слева от плеча лежала кость коровы, под подбородком находилась бронзовая кольцевая застежка без орнамента, на поясе—железное кольцо и одна бронзовая пряжка с обоймой в виде треугольника и железный ножик (рис. 136).

М о г и л а 9.

Совершенно разрушенное оползнем оврага погребение, от которого сохранились: бронзовая кольцевая проволоочная застежка, красные глиняные бусы и уголь.

М о г и л а 10.

Совершенно разрушенное оползнем оврага погребение, от которого сохранились крупные красные глиняные бусы, бронзовый грузик от височной привески и уголь.

М о г и л а 11.

Совершенно разрушенное оползнем погребение, от которого сохранились красные глиняные бусы и в северном углу могилы глиняный горшок.

М о г и л а 12.

Погребение, вследствие чрезвычайной сырости на левой стороне оврага, сохранилось очень плохо. Судя по остаткам костей и вещей, можно с уверенностью сказать, что костяк принадлежал женщине и лежал на спине с руками, сложенными на груди, будучи ориентирован к Ю. На шее покойницы, опустившей голову низко на грудь, находилась пластинчатая гривна из белого металла, в поперечном сечении треугольная, на груди красные глиняные бусы и очень большое количество значительно разложившихся тонких пластинчатых серебряных и бронзовых кольцевых застежек, ориентированных насечкой по три в ряд. Застежки покрывали всю ткань одежды на груди. Здесь же на шейных позвонках лежала пластинчатая грубой формы серебряная лунница с ушком и проволочным, продетым в него, колечком. На обеих руках было надето по два бронзовых браслета из четырехугольного в поперечном сечении прута с отогнутыми в виде завитков концами и точечным орнаментом близ них, а на одной из фаланг пальца—спиралевидный бронзовый перстень. Справа около браслетов, на груди, находились серебряные бутыльчатой формы подвески, а около браслета левой руки—нож с костяной ручкой. На тазу костяка лежала крупная серебряная пряжка, по кольцу которой нанесен веревочный выпуклый орнамент в три круга, а к краям пряжки примыкают восемь двойных неправильных кружков, попарно

расположенных. Между незаходящими друг за друга кругами имеются маленькие выпуклые кружки. Под ней оказалась маленькая проводочная кольцевая застежка. У левой ступни покойницы стоял глиняный горшок (рис. 137).

М о г и л а 13.

Погребение разрушено оползнем. Костяк лежал на спине, будучи ориентирован к Ю. Определить положение рук было невозможно. Из вещей сохранились бронзовая гривна с замком-коробочкой в обломках. Замок орнаментирован пятью выпуклинами, окруженными насечкой. Здесь были красные глиняные, зеленые стеклянные граненые бусы и черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 14.

Погребение совершенно уничтожено оползнем оврага. Была найдена одна красная глиняная буса.

М о г и л а 15.

Совершенно разрушенное оползнем оврага погребение. Сохранился кельтовидный железный топор, длиной до 15 см., при чем лезвие имело в длину 16 м., а диаметр втулки 4 см. Здесь же найден и железный наконечник копья, длиной до 26 см., с коротким пером (11 см. длиной).

ПРИМЕЧАНИЕ. Во всех могилах отмечаются следы деревянных покрытий над покойниками, в большей или в меньшей степени плохо сохранившихся.

М о г и л а 16.

Разрушенное оползнем оврага погребение, от которого сохранились лишь ножные кости покойника, ориентированного к Ю, и около них глиняный горшок.

М о г и л а 17.

Разрушенное погребение, от которого сохранились ножные кости покойника, повидимому, мужчины, ориентированного головой к Ю, железный ножик и на ногах, близ тазовых костей, глиняный горшок.

М о г и л а 18.

Глубина—0,90 м. и ширина—0,60 м. Эта могила лежит на 0,40 м. ниже могилы № 17 и, очевидно, уничтожила ее.

В могиле помещался женский костяк, длиной 1,62 м., ориентированный к Ю, на спине, с руками, сложенными на тазу. В головах покойницы стоял глиняный горшок. Около ушных отверстий черепа лежали височные привески. На шее находились красные глиняные бусы и крупная орнаментированная нарезкой по внешнему краю кольцевая застежка. Кольцевые бронзовые застежки в количестве трех, без орнамента, были найдены под локтевыми и лучевыми костями, т.-е. на поясе. Характер помещения пряжек тот же, что и на костяке из могилы № 12 (рис. 138).

М о г и л а 19.

Разрушенное оползнем погребение, от которого сохранились ножные кости покойника, ориентированного к Ю, и около них глиняный сосуд.

М о г и л а 20.

Разрушенное оползнем погребение, от которого сохранились ножные кости покойника, ориентированного к Ю, глиняный горшок около них и рассыпавшийся железный ножик.

М о г и л а 21.

Длина—2,20 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,80 м.

Костяка не сохранилось, но, судя по размещению вещей, покойница была ориентирована к Ю. Вокруг головы и на груди ее находились красные бусы и 7 штук синих стеклянных граненых бус. Среди них попадались мелкие обломки железа. На груди лежала бронзовая проволочная кольцевая застежка (не сохран.). На месте правого бедра найдено глиняное пряслице в виде двух конусов, сложенных основаниями, при чем диаметр их оснований равен 2,5 см. В ногах покойницы находился глиняный горшок.

М о г и л а 22.

Длина—2,10, ширина—0,65 м. и глубина—0,90 м.

Костяк истлел, но, судя по расположению вещей, был ориентирован к Ю. Под нижней челюстью, следовательно, высоко на груди, лежала бронзовая очень маленькая пряжка (диаметр 1 см. и ширина 0,5 см.) с прямоугольной обоймой. Кроме того, были найдены обломки железного ножа, железная пряжка арочной формы, часть пластинчатого украшения от ремня, обломки проволочной бронзовой пряжки, а в ногах костяка стоял глиняный горшок.

М о г и л а 23.

Длина—2,72 м., ширина—1 м. и глубина—1,30 м.

Костяк истлел, за исключением части черепа, нижней челюсти и бедренных костей. Покойник лежал на спине, будучи ориентирован к Ю. За головой стоял глиняный горшок, на месте левого плеча лежала бронзовая проволочная кольцевая застежка. У восточной стенки могилы, ближе к середине, т. е., повидимому, на берцовых костях покойника, стоял второй глиняный горшок. Справа, на месте колена, находилась железная втулка от наконечника копья.

М о г и л а 24.

Длина—2,50 м., ширина—0,75 м. и глубина—1,30 м.

Костяк сильно истлел. Можно полагать, что покойник, судя по местоположению вещей, был ориентирован к Ю. В головах и ногах стояло по глиняному горшку. Около правой руки находился железный однолезвийный нож, длиной до 12 см. Между берцовыми костями, близко к ступням, лежали остатки ремня с двумя массивными бронзовыми пряжками, кольца которых овально-вогнуты. Они имеют щитки в виде полуovalов и сильно изогнутые язычки. Рядом с левой ступней лежали железные тонкие удила, стержни которых имеют в длину до 6 см.

М о г и л а 25.

Длина—2,40 м., ширина—0,72 м. и глубина—1 м.

Костяк не сохранился, но по расположению видно, что покойник был ориентирован головой к Ю. У его левого плеча был найден же-

лезный наконечник копья с стреловидным пером (длина наконечника 12 см. при длине пера в 6 см.). На месте пояса находилась железная пряжка овально-вогнутой формы с хоботовидным язычком и прямоугольной обоймой. Ширина пряжки—4 см., длина обоймы—3,5 см. и ширина ее—3 см.

Здесь же находился железный нож длиной до 17 см. и железное шило, имевшее в длину 7 см. В ногах покойника стоял глиняный горшок.

М о г и л а 26.

Длина ямы—2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—0,60.

На дне, у северного конца ямы найдены остатки зуба человека и в засыпке могилы—остатки дерева.

М о г и л а 27.

Длина ямы—1,90 м., ширина—0,70 м. и глубина—1 м.

На дне, под прикрытием из коры, лежали остатки костяка человека в виде нескольких зубов, части плечевых костей, нескольких поясничных позвонков и части бедренной кости. Судя по расположению останков, видно, что покойник бол ориентирован головой к Ю. На уровне левого плеча найдена бронзовая плоская кольцевая застежка с насечкой по обоим краям кольца, на месте пояса железная пряжка с горизонтально-удлиненным вогнутым кольцом, обойма которой имеет форму полуовального щитка, язычек пряжки хоботовидный. Здесь же лежали: железный нож, направленный острием к северу, имеющий в длину 14 см., железные обломки какой то пластинки (от пояса). В ногах костяка помещался, обращенный горлом к покойнику очень грубый глиняный горшок. На указанном выше покрытии из коры найден небольшой железный втульчатый наконечник копья, острием направленный к Ю. Длина копья—18 см., при длине втулки до 9 см. В могильной засыпке обнаружены угольки.

М о г и л а 28.

Находится в обрыве оврага, при чем погребение оказалось разрушенным. Найдены обожженные остатки костяка человека, две бронзовые кольцевые застежки, из которых одна орнаментирована частой насечкой по краям кольца, а другая гладкая. Кроме того, в могилах находился черепок от глиняного горшка.

М о г и л а 29.

Обнаружена в обрыве оврага. Длина ямы, вследствие разрушения, не установлена. Ширина—0,60 м. и глубина—1,10 м. Костяк истлел. В северном конце ямы найден небольшой глиняный горшок с короткой шейкой. Ближе к южному концу ямы на расстоянии 0,50 м. от горшка лежала средней величины, до 4 см., железная пряжка.

М о г и л а 30.

Обнаружена в обрыве оврага. Длина ямы не установлена вследствие разрушения. Ширина—0,70 м. и глубина 1 м. Костяк человека лежал на дне ямы вытянуто, на спине, будучи ориентирован головой к Ю. Положение рук не установлено, т. к. кости не сохранились. Вещей при покойнике не оказалось.

М о г и л а 31.

Измерения длины и ширины ямы не были сделаны вследствие неясности очертаний. Глубина ямы—0,40 м. На дне ее обнаружен костяк ребенка (девочки), лет 10—12, судя по смене молочных зубов. Покойница лежит на спине, вытянута, будучи ориентирована к Ю. Кости сохранились плохо, но можно было установить, что руки сложены на груди. На шее покойницы находилась простая проволочная, диаметром до 16 см., бронзовая гривна с крючками по концам, при чем они были друг с другом соединены. По обе стороны черепа около височных костей лежало по одной бронзовой привеске, меньшей против обычной длины. С внутренней стороны круга, образованного гривной, ближе к левой стороне головы, лежали две бутыльчатой формы бронзовые подвески, обращенные своими короткими горлышками к гривне. На кисти левой руки находился бронзовый браслет с несомкнутыми концами, расплюснутыми и срезанными в виде остроугольника. Другой такой же браслет, сильно смятый проросшими здесь корнями деревьев, был найден несколько выше костяка. На правой стороне грудной клетки костяка обнаружено большое скопление мелких рубленых глиняных красных бус от ожерелья. Бусы эти перемежаются с бронзовыми и железными мелкими пронизьями и мелкими бронзовыми спиральками. Среди ожерелья оказалась сломанная бронзовая пластинчатая лунница, висящая на проволочном бронзовом колечке вместе с литой бронзовой бусиной. На обоих рогах лунницы и в центре имеются точечные орнаменты в виде группы точек по две и три вместе. Здесь же найдена одна более крупная бронзовая спиралька и смятая узкая конусовидная подвеска, орнаментированная горизонтальными параллельными линиями. Ниже левой руки, справа, на груди обнаружены семь бронзовых кольцевых застежек, лежащих рядом и образующих полуокружность. Из них шесть плоских застежек и одна проволочная. Завитками они обращены вверх или в сторону, но не вниз, считая от головы покойника. Три застежки имеют орнамент в виде отдельных групп косо нанесенных насечек, две—с мелкой сплошной насечкой по внешнему краю кольца, одна с такой же насечкой, но по обоим краям, и одна проволочная с орнаментом в виде «елочки». На коленных сочленениях костяка лежал раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 32.

Длина ямы—2,50 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,20 м.

Обнаружено два погребения.

Погребение 1, впускное.

В засыпке могильной ямы на глубине 0,45 м. найден плохо сохранившийся костяк девочки в вытянутом положении на спине, ориентированный головой к Ю. На шее покойницы находилось небольшое количество красных глиняных и синих стеклянных бус, а на груди обнаружена одна крупная мозаичная бусина красного цвета с белыми полосками. В ногах костяка помещались черепки от глиняного горшка.

Погребение 2-е, основное.

В засыпке могильной ямы попадались угольки.

На дне ямы оказался костяк женщины, лежавшей в вытянутом положении на спине и ориентированной головой к Ю. Покойница

прикрыта тонким слоем коры и бересты. Около черепа справа лежали остатки двух височных подвесок обычного для могильника типа, а на шее две гривны: одна бронзовая с петлевидными концами, обвитая бронзовой же спиралью с симметрично напущенными бронзовыми бусами. При этом гривна была сломана и исправлена посредством сплюснения двух концов обломка и скрепления их гвоздиками. Вторая гривна—железная пластинчатая. На груди покойницы лежали остатки от двух круглых железных, одной плоской и одной проволочной, бронзовых кольцевых застежек, имеющих насечку по обоим краям кольца. Здесь найдено большое количество красных глиняных бус, обломки бронзовой лунницы, 10 синих стеклянных граненых и одна стеклянная золоченая с горошину. На руках покойницы было надето по два бронзовых браслета—по одному в паре проволочному бронзовому и такому же железному. Бронзовые браслеты имели орнамент насечкой, нанесенной наискос, при чем образывалась „елочка“, т. к. другая линия насечки шла по другой грани браслета. На пальцах обеих рук было надето по одному массивному железному перстню. На коленном сочленении правой ноги лежал глиняный горшок (рис. 139).

М о г и л а 33.

Длина ямы—2,20 м., ширина—0,70 м., и глубина—1,57 м.

Костяк истлел, но по вещам видно, что покойник (мужчина) был положен на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. В головах у него лежал железный втульчатый наконечник копья с четырехгранным уплощенным острием пера, направленным к Ю. Длина наконечника—23 см. длина пера—14 см. В тазовой полости обнаружены остатки пояса в виде железных пластинчатых, в три узких полоски каждая, обойм, кусочки шерстяной ткани, вероятно, части кости, и бронзовая овальная, вогнутая, пряжка с железным хоботовидным язычком. Ширина пряжки 4 см., обоймы—3,5 см. На пространстве от наконечника копья до пояса лежала темно-зеленая масса, вероятно, остатки разложившейся ткани, шитой позументом. Вдоль левой стороны покойника, около пояса, находился железный однолезвийный с затупленным концом и рукоятью в виде стержня меч, направленный острием к С. Длина лезвия меча—37 см., длина рукояти—19 см. и ширина лезвия—4 см. Около колен покойника лежал разбитый глиняный горшок, и на расстоянии 20 см. от него найдены у северной стенки ямы железные тонкие удила с кольцами.

М о г и л а 34.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,30 м.

Костяк истлел, но можно установить, что покойник (мужчина) лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Около ЮВ угла ямы найдена половина глиняного горшка и близ него неопределенной формы бронзовый предмет. Около восточной стенки ямы, на расстоянии 80 см. от найденной половинки горшка, обнаружена вторая его половинка. Далее в 2 см. лежал неопределенной формы железный предмет. Около западной стенки, на расстоянии 55 см. от северной стенки найден железный кельтовидный топор, длиной 16 см. и шириной до 5,5 см., обращенный лезвием к ногам покойника. В засыпке могилы оказались угольки и несколько черепков от горшка.

М о г и л а 35.

Длина ямы—2,50 м., ширина 0,55 м. и глубина—1,40 м.

Костяк истлел, но, судя по расположению вещей и их характеру, несомненно, что в могиле лежал мужчина на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. У южной стенки ямы найден раздавленный глиняный горшок, в котором находился обломок железного кольца и около горшка остатки бронзовой кольцевой застежки. Посередине ямы на месте тазовых костей покойника обнаружены обломки двух железных поясных пряжек и железных поясных обоем со следами бронзы. В северном конце ямы найдена часть железных тонких удил и остатки железного предмета, вроде пряжки.

М о г и л а 36.

Длина ямы—2,60 м., ширина—0,80 и глубина—1,40 м.

Костяк истлел, но, судя по положению вещей и их характеру, можно думать, что в могиле лежала женщина на спине, вытянуто, будучи ориентирована головой к Ю. На месте шеи и груди покойницы найдены красные глиняные бусы величиной с горошину (одна—кубической формы) и такие же бусы, но рубленые, цилиндрической формы, среди которых были светлобронзовая бутылчатая подвеска с короткой шейкой и два бронзовых кубика от височных привесок. Здесь же найдены обломки плоского железного предмета (гривны). В засыпке могилы попадались угольки. Близ могилы, сверху, в траншее, обнаружена нижняя челюсть коровы.

М о г и л а 37.

Длина ямы—1,70 м., ширина—0,45 и глубина—1,10 м.

Костяк не сохранился и вещей не обнаружено. В засыпке могилы найдены черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 38.

Длина ямы—1,50 м., ширина—0,70 м. и глубина—1 м.

Костяк не сохранился. В северной части, в засыпке могилы, открыты зола и уголь. На дне ямы, в северной ее части, у западной ее стенки, найден нож, длиной до 12 см., с узким плоским черенком. Посередине ямы лежали остатки истлевшего ремня и разложившаяся маленькая кольцевая плоская бронзовая застежка. Несколько выше дна ямы, в центре ее, обнаружены черепки глиняного горшка.

М о г и л а 39.

Обнаружена в обрыве оврага, при чем часть ее свалилась в последний. Длина сохранившейся ямы 1,60 м., ширина—0,60 м. и глубина не определена. Костяк истлел. На месте тазовых костей обнаружены обломки железного ножа и железная пряжка овально-вогнутая с хоботовидным язычком. По большой оси пряжка имеет 4 см. длины.

В северном конце ямы лежал небольшой раздавленный глиняный горшок. Покойник был ориентирован, очевидно, головой к Ю.

М о г и л а 40.

В засыпке могилы на глубине 20—30 см. попадались мелкие кости и зубы коровы, а также и уголь.

Длина ямы—1,50 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,45 м.

На дне лежал плохо сохранившийся костяк ребенка лет 10—12, вероятно, девочки, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. На месте груди найдены мелкие рубленые красные глиняные бусы, среди которых было три синих круглых стеклянных бусы. Справа, у локтя правой руки, найдена тонкая бронзовая пластинка,—остатки ремня с овальными бляшками и железными кольцами. Немного севернее находилась тонкая бронзовая спиралька.

Близ середины длины правой берцовой кости найдены тонкие бронзовые пластинки из которых одна—со шпеньками. Орнаментированы эти пластинки точечным выпуклым орнаментом и, вероятно, служили для обшивки платья. В ногах покойницы лежал разбитый глиняный горшок, а около ступней ног помещались в беспорядке бронзовые спиральки.

М о г и л а 41.

Длина ямы—1,90 м., ширина—0,85 и глубина—1,30 м.

Костяк не сохранился, но, очевидно, покойница лежала на спине, вытянуто, будучи ориентирована головой к Ю. В южной части ямы на месте груди покойницы, найдены мелкие рубленые глиняные красные бусы бисерного типа, а в северной части, в ногах—черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 42.

Размер ямы не установлен. На глубине 0,95 м. обнаружены остатки костяка старой женщины, лежавшей на спине, вытянуто, и ориентированной головой к Ю. Руки ее были сложены на груди. Рост покойницы, приблизительно, достигает 1,5 м. За черепом найдена бронзовая височная привеска обычного для могильника типа, но более короткая, до 3 см., а под черепом—вторая. В полости шеи рассыпаны отдельные красные глиняные бусы. На груди, у челюсти, найдены бронзовые спиральки, обоймицы, красная глиняная буса, остатки железных обоймиц и хорошо сохранившаяся часть ожерелья, состоящая из 9 бронзовых спиралек, расположенных в 3 ряда и по концам скрепленных по три штуки бронзовыми обоймицами, орнаментированными выпуклыми точками. Под челюстью лежала часть неопределенного железного предмета с прикипевшим к нему обломком бронзовой пластинки. В разных местах ямы и по костяку рассыпаны красные глиняные бусы от ожерелья. В сгибе локтя правой руки лежала бронзовая кольцевая застежка с завитками, обращенными в бок, а выше ее еще две застежки и красные глиняные бусы. Застежки орнаментированы насечкой по обоим краям. На груди около левой руки найден разложившийся железный предмет (пряжка) и красная бусина. Между бедряными костями лежали две бронзовые четырехлопастные плоские привески и несколько красных глиняных, бус. Между большой берцовой костью правой ноги и стенками могилы находились красная буса и две плоские, длиной до 2,5 см. бронзовые обоймицы трапециевидной формы с орнаментом из трех треугольником расположенных выпуклин. Около этой же кости, с другой стороны, лежала красная бусина и две бронзовые обоймицы, длиной в 5,5 см., для ремней от обуви, а рядом—две более короткие—до 4,5 см. длиной.

Под большой берцовой костью левой ноги найдена красная глиняная буса и остатки железного предмета. Под коленом правой

ноги обнаружено глиняное пряслице в форме двух усеченных конусов, сложенных основаниями, имеющее в диаметре 5 см. В ногах покойницы оказались раздавленный глиняный горшок, а рядом с ним бронзовая короткая обоймица и бронзовая пряжка с литым колючком, хоботовидным язычком и прямоугольной обоймой для ремня.

М о г и л а 43.

Длина и ширина ямы не определены, вследствие неясности очертаний. На глубине 0,65 м. обнаружен костяк девочки лет 10—11. Покойница лежит на спине, вытянуто, будучи ориентирована головой к Ю. Кости сохранились плохо. Около нижней челюсти и вокруг черепа найдено немного красных глиняных бус, одна светло-зеленая стеклянная, одна шаровидная мастиковая, черная с белыми полосками буса, несколько желтых стеклянных боченовидных бус, одна буса из композиции, такой же формы, с глазками и одна округленно-цилиндрическая стеклянная, синяя с желтым пояском. Среди этих бус находились маленькая бронзовая спиралька с петельками по концам и небольшая серебряная пластинчатая лунница с тремя дырочками, равномерно расположенными по одной на рогах и одна в центральной части. Сверху приделана петля для подвешивания. По левую сторону черепа лежала маленькая кольцевая пластинчатая застежка, орнаментированная резной линией, параллельной краям ободка.

На груди покойницы, по правую сторону, лежала вторая застежка без орнамента. На тазу обнаружена кисть, состоящая из пяти бутыльчатых подвесок и одной четырехгранной с колечком сверху, а выше их разрушившийся железный предмет, повидимому, пряжка. Ниже указанной кисти лежала одна трапециевидная привеска без орнамента и обломок от другой. На коленных сочленениях костяка находился раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 44.

Размеры ямы не обнаружены, вследствие неясности очертаний. На глубине 0,65 м. найден череп, а остальные кости совершенно истлели. Покойник лежал в яме, ориентированный головой к Ю. На месте груди погребенного находилась кольцевая пластинчатая бронзовая застежка без орнамента, обращенная завитками в сторону. К этому погребению, очевидно, относился черепок от глиняного горшка, найденный над костяком на глубине 0,40 м., считая сверху.

М о г и л а 45.

Длина ямы 1,50 м., ширина—0,50 и глубина—1,10 м.

В засыпке могилы на глубине 0,22 м. найдены в Ю-В углу черепки от глиняного горшка. На дне ямы обнаружен в плохой сохранности костяк девочки, лежавшей на спине, вытянуто и ориентированной головой к Ю. На месте шеи находилась небольшая провололочная бронзовая гривна, а на груди найдено небольшое количество мелких красных глиняных бус, а также стеклянных синих. Кроме того, на груди лежала разложившаяся небольшая бронзовая кольцевая застежка и другая, но крупная, в диаметре до 4 см., орнаментированная с обоих краев насечкой. В ногах покойницы лежали черепки от глиняного горшка. Костяк был прикрыт берестой (рис. 140).

М о г и л а 46.

Длина ямы 2,25 м., ширина—0,70 м. и глубина—1 м.

Костяк совершенно истлел, но, судя по вещам, принадлежал женщине, лежавшей на спине, вытянуто, будучи ориентированной головой к Ю. Вещи, принадлежавшие покойнице, сильно разложившиеся, помещались в следующем порядке: в 40 см. от южной стенки ямы — две бронзовые гривны с петлевидными концами (диам. одной гривны 18 см., другая—в обломках). Здесь же находилось большое количество красных глиняных бус, немного янтарных, из которых одна, довольно крупная, имела форму шаровидно-сплюсненную. Около этих бус лежали две обычные височные привески. Далее, по направлению северной стенки ямы, найдены: железный перстень (там, где находится нижняя челюсть) 2 см. в диаметре и 1 см. шириной, Другой такой же предмет (на месте таза) в обломках; четыре бронзовые кольцевые застежки по две в ряд (на месте пояса). Орнамент на застежках имеет форму насечки с обоих краев кольца. Рядом с ними—круглая железная пряжка. У северной стенки могилы на месте берцовых костей находился раздавленный глиняный горшок, под ним бронзовая пряжка с хоботовидным язычком и пластинчатыми неширокими бронзовыми обоями, скорее всего от обуви. Покойница была прикрыта лубом, сохранившимся большими кусками. Судя по местам находок перстней, можно полагать, что руки у женщины были или скрещены, или одна рука лежала на тазу, а другая высоко на груди.

М о г и л а 47

Длина ямы 1 м., ширина—0,50 м. и глубина—0,90 м.

Ни костяка, ни вещей не оказалось. Найдено только 2—3 уголька. Погребение было, вероятно, детское, и кости истлели без остатка.

М о г и л а 48.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,90 м. и глубина—1 м.

В засыпке могилы обнаружено в южном конце на разной высоте несколько красных глиняных бус, среди которых одна была надетая на бронзовое колечко. От покойницы сохранилось несколько зубов, найденных в южной части ямы, а это, вместе с расположением других предметов, указывает, что покойница лежала на спине, вытянуто, будучи ориентирована головой к Ю.

Вокруг, на месте истлевшего черепа, найдено несколько десятков красных глиняных бус, две синие граненые бусы от ожерелья и обломок железной проволочной гривны, обвитой бронзовой спиралью. В северном конце ямы найден раздавленный глиняный горшок, около которого находились маленькая бронзовая пряжка с обоями и хоботовидным язычком, остатком ремня и небольшая круглая железная пряжка. Здесь же обнаружен еще обломок железной гривны с напущенной на него бронзовой бусиной.

М о г и л а 49.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,75 и глубина—1,20 м.

От костяка сохранилось только несколько зубов в южной части ямы, по которым и, кроме того, по расположению и характеру вещей, можно установить, что покойник, мужчина, лежал на спине,

вытянуто, будучи ориентирован головою к Ю. На месте шеи найдена маленькая бронзовая пряжка в виде колечка. На уровне кисти правой руки лежали восемь железных трехгранных наконечников стрел, длиною до 7 см. каждая, рядом с которыми оказалась хрупкая, зернистая светло-бронзовая масса, вероятно, от украшения колчана. На месте таза покойника помещались железная пряжка овально-вогнутой формы (длина 4 см) с прямоугольной обоймой (длинной до 5,5 см. и шириной до 3 см.) и железный однолезвийный нож, длиной в 21 см., с остатками рукоятки, обращенной к восточной стенке ямы. Близ берцовой кости, рядом с местом, где могла находиться кисть левой руки, найдены две бронзовые маленькие массивные с длинным, слегка согнутым, язычком и остатками кожи пряжки. Далее, по направлению вдоль покойника к северному концу ямы лежали две части поясных железных блях в виде столбиков, снабженных волютообразными придатками сверху и снизу, а на месте колен—раздавленный глиняный горшок. На месте берцовых костей, ближе к ступням, найдена бронзовая, крытая серебряным позолоченным листком, пряжка с обоймой в виде треугольного щитка с бронзовыми гвоздиками и сверлиной, через которую продет вместо язычка плетеный шнурок.

М о г и л а 50.

Длина ямы—2,2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,85 м.

Костяк истлел, за исключением нескольких зубов, указывающих на ориентировку покойника головою к Ю. Судя по назначению вещей, несомненно, что костяк принадлежал женщине. Справа от головы покойницы тянется низка из четырех бутыльчатых бронзовых подвесок, нанизанных вперемежку по две с красными глиняными бусами, среди которых была одна стеклянная, двойная золоченая буса. Бутыльчатые подвески лежали верхушками по направлению к голове покойницы, вследствие чего можно предположить, что этот предмет, именно, наконечник, лежал свернутым, как бы помещенным на показ. На месте шеи покойницы находились три гривны: одна бронзовая (длин. 20 см.) с замком-коробочкой, другая с петлевидными концами (длинной 17 см.) и третья железная (в обломках) с бронзовой обмоткой. Здесь же находились красные глиняные бусы. Вдоль плеч лежали сильно разложившиеся спирали, среди которых имелись остатки кольцевых застежек.

В грудной полости лежала бронзовая бляха с накладным орнаментальным крестом, прикрытая грубой тканью. Каждая половинка перекрестий имеет полуовальные выступы, по три равномерно размещенных. По перекрестиям сделаны выпуклины по 20 на перекладине. На месте пересечения имеется окруженная точками выпуклость. Вдоль горизонтальной полосы креста в центре укреплен перемычка. По концам креста укреплены кольца, из которых сохранились два. На месте колен покойницы обнаружен раздавленный глиняный горшок, а ниже, на месте ступней, лежали бронзовые небольшие пряжки—по одной на каждой ступне, с остатками ремней, покрытых прикреплёнными к ним бронзовыми узкими пластинками и с двумя бронзовыми же наконечниками, заключающими в себе свободные концы ремней. Покойница лежала на лубе и была им прикрыта.

М о г и л а 51.

Длина ямы 2 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,30 м.

Костяк истлел, но, можно, однако, предположить по расположению вещей, что покойник, мужчина, лежал на спине, будучи ориентирован головой к Ю. Близ Ю-В угла ямы лежала бронзовая пряжка плохой сохранности, с орнаментом в виде насечки по обоим краям кольца. Здесь же около правого плеча—вторая такая же пряжка. Ближе к западной стенке лежали два железных втульчатых наконечника копий, один длиной до 22 см., при втулке в 8 см. длиной и другой—длиной в 16 см., при втулке в 4 см., остриями направленные к Ю. Рядом с ними на левом плече находилась бронзовая пряжка. На месте правой руки—бронзовый браслет с насечкой по концам. Далее у бедряной кости правой ноги лежала железная овально-выпуклая пряжка длиной до 3 см. и железный предмет неопределенной формы. Около западной стенки найден железный нож, обращенный острием к Ю, имеющий в длину до 25 см., при чем рукоятка ножа находилась под глиняным горшком. На расстоянии 15 см. от ножа к С лежит втульчатый топор, длиной до 11 см., обращенный втулкой к стене. Горшок находился, повидимому, у колен покойника. Рядом с горшком найден железный неопределенный предмет (пряжка). В С-З углу ямы лежали железные тонкие удила с кольцами. Покойник был покрыт лубом. В засыпке могилы были найдены угольки (рис. 141).

М о г и л а 52.

Длина ямы 2 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,30 м.

Обнаружен костяк девочки лет 12, лежащий на спине, вытянуто, при чем правая рука лежит на груди, а левая сильно согнута в локте и кистью лежит у левого плеча. Покойница ориентирована головой к Ю. Справа от головы, в углу могильной ямы, лежала красная глиняная буса, а слева под черепом две небольшие бронзовые кольцевые застежки, из которых одна имеет насечку по внешнему краю кольца, а другая орнаментирована рядом точек, расположенных посередине кольца, параллельно краям. На груди лежали крупные и мелкие красные глиняные бусы и здесь же в обломках железная проволочная, обмотанная бронзовой спиралью гривна. На левой руке покойницы находился бронзовый проволочный браслет, имеющий в диаметре 6,5 см. На тазу костяка лежали две бронзовые кольцевые застежки без орнамента и железная овально-вогнутая пряжка, имеющая величину до 3,5 см. Одна бронзовая кольцевая застежка помещалась под тазовыми костями, будучи обращена завитком вниз. Над тазом были найдены черепки от глиняного горшка. У ступней левой ноги обнаружены маленькая бронзовая спиралька и плоский обломок железного предмета. Покойница была покрыта лубом и в засыпке могилы попадались угольки.

М о г и л а 53.

Длина ямы 1,80 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,90 м.

Костяк истлел, но, судя по расположению вещей и остатков костей, покойник лежал, будучи ориентирован головой к Ю. В южной части могильной ямы найден уголь. На месте груди, справа, лежала маленькая кольцевая проволочная бронзовая застежка. На месте таза найдены обломки железного ножа.

М о г и л а 54.

Длина ямы 2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—0,95 м.

Костяк не сохранился. В южном конце ямы обнаружен обломок железного ножа на глубине 0,85 м., а на дне ямы, у южной стены, лежало бронзовое колечко, перевитое бронзовой ленточкой. Ближе к северному концу ямы видны следы железного предмета.

М о г и л а 55.

Длина ямы 1,75 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,80 м.

Костяк истлел. Среди могильной ямы найдена железная пряжка с хоботовидным язычком и с прямоугольной обоймой, а рядом с пряжкой, ближе к западной стенке, находился раздавленный глиняный горшок. В С-З углу ямы лежал втульчатый железный наконечник копья, длиной до 26 см., острием направленный к С. Перо копья имеет уплощенно-четырёхгранную форму. В засыпке могилы встречены угольки.

М о г и л а 56.

Длина ямы 2,30 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,10 м.

Костяк истлел. По расположению вещей видно, что покойница лежала на спине, будучи ориентирована головой к Ю. В 40 см. от южной стенки ямы обнаружены четыре бронзовые гривны: две с петлевидными концами и одна с замком-коробочкой, четвертая гривна—железная, обмотанная бронзовой проволокой. Петли у двух первых гривен расположены различно—у одной петля слева, а у другой справа; соответственно и расположены крючки. Среди гривен лежали красные глиняные бусы, в центре скопления их—синяя стеклянная крупного размера (не сохранилась). Среди бус лежали также височные привески обычного для могильника типа. Здесь же найдены и остатки неопределенного железного предмета. На груди обнаружена бронзовая цилиндрическая подвеска и бронзовые же спиральки—остатки накосника. Несколько далее от гривен, к северу, и ближе к западной стенке найдена железная овально-вогнутая пряжка, величиной до 4 см. Рядом с ней вдоль западной стенки, лежал железный нож. На месте пояса оказалась сильно разложившаяся круглая бронзовая бляха с орнаментом из накладного фигурного креста. На расстоянии 1,15 м. от южного конца ямы лежали черепки от глиняного горшка, возле которых обнаружен предмет неизвестного назначения в форме меловой пластинки с желобком на одной стороне и маленьким воронкообразным отверстием (литейная формочка).

Покойница была прикрыта лубом. (рис. 142).

М о г и л а 57.

Длина ямы 2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,20 м.

Костяк, плохо сохранившийся (кости от рук почти не уцелели), лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Над головой находился раздавленный глиняный горшок. У правого плеча найдены две бронзовые кольцевые застёжки, одна—плоская с насечкой по краям, другая—круглая проволочная. На шее, под челюстью, найдена граненая синяя стеклянная буса, служившая, скорее всего, пуговицей от ворота одежды. На груди было небольшое железное колечко. У кисти правой руки лежал железный нож, имевший в

длину до 24 см., обращенный острием к ногам покойника. Рядом с ним находилась в обломках большая круглая железная пряжка. В ногах покойника, в С-З углу могильной ямы, железные удила с псалиями, округленно расплюснутыми в верхних концах и имеющими по шару на нижних концах; здесь же находилась железная овально-вогнутая пряжка и колечко, вероятно, от уздечки. Кольца от удил—трапециевидной формы. С западной стороны вдоль стенки могильной ямы, на ее дне, обнаружена обгоревшая палка, имевшая в длину до 0,70 м., назначение которой осталось неясным (рис. 143).

М о г и л а 58.

Длина ямы—2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,20 м.

В яме лежал костяк мужчины, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Кости сохранились плохо. Немного ниже левого плеча обнаружены 7 железных трехгранных наконечников стрел со стержнями (длина 3,5 см.), лежавшими, повидимому, в колчане, положенном на левое бедро. Стрелы лежали остриями по направлению к голове. Колчан был покрыт, повидимому, кожей с нашивкой на нее парчи или шитой металлической нитью. На колчане лежало несколько бронзовых трапециевидных плоских подвесок и с ними обломок височной привески. В верхней части колчана помещалась бронзовая круглая пряжка (не сохр.), а посередине—железная (не сохр.). На месте таза покойника лежал железный нож, длиной до 16 см., концом острия поверх колчана. Над покойником, на бедряных костях, были обнаружены черепки от раздавленного горшка, в ногах, в сев.-вост. углу могильной ямы лежали железные удила с кольцами и три небольших железных кольца, вероятно, от уздечки. Длина стержней удил по 7 см. Кольца—круглые и более сложной формы в виде полукольца, соединенного с трапецией. Предметы женского украшения, вероятно, были положены вдовой умершего, как это наблюдалось и в Подболотьевском могильнике.

М о г и л а 59.

Длина ямы—1 м., ширина—0,50 м. и глубина—1,10 м.

В засыпке могилы найден зуб лошади. В яме обнаружена железная пряжка с хоботовидным язычком и обоймой.

Костяк совершенно истлел (рис. 144).

М о г и л а 60.

Длина ямы—2,25 м., ширина—0,70 м. и глубина—1 м.

На глубине 0,70, в засыпке могилы, найден раздавленный глиняный горшок. Костяк истлел, но, очевидно, что погребена была женщина, ориентированная головой к Ю.

На расстоянии 0,40 м. от южной стенки ямы лежала покрытая тканью железная пластинчатая гривна, диаметром до 17 см., в кругу которой оказались остатки 2-х височных привесок обычного для могильника типа, и красные глиняные бусы. Под гривной, на месте груди найден один железный перстень и второй—на месте пояса. Оба имеют в диаметре до 2 см. и в ширину до 1 см. Очевидно, что одна рука покойницы лежала на груди, а другая—на животе.

У западной стенки ямы, на линии второго перстня, найден железный браслет из круглой проволоки. Справа на груди помещалось скопление бронзовых кольцевых застежек разного размера, лежав-

ших в беспорядке. Рядом с ними, слева, оказался железный нож с деревянной рукоятью шириной до 2,5 см. и двумя бронзовыми обоймами. Немного далее, т.е. севернее бус, найдено глиняное пряслице (диам. 2 см.), а второе, более крупное размером (диам. 2,5 см.) попало в засыпке могилы. Пряслица имеют форму сплюснутых усеченных конусов, сложенных друг с другом основаниями. Немного ниже, т.е. севернее пряслица и левее его, обнаружен деревянный стержень. На месте колен покойницы лежал раздавленный глиняный горшок. На расстоянии 0,40 м. от сев. стенки найдены две железные небольшие одинаковые пряжки с обоймами. Язычки у пряжек хоботовидные. Около северной стенки лежала круглая железная пряжка.

М о г и л а 61.

Длина ямы—1,65 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,30 м.

На дне ямы лежал костяк девочки лет 10, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Кости почти не сохранились, за исключением лучевой и локтевой костей левой руки и ножных. По обе стороны от головы найдены бронзовые височные привески обычного для могильника типа; около них по одной бутылчатой светло-бронзовой подвеске. Они, повидимому, заключали собой низки красных бус, величиной с горошину, идущих четыремя рядами, опускаясь на грудь. Ниже этих рядов бус на груди видна низка из бронзовых спиралек, перемежающихся с бронзовыми колечками и небольшими железными обоймицами. Еще ниже—два железных перстня. Руки покойницы, очевидно, были сложены на груди, т. к. на месте кистей найдено по одному бронзовому проволочному браслету с расплюснутыми концами. Слева, около левой ключицы, оказалась светло-бронзовая пластинчатая подвеска удлинённой формы с отверстием на конце. Справа, на нижней части груди,—железная пряжка овально-вогнутой формы с прямоугольной обоймицей. Ниже пряжки, почти на поясе, оказалось скопление кольцевых застёжек, образующих очертания квадрата. Застежки—разной величины, при чем две имеют нарезку по краям кольца. На тазовых костях лежала плохо сохранившаяся круглая, тонкая и плоская бронзовая бляха с шестиугольной крышечкой в центре и четырьмя прорезными треугольниками. По краю идет три ряда крупных точечных выпуклин, а между прорезных треугольников помещается по одной крупной выпуклине. Маленькие выпуклины того же типа помещаются у вершин треугольников. Все выпуклины окружены мелким чеканом в виде сплошного ряда черточек. На бляхе лежала кольцевая орнаментированная по пластинчатому кольцу точками бронзовая застёжка с остатками ткани. Около правого колена, ближе к стенке колодца находился раздавленный глиняный горшок с плоским дном и немного изогнутым венчиком (рис. 145).

М о г и л а 62.

Длина ямы—1,85 м., ширина—0,55 м. и глубина—0,40 м.

На дне лежал костяк мужчины ростом до 1,50 м., на спине, вытянуто, будучи ориентирован головою к Ю. Руки покойника сложены на груди. На правом плече лежал обломок железной пряжки. Около кисти левой руки лежал бронзовый проволочный браслет с несомкнутыми концами (диаметр браслета—7 см.) посредине груди—бронзовое колечко, со стержнем, которым оно прикреплено к бронзовой застёжке без орнамента. На правой части груди лежали две бронзо-

вые кольцевые с завитыми в трубочку концами застежки, одна— плоская, орнаментированная в „елочку“, другая—проволочная, круглая с нарезкой по краям кольца. Около пяточной кости правой ноги стоял раздавленный глиняный горшок (рис. 146).

М о г и л а 63.

Длина ямы—2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,20 м.

Костяк, принадлежащий ребенку (девочке), истлел ниже тазовых костей. Покойница лежала на спине, вытянуто, будучи ориентирована головой к Ю. Руки были, вероятно, сложены на груди, где, на правой стороне, найден проволочный бронзовый браслет. На левом плече, у ключицы, найдена железная пряжка с бронзовой привеской в форме колечка. На груди обнаружена маленькая (1,5 см. в диаметре) бронзовая пластинчатая с завитыми в трубочку концами кольцевая застежка, орнаментированная в „елочку“ и другая, обычного размера, с нарезкой по краям кольца. В тазовой полости лежали остатки железного ножа (типа „финских“ ножей) в деревянной оправе с бронзовыми украшениями в виде пластинок с нарезкой по краям. У колен, слева, стоял раздавленный глиняный горшок (рис. 147).

М о г и л а 64.

Длина ямы—1,55 м., ширина—0,65 м. и глубина—0,60 м.

Костяк истлел. В могильной засыпке найден уголь.

М о г и л а 65.

Длина ямы—1,90 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,95 м.

Костяк не сохранился за исключением лучевой и локтевой костей правой руки, на которых был надет бронзовый довольно массивный проволочный браслет, со срезанными под острым углом и сплюснутыми концами, при чем по расплюсненной стороне нанесен в три ряда точечный орнамент, а весь стержень браслета орнаментирован изящной насечкой в „елочку“. Можно полагать, что покойник лежал на спине, будучи ориентирован головой к Ю. На месте тазовых костей найдена железная пряжка с округленно-прямоугольной обоймой и хоботовидным язычком и три прямоугольные бляшки от пояса. Слева у колен лежал однолезвийный железный нож, острием направленный к голове покойника, а между ними находился раздавленный глиняный горшок. В засыпке могилы и в яме найдены угольки.

М о г и л а 66.

Рядом с могилкой 46 обнаружено детское погребение в почве без грунтовой ямы. Костей не сохранилось и вещей, за исключением черепков от маленького глиняного горшка, не оказалось.

М о г и л а 67.

Длина ямы—2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,20 м.

Костяк совершенно истлел. Найден черепок от глиняного горшка.

М о г и л а 68.

Длина ямы—1,40 м., ширина—0,45 м. и глубина—0,75 м.

Костяк истлел за исключением левой плечевой кости, что позволяет установить положение покойницы (девочки)—на спине, ори-

ентированной головой к Ю. В головах найдена височная бронзовая привеска обычного для могильника типа; в области шеи и груди—мелкие красные глиняные бусы. На уровне поясницы, ближе к правой руке, лежало пять бронзовых бутыльчатых подвесок величиной по 2,5 см., расположенных по две в два последовательных ряда, заключаемых одной, в третьем ряду. Несомненно, имеем здесь накосник. У левой плечевой кости, между шеей и грудью, найдено пять подобных же подвесок, лежащих по одной, в виде цепочки, вдоль руки, отверстиями по направлению к руке. Здесь же лежали остатки какого-то бронзового предмета и кольцевой застёжки.

Между берцовыми костями находился раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 69.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,20 м.

На дне оказался плохо сохранившийся костяк женщины на спине, вытянуто, ориентированный головой к Ю. Положение рук не установлено. В головах покойницы найдены красные глиняные бусы разной величины, при чем среди них одна кубической формы. По обе стороны от черепа обнаружены височные бронзовые привески по одной с каждой стороны. Под нижней челюстью находилась бронзовая кольцевая застёжка с нарезкой по краям. На груди лежали красные глиняные бусы. Такие же бусы оказались и вдоль плечевых костей, будучи, вероятно, нашиты на рукавах. В ногах покойницы помещался глиняный горшок. В южном конце могилы, в засыпке, обнаружены зубы и позвонки коровы.

М о г и л а 70.

Длина ямы—2,10 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,20 м.

На дне ямы оказался костяк женщины, лежащей на спине, вытянуто, с руками, сложенными кистями у подбородка. Покойница ориентирована головой к Ю. Ножные кости совершенно истлели. По обе стороны от черепа лежало по одной височной привеске, стержни которых имели в длину до 3 см. На одном колечке от привески сохранились остатки ремешка. На шее покойницы обнаружены были три бронзовые гривны: две—с замком-коробочкой и одна—с петлевыми концами. Круглые пластинки замков имели обычные выпуклины, при чем средняя, пятая, выпуклина была окружена пятнадцатью мелкими чеканными треугольниками. Далее лежали в порядке красные глиняные бусы от ожерелья в пять низок, скрепленных бронзовыми колечками. Кроме того, обнаружена масса таких же бус, среди которых лежало какое-то украшение, состоящее из семи бусин, скрепленных в виде перекрестья с крупной бусиной в центре. Здесь же находились звездчатые бронзовые подвески, прикрепленные к спиралькам, снизанным на ремешках по несколько штук. Начиная от подбородка под ожерельем и далее в направлении к левому плечу, вплоть до пояса, лежал накосник, состоящий из следующих частей: сверху—тонкой выпуклой бляхи, орнаментированной точечным зигзагом по ободку, а на выпуклой своей части—пятью выпуклинами—в центре крупной, из которой идут крест-на-крест четыре чеканные из точек линии с тремя разветвлениями на концах. По той части окружности, которая при ношении бляхи приходится внизу, бляха снабжена отверстиями, в которые продеты бронзовые колечки, держащие бронзовую пластинку в виде дугообразного отрезка; к этой пластинке

прикреплены тонкие узкие конусовидные подвески, орнаментированные горизонтальными нарезками. Внутри подвесок продеты ремешки с нанизанными на них длинными бронзовыми спиральками, по 12 в ряд, при чем эти ряды перехвачены бронзовыми обоймицами, покрытыми точечным орнаментом таким образом, что посредине образовавшейся из спирали ленты, шесть составляющих ее рядов соединены вместе одной обоймой, и по краям также соединены по три ряда. Средняя обойма вдвое шире боковых. На нижнем конце наконечник украшен двенадцатью бронзовыми конусовидными узкими подвесками, подобными тем, которые украшают бляху на верхнем конце наконечника, но более крупными в сравнении с этими верхними. На тазу костяка лежала круглая, плоская и массивная бронзовая бляха с припаянным к ней орнаментальным фигурным крестом с шестью прямоугольными выступами на каждой перекладине креста. Бляха покрыта выпуклым точечным орнаментом в два ряда—по краю и по кресту. По концам креста были продеты в трубочки, образованные сгибами перекладин, кольца или петли, при чем одна отсутствовала. Бляха, повидимому, не была прикреплена к одежде, но только положена на умершую, т. к. кольца были загнуты на бляху, под которой лежала бронзовая кольцевая застежка с железным язычком. Выше бляхи справа от наконечника находилась бронзовая круглая пряжка. Под наконечником оказались остатки истлевшей ткани и скопление трапециевидных гладких подвесок, имевших в высоту до 2,5 см. и в ширину до 1,5 см. На покойнице оказался наборный пояс, состоящий из кожаных прямоугольных пластинок с бронзовыми округлыми обоймицами и бронзовыми спиральками, по три в ряд нашитыми на ремень. Обоймы соединялись железными кольцами, образуя пояс, застегивавшийся пластинчатой гладкой застежкой. На кисти левой руки помещался проволоочный бронзовый браслет с насечным „елочным“ орнаментом. В ногах покойницы лежал раздавленный глиняный горшок. Покойница была прикрыта грубой тканью, следы от которой заметны на вещах и отдельно в виде сильно истлевших кусочков. Кроме того, остатки луба покрывали все погребение (рис. 148).

М о г и л а 71.

Длина ямы—1,65 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,35 м.

В засыпке могилы найден уголь. Костяк сохранился частично, а именно, нижняя челюсть и часть берцовых костей. Судя по вещам, костяк принадлежал мужчине, ориентированному головой к Ю и лежавшему на спине.

Около головы с левой стороны найдены остатки окисшего железного предмета, вроде пряжки. На месте тазовых костей, слева, лежали обломки железного ножа и в ногах—обломки железных удиц и глиняный горшок.

М о г и л а 72.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 и глубина—1,35 м.

В засыпке могилы найдена челюсть лошади. Костяк мужчины лежал на дне ямы на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Руки вытянуты вдоль туловища. Около левой части нижней челюсти найдена бронзовая, без орнамента, кольцевая застежка. На груди—такой же предмет. Слева от костяка, у кисти левой руки, лежала сломанная бронзовая, с насечкой по краям, кольцевая застежка близ рукояти меча. На одной из фаланг пальцев левой же руки на-

дет бронзовый перстень, а на кисти—массивный бронзовый браслет, в поперечном сечении имеющий форму четырехугольника, расширяющегося к концам, вертикально срезанным. Близ концов браслета имеется на лицевой стороне орнамент насечкой с добавочной грубой двойной насечкой, переходящей на верхнюю плоскость. Найдены также маленькие бронзовые круглые обоймицы, вероятно, от пояса. Меч, лежащий у бедра, вдоль левой ноги, имеет рукоять в виде стержня с слегка округленной верхушкой и однолезвийный клинок. Меч был в деревянных ножнах с пластинчатым наконечником в виде подковообразной узкой обоймы-оковки. Около меча, у восточной стенки могилы, лежит истлевший колчан (не сохр.) с 10 железными трехгранными наконечниками стрел, длиной в 3 см., острия которых направлены к голове покойника, за исключением одного, обращенного к ногам. Этот наконечник лежит отдельно около горшка, стоявшего целым между берцовыми костями. У некоторых стрел сохранились древки, обмотанные нитью. Около правого бедра покойника лежал костяной небольшой гребень в 24 зубца, плоская ручка которого снабжена сверлиной; рядом с ним бронзовая обойма. Здесь же находился железный кельтовидный топор, лезвием обращенный к покойнику и лежавший на правой бедряной кости, при чем рукоять опора лежала вдоль нее. Лезвие топора шире его тела и немного опущена вниз. Длина топора 14,5 см., диаметр втулки 3,5 см. и ширина лезвия 5 см. (рис. 149).

М о г и л а 73.

Длина ямы 1,80 м., ширина—0,60 м. и глубина—1 м.

В могильной засыпке встречены обломки челюсти и зубы лошади. Костяк человека совершенно истлел, за исключением части черепа и левой плечевой кости, указывающих, что покойник, по всей вероятности, мужчина, лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. В полости таза найден обломок железа (пряжка).

М о г и л а 74.

Длина ямы 2,70 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,55 м. Костяк сохранился плохо, но, судя по оставшимся костям и вещам можно утверждать, что была погребена женщина, положенная на спине, вытянуто, и ориентированная головой к Ю. Справа, у головы, стоял грубый глиняный горшок. По обе стороны от черепа лежало по одной височной привеске обычного для могильника типа. При этом около левой привески сохранились остатки ремня. На месте шеи найдены три бронзовые гривны, имеющие в диаметре по 19 см.: одна, верхняя, с петлевидными концами и две—нижние—с замком-коробочкой. Коробочки имеют в диаметре 5,5 см. Крышки коробочек имеют орнамент в виде пяти выпуклин, окруженных насечкой. В кругу гривен лежит ожерелье из красных глиняных бус, в центре которого имеется три очень крупные бусины. С обеих сторон нижней челюсти находились кучками мелкие глиняные красные и стеклянные бусы, среди которых есть одна более крупная бусина, синяя с глазком. Под ребрами, от гривен по направлению к тазу, лежат бронзовые тонкие и длинные спирали, перемежающиеся с тонкими листовыми бронзовыми трубочками, образуя линию по четыре штуки в ряду. По концам к ним прикреплены бутыльчатые подвески. Все в целом образует наосник. В нижней части груди лежал предмет в виде парчевого

полумесяца на двух, с каждого конца по одной, бронзовых кольцевых застежках (расстояние между рогами-концами не более 10 см.). На левом плече обнаружена та же парчевая масса, при чем по нижнему краю этот предмет обшит тонкими трапециевидными бронзовыми подвесками без орнамента. Такая же масса разложившейся парчевой ткани видна на правом плече покойницы. Под гривнами обнаружена простая шерстяная ткань, сохранившаяся довольно плохо. Кроме того, около височных привесок найдены остатки темнорусых волос покойницы. Обращаясь к бусам бисерного типа, следует отметить, что на груди у покойницы, очевидно, была вышивка. Ниже бутыльчатых подвесок на груди, близко к тазу, лежала кольцевая бронзовая пряжка. У ног покойницы лежали две круглые проволочные массивные (диам. в 2 см.) бронзовые пряжки с обоймами (рис. 150).

М о г и л а 75.

Длина ямы 0,80 м., глубина—0,10 м. Могила, очевидно, принадлежала ребенку, от которого не сохранилось ни костей, ни вещей.

М о г и л а 76.

Длина ямы 2,25., ширина—0,80 м. и глубина—0,80 м. Костяк не сохранился. В южной стороне ямы найден обломок железного предмета, а в засыпке могилы встречены черепки глиняного горшка.

М о г и л а 77.

Длина ямы 2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,10 м. В засыпке могилы найдены черепки от глиняного горшка, уголь и зола. Костяк истлел. В южной стороне могилы обнаружены небольшие остатки луба. В 0,50 м. от южной стенки найдена железная круглая пряжка, а против нее у западной стенки железный совершенно разложившийся предмет. Близ железной пряжки лежали остатки бронзовой кольцевой застежки. В 0,30 м. от нее по направлению к северной стенке найдена часть бронзового расплющенного прута, вероятно, от браслета. Далее к С, в 0,70 м. от этого прута, лежал раздавленный глиняный горшок. Очевидно, костяк был ориентирован головой к Ю.

М о г и л а 78.

Длина ямы 2,25 м., ширина—0,55 и глубина—1 м. В засыпке могилы встречены угольки. Костяк истлел, но, по расположению и характеру вещей очевидно, что он принадлежал женщине, положенной на спине, вытянуто и ориентированной головой к Ю. По обе стороны от места, где лежала голова, найдены остатки височных привесок, а на месте головы две гривны, одна—проволочная (19 см. длиной), железная с остатками бронзовой обмотки, и другая—бронзовая, от которой сохранился только замок-коробочка (под железной гривной). У правого плеча помещались четыре бутыльчатых привески с высокими горлышками. На всем пространстве, занятом гривнами, и вне их лежали в значительном количестве красные глиняные и четыре темно-синие стеклянные граненые бусы от ожерелья. На левой части груди находилась бронзовая кольцевая застежка, в области груди и живота,—остатки ткани, шитой чем то вроде позумента.

В северном конце могилы найден раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 79.

Длина ямы 2,15 м., ширина—0,65 м. и глубина—1,35 м.

Костяк истлел, но, по расположению и характеру вещей очевидно, что он принадлежал мужчине, положенному на спине вытянуто и ориентированному головой к Ю. В 0,70 м. от южной стенки ямы лежало пять железных трехгранных наконечников стрел, длиной до 5 см. и рядом с ними бронзовая кольцевая застежка, вероятно, от ремня колчана, и влево такая же застежка. Здесь же, около этих предметов, несколько к северу, найден раздавленный глиняный горшок и левее его железная овально-вогнутая пряжка с большой обоймой (до 4 см.) и хоботовидным язычком. На месте ступней покойника помещались железные удила (каждая половинка длиной до 5 см.) железный нож и железная пряжка с хоботовидным язычком. В засыпке могилы встречен уголь.

М о г и л а 80.

Длина ямы 2,50 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,85 м.

Костяк, очевидно мужской, истлел. Покойник был ориентирован головой к Ю. В головах лежал на боку крупный глиняный горшок, на линии тазовых костей—железная пряжка овально-вогнутой формы, с хоботовидным язычком; далее к северу—обломок однолезвийного ножа, обращенного острием к ногам покойника. Около острия ножа лежала маленькая железная пряжечка с остатками железной обоймы. В северной части могилы, на линии берцовых костей, найден втульчатый железный наконечник копья, обращенный острием к ногам и имеющий в длину до 25 см., при чем длина втулки равна 8 см., а ширина плоского пера 3,5 см.

М о г и л а 81.

Длина ямы 1,45 м., ширина—0,50 м. и глубина—0,95 м.

Почти несохранившийся костяк, очевидно, женщины, лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован к Ю. Судя по положению браслетов, руки покойницы были сложены на груди. На месте шеи и груди лежали мелкие красные глиняные бусы в большом количестве. На груди же, где приходились кисти рук, на каждой из них надето по три массивных бронзовых проволочных браслета с расплюснутыми концами, вертикально срезанными. На расплюснутой лицевой стороне браслета—орнамент в виде рядов из точек, помещенных наискось. Концы браслетов значительно заходят друг за друга. На браслетах, надетых на правую руку, сохранились остатки шерстяной ткани. На месте тазовых костей лежала железная прямоугольная пряжка с бронзовой обоймой (не сохр.). В ногах покойницы находился раздавленный глиняный горшок. Покойница была прикрыта лубом. В могильной засыпке встречен уголь.

М о г и л а 82.

Длина ямы 2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,20 м.

В Ю-В углу могилы, в засыпке, обнаружены на глубине 0,20 м. черепки от глиняного горшка. На дне ямы лежал костяк женщины на спине, вытянуто, ориентированный головой к Ю. Кости очень плохо сохранились. У головы покойницы найдены две височные бронзовые привески, обычного для могильника типа; на месте шеи боль-

шое количество бус: красных глиняных, до 75 зеленых стеклянных, среди которых одна очень крупная, 4 крупных и несколько плоских стеклянных, золоченых (вернее, с прокладкой золотого листочка под стеклом) и, кроме того, несколько стеклянных золоченых трубочек в виде соединенных по 4 бусинок (четковидные палочки). У пояса лежали две бронзовые пластинчатые кольцевые застежки с нарезкой по обоим краям. У кисти левой руки обнаружено цилиндрическое пряслице диаметром в 2,5 см. и на левом бедре—черепки от глиняного горшка (рис. 151).

М о г и л а 83.

Длина ямы 2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,10 м.

На дне ямы лежал костяк мужчины на спине, вытянуто, ориентированный головой к Ю. Руки вытянуты вдоль туловища. У левого плеча найден железный втульчатый, с листовидным пером (11 см.), наконечник копья, длиной в 19 см. Под челюстью, на груди, лежала железная овально-вогнутая (близкая по форме к букве В) пряжка в обломках, на тазовых костях—плохо сохранившаяся бронзовая пластинчатая кольцевая застежка без орнамента: у кисти правой руки—железный нож и круглая небольшая железная пряжка с хоботовидным язычком. Здесь же лежали железные удила (не сохр.). У кисти левой руки найдена бронзовая пластинка неопределенной формы. На левом бедре лежал раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 84.

Длина ямы 1,90 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,90 м.

В засыпке могилы на глубине 22 см. найдены зубы овцы и черепки от глиняного горшка. На дне ямы обнаружены следы от истлевшего костяка, который, судя по положению и характеру вещей, очевидно принадлежал мужчине, положенному на спине и ориентированному головой к Ю. На месте тазовых костей найдена бронзовая пластинчатая кольцевая застежка (не сохр.), железный нож, обращенный острием к ногам покойника (не сохр.) и в ногах раздавленный горшок. Над покойником оказались остатки костра, сброшенные в могильную яму еще горячими и состоявшими из большого количества угля, золы и костей овцы. Эти остатки покрывали костяк от локтей до голеней.

М о г и л а 85.

Длина ямы 2,20 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,30 м.

Костяк, повидимому, принадлежавший мужчине, ориентированный головой к Ю, почти весь истлел. Вдоль левого плеча лежало пять железных трехгранных наконечников стрел, имеющих в длину до 5 см. Около южной стенки ямы обнаружены черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 86.

Длина ямы 1,50 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,40 м.

В засыпке могилы встречен в большом количестве уголь. На дне могилы лежал почти истлевший костяк ребенка на спине, ориентированный к Ю. На правом плече обнаружены железная овально-вогнутая пряжка и бронзовая обоймочка. На левой стороне груди покойника найдены кремешок и остатки железного предмета (креса-

ло). Здесь же, на груди, лежали остатки маленькой бронзовой кольцевой застежки. На месте тазовых костей находились черепки от глиняного горшка, а над ним железный нож, длиной до 12 см. концом обращенный к ногам покойника. Посреди дна могилы найдено много обожженных костей овцы.

М о г и л а 87.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

В засыпке могилы встречен уголь и обломки кости коровы. На дне ямы лежал костяк женщины вытянуто, на спине, ориентированный головой к Ю, со сложенными руками на тазовых костях. На шее покойницы находились две бронзовые гривны диам. до 18 см., с петлевидными концами и по обе стороны от головы по одной бронзовой, длиной до 3,5 см., височной привеске, обычного для могильника типа. На груди лежали в большом количестве красные глиняные бусы, как мелко рубленные, цилиндрические, так и шаровидные, величиной с горошину. На правой руке, близ локтя, надето два гладких, орнаментированных насечкой в „елочку“ бронзовых браслета, с сомкнутыми концами. Диаметр браслетов—до 7 см. На левой руке—такой же браслет, имеющий плоские концы, орнаментированные тремя рядами точек. У локтя левой руки найден небольшой окислившийся железный предмет. На тазовых костях лежала крупная бронзовая бляха с орнаментом из накладного креста и выпуклин как по кресту, так и по краю пластины (см. описание 189 могилы). Эта бляха имеет на обратной стороне маленькую дужку, которая соединена с бронзовой кольцевой застежкой, соприкасавшейся еще с тремя такими же застежками, орнаментированными по внешнему краю насечкой, при чем на одной застежке насечка очень грубая. Повидимому, бляха привешивалась к одежде при помощи таких застежек.

На правой стороне таза покойницы, у бедра, лежит на боку раздавленный глиняный горшок, а у колена левой ноги—глиняное пряслице в форме двух уплощенно-усеченных конусов, сложенных основаниями вместе. Диаметр пряслица—до 2,5 см. (рис. 152).

М о г и л а 88.

Длина ямы—2 м., ширина—0,61 м. и глубина—0,70 м.

На дне могилы оказался костяк мужчины, лежавший на спине, вытянуто и ориентированный головой к Ю. Руки покойника согнуты в локтях под прямым углом. Правая нога несколько согнута в колене, а весь костяк наклонен на правый бок. Справа у головы лежал железный втульчатый наконечник копья, острием обращенный к Ю. Длина копья—25 см., из которых 9 см. приходится на втулку: ширина пера 4 см. Слева, вдоль плечевой кости, находился железный нож, длиной до 12 см., острием лежавший к С. На тазовых костях покойника лежала железная крупная пряжка с хоботовидным язычком, и здесь же, справа, оказался раздавленный глиняный горшок. Вне ямы, у южного края ямы, на глубине 0,25, найдена челюсть коровы, а в засыпке могилы—угольки.

М о г и л а 89.

Длина ямы—2,20 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,45.

В засыпке могилы встречены угольки и глиняное пряслице в форме двух сложенных основаниями усеченных конусов, имеющих в

диаметре до 2,5 см. На дне могилы оказался костяк старой женщины, ростом до 1,40 м., лежавшей на спине, вытянуто, и ориентированной к Ю. Правая рука покойницы помещалась на животе, а левая на груди. Костяк, будучи прикрыт лубом и тканью, лежал на подстилке из луба. На шее покойницы найдено пять гривен. Из них оказались две бронзовые с замком-коробочкой, две бронзовые же с петлевидными концами и одна железная, обвитая бронзовой спиралью с напущенными бронзовыми бусами. Замки-коробочки имеют в диаметре 4 см. и ориентированы пятью выпуклинами и насечкой по краю. Окола гривен по обе стороны от головы найдены височные привески обычного типа. В круге, образованном гривнами, лежало большое количество мелких и средней величины глиняных красных бус и конусовидные, орнаментированные параллельными кругами, подвески, длиной до 3 см. Среди массы мелких бус обнаружено несколько очень крупных, красных же, глиняных бус. Справа, под костями правой руки и ребрами, лежал наконечник, состоящий из длинных бронзовых спиралек, нанизанных на ремешки, заканчивающиеся бутылчатými подвесками разных форм, т.-е. с более или менее длинными горлышками. На правой стороне груди, под плечевой костью, лежала маленькая бронзовая пряжка с обоймой, на которой укреплено гнездо в виде золотого ободка, заключающее в себе альмандин или гранат. Ширина пряжки 2 см. Эта пряжка принадлежала ремню, имевшему вдвое большую ширину. На правой руке покойницы лежал железный нож, острием направленный к тазу, а немного далее (севернее)—железная овально-вогнутая пряжка. На кисти правой руки находились три бронзовых браслета, из которых два сделаны из толстого прута с расширенными концами, орнаментированными насечкой (в „елочку“). Третий браслет сделан из более тонкой проволоки, но с такой же насечкой. Браслеты имеют в диаметре до 6 см. На кисти левой руки лежали два проволочных таких же браслета. Вдоль рук обнаружены остатки шитья из металлических нитей или блесток. Под пальцами правой руки, на тазу, находилась круглая большая (диам. 17,5 см.) бронзовая бляха с накладным орнаментом—крестом. Орнамент в виде выпуклин в 2 ряда покрывает бляху по краю. Под ней оказалась прямоугольная железная пряжка и немного дальше (южнее) проволочная бронзовая кольцевая застежка, рядом с которой (еще южнее) находилась еще одна такая же застежка. У локтя правой руки найдена небольшая железная пластинка в виде крестика с полукруглыми верхним и нижним концами. Здесь же стояла маленькая глиняная плошка, грубо изготовленная от руки, имеющая в диаметре до 7 см. и в высоту до 3 см. На коленных сочленениях покойницы помещался раздавленный горшок. Рядом с ним, справа, у берцовой кости правой ноги лежала бронзовая массивная пряжка с хоботовидным язычком, слева такая же железная. На верхней части ступней обеих ног найдены остатки бронзовых украшений от обуви в виде маленьких бронзовых круглых обоймиц с колечками в количестве 14 штук и бронзовых наконечников от ремней прямоугольной формы, украшенных каждый тремя выпуклинами и соединенных с пряжками, обладающими хоботовидными язычками. Справа от ступней ног лежали железные тонкие удила.

М о г и л а 90.

Длина ямы—2,10 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,05 м.

На дне ямы оказался костяк мужчины, лежащий вытянуто, на спине, слегка отклоненный на правой бок и ориентированный головой к Ю. Руки покойника сложены кистями у подбородка. Слева, у шеи, найдена бронзовая пластинчатая кольцевая застежка без орнамента, а в полости таза, справа, круглая железная пряжка с хоботовидным язычком и железный нож, обращенный острием к В. На коленных сочленениях костяка лежал раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 91.

Длина ямы—1,40 м., ширина—0,50 м. и глубина—0,90 м.

На дне могилы обнаружены остатки детского костяка (девочки), лежащего на спине и ориентированного к Югу. На шее, под челюстью, находилось ожерелье из красных глиняных и синих стеклянных бус, и, кроме того, там же лежали тех же цветов мелкие бусинки, вроде бисера. На нижней части груди найдена бронзовая кольцевая застежка без орнамента. На плечах заметны остатки шитой позументом и блестками ткани. Покойница была прикрыта лубом. В засыпке могилы встречены черепки от глиняного горшка и масса угля.

М о г и л а 92.

Длина ямы—1,80 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

Ориентирована могила по линии С-Ю. Костяк истлел, за исключением нескольких молочных зубов и остатков черепа ребенка (девочки). Покойница была ориентирована головой к Ю-З. В головах у нее лежали раздавленный глиняный горшок с ногтевым орнаментом по венчику, обломки височной привески обычного для могильника типа и небольшое количество красных глиняных бус средней и малой величины, среди которых находилась одна стеклянная синяя маленькая бусинка. На месте груди найдена бронзовая кольцевая крупная застежка с завитыми в трубочку концами, а в ногах бронзовая пряжка с продолговато-округленной обоймицей (от обуви) и хоботовидным язычком.

М о г и л а 93.

Длина ямы 2 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,40 м.

Костяк истлел, а вещей не оказалось.

М о г и л а 94.

Длина ямы 1,45 м., ширина—0,80 м. и глубина—0,90 м.

Костяк истлел почти совершенно, но возможно определить, что он был головой ориентирован к Ю и принадлежал девочке. На месте шеи и груди обнаружено четыре синие стеклянные бусы и скопление мелких красных глиняных и черных гешировых бус от ожерелья. На уровне груди, ниже ожерелья, лежали справа и слева по одному бронзовые проволочные браслеты с расплюснутыми треугольными концами, орнаментированными точками по три в ряд вертикально. По месту их положения видно, что покойница лежала на спине с руками, сложенными на груди. В ногах стоял маленький глиняный горшок.

В засыпке могилы встречены угольки.

М о г и л а 95.

Длина ямы 2,10 м., ширина—0,75 м. и глубина—1,30 м.

Костяк истлел, но можно вполне установить, судя по характеру и расположению вещей, что он принадлежал женщине и был положен на спину, будучи ориентирован головой к Ю. На месте шеи найдены обломки бронзовой гривны с петлевидными концами, бусы красные, глиняные, синие стеклянные и из композиции. На месте груди лежала железная поделка с двумя бусинами по концам. В ногах стоял глиняный горшок.

М о г и л а 96.

Длина ямы 2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,80 м.

На дне ямы лежал костяк мужчины ростом в 1,65 м., вытянуто, на спине, ориентированный головой к Ю. Руки вытянуты вдоль туловища, кистями на тазовых костях. У левого бедра обнаружена круглая железная пряжка с хоботовидным язычком и здесь же, на тазу, лежал глиняный раздавленный горшок. В засыпке могилы встречен уголь.

М о г и л а 97.

Длина ямы 2,40 м., ширина—0,85 м. и глубина—1,60.

В засыпке могилы повсюду обнаружена сильно углистая зола, а на дне могилы лежал костяк, значительно истлевший. Сохранились хорошо части черепных и ручных костей. Покойник-мужчина лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован к Ю. Правая рука согнута в локте, помещалась на груди, а левая—на тазовых костях. Около головы слева найден втульчатый железный наконечник копья, длиной до 20 см., острием обращенный к Ю; длина пера равна 12 см., а ширина 3 см. Втулка имеет в диаметре до 2 см. Вдоль левой руки заметны следы истлевшего древка от копья. На месте подбородка лежал железный трехгранный наконечник стрелы. На груди помещался у левого плеча железный нож, у локтевого сочленения левой руки—остатки железной пряжки с прикипевшей грубой тканью. У локтя правой руки находился бронзовый браслет из круглого массивного прута с несомкнутыми концами, украшенный нарезным в „елочку“ орнаментом. На месте таза обнаружены черепки от глиняного горшка. На месте ступней ног найдены остатки железного предмета в виде обоймы, заключающей обломок деревянной части. Костяк потревожен грызунами, в норах которых попадались кусочки железных предметов.

М о г и л а 98.

Длина ямы 1,70 м, ширина—0,70 м. и глубина—1,60 м.

Костяк истлел совершенно, а вещей не оказалось.

М о г и л а 99.

Длина ямы 2,15 м, ширина - 0,70 м. и глубина—1,35 м.

В засыпке могилы, на глубине 20 см., найдено два черепка от глиняного горшка и на глубине 35 см.—три коровьих зуба. На дне могилы лежали остатки истлевшего костяка, а именно, кости ног. Покойница (судя по вещам) лежала на спине вытянуто, будучи ориентированной головой к Ю. В головах найдено 2—3 красные глиняные бусы, две бронзовые спиральки, в ногах черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 100.

Длина ямы 1,90 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,50 м.

Над могильной ямой, на глубине 40 см., найдены зубы коровы. На дне могилы обнаружены остатки истлевшего женского костяка, лежавшего на спине вытянуто и ориентированного головой к Ю. На месте черепа найдены красные глиняные бусы разной величины и одна синяя стеклянная. Здесь же находились обломки железной гривны, имевшей в диаметре до 18 см. На правой стороне груди лежала бронзовая овално-вогнутая пряжка с изогнутой иглой. Здесь же встречено несколько черепков от глиняного горшка.

М о г и л а 101.

Длина ямы 1,10 м., ширина—0,35 м. и глубина—1,10 м.

Костяк ребенка (девочки), от которого сохранилось несколько зубов, лежал, очевидно, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. На месте шеи найдены красные глиняные бусы, на месте груди слева—кисть из бутыльчатых бронзовых (белого сплава) подвесок, имевших в длину до 2,5 см. и диаметр до 1,5 см., и там же справа кольцевая бронзовая застежка, орнаментированная по внешнему и внутреннему краю насечкой. В ногах помещался глиняный горшок.

Покойница была покрыта лубом.

М о г и л а 102.

Детское погребение в почвенном слое. Длина ямы 1,20 м., ширина—0,40 м. и глубина—0,60 м.

Костяк не сохранился, но, судя по расположению и характеру вещей, лежал ориентированным головой к Ю и принадлежал девочке. На месте черепа найдены средней и малой величины красные глиняные бусы и остатки бронзовой кольцевой застежки (не сохр.). Ниже описанного погребения лежит могила 126.

М о г и л а 103.

Длина ямы 2,35 м., ширина—0,85 м. и глубина—1,15 м.

Костяк истлел, но, судя по местоположению и характеру вещей, очевидно, был мужской, лежал на спине вытянуто, ориентированный головой к Ю. Приблизительно на месте груди (в 60 см. от южной стенки) найдена большая массивная бронзовая овално-вогнутая пряжка с хоботовидным язычком, орнаментированным двойной насечкой. Пряжка имела остатки плоской обоймы. Около левой руки, близ бедра, лежали кучкой железные плоские длинные наконечники стрел и далее, ближе к бедру, железный нож, длиной до 17 см.

Левее ножа найдены железная круглая пряжка с хоботовидным язычком и щипчики-пинцет. В ногах покойника стоял глиняный горшок, слева от которого лежали железные удила с кольцами и четыре железных круглых пряжки от сбруи.

М о г и л а 104.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,10 м.

В засыпке могилы встречена в значительном количестве зола.

Костяк совершенно истлел. Можно предполагать, что был погребен мужчина, ориентированный головой к Ю, судя по положению

вещей и их характеру. В 60 см. от южной стенки ямы лежали остатки железного предмета в виде длинной обоймы с квадратным щитком (вероятно, пряжка). В 90 см. от той же стенки найдена круглая бронзовая пряжка с остатками ремня. Рядом с ней находилась массивная небольшая круглая железная пряжка с хоботовидной иглой и продолговатой четырехугольной обоймой. Немного далее—железный ножик, острием к западной стене. На расстоянии 1,30 м. от южной стенки лежал у западной стенки железный кельтовидный топор, длиной до 15 см., упирающийся в стенку лезвием и имевший в ширину до 5,50 см. Около восточной стенки, ниже линии топора, обнаружена железная пряжка с железной же обоймой, укрепленной двумя бронзовыми шпеньками и с бронзовой иглой. У северного конца ямы найден глиняный горшок. Остатки покрытия из луба встречены в южной половине могилы.

М о г и л а 105.

Длина ямы—2,10 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,20 м.

В засыпке могилы встречена зола. От костяка сохранилась нижняя челюсть. Покойница, судя по вещам, была положена вытянуто, на спине, и ориентирована головой к Ю. На месте шеи найдены три гривны: одна железная, обвитая бронзовой спиралью, с напущенными 10—12 бронзовыми бусами; и две бронзовые, из которых одна имеет петлевидную застежку, а другая замок-коробочку. Все гривны имеют диаметр до 18 см. Здесь же размещались правильными рядами красные глиняные бусы разной величины, а также и синие стеклянные граненые бусы. По обе стороны от места, где был прежде череп, лежали разложившиеся две височные привески обычного для могильника типа. В 10 см. далее к северу видны следы истлевшего предмета украшения, шитого, повидимому, металлическими нитями. На расстоянии 1,40 м. от южной стенки лежал раздавленный горшок, помещавшийся около западной стенки ямы, а около восточной стенки небольшое глиняное пряслице, сплюсненно-сферической формы. В 30 см. от северной стенки ямы лежали три бронзовые пряжки с продолговатыми треугольными обоймами с хоботовидными язычками и остатками ремня, а под ними наконечники от ремней, состоящие из двух бронзовых тонких пластинок с суживающимися концами, орнаментированными насечкой в клетку.

М о г и л а 106.

Длина ямы—2,15 м., ширина—0,65 м. и глубина—1 м.

Костяк истлел, но, судя по вещам и их расположению, принадлежал женщине, положенной на спине, вытянуто, ориентированной головой к Ю. Около головы лежали два черепка от глиняного горшка, здесь же и далее до половины ямы рассыпаны красные глиняные бусы среднего размера (с горошину). В ногах стоял глиняный небольшой горшок (не тот, от которого найдены около головы черепки). В засыпке могилы встречены угольки.

М о г и л а 107.

Длина ямы—2 м., ширина—0,50 м. и глубина—1 м.

Костяк не сохранился, но, судя по вещам и их расположению принадлежал мужчине, похороненному вытянуто, на спине и ориентированному головой к Ю. На месте шеи покойника найдены две железные небольшие пряжки с хоботовидными язычками, из кото-

рых у одной сохранилась железная обойма. Значительно далее, вероятно, у бедра (на тазовых костях), лежал обломок железного ножа. У кисти правой руки найдено небольшое железное шило, а на ногах стоял раздавленный глиняный горшок.

М о г и л а 108.

Длина ямы—1,10 м., ширина—0,40 м. и глубина—0,85 м.

Костяк не сохранился, но, судя по размерам могилы, характеру вещей и их местоположению, очевидно, следует допустить, что была погребена девочка, лежавшая на спине, вытянуто, и ориентированная головой к Ю. На месте головы и шеи найдены красные глиняные бусы, а на ногах покойницы стоял маленький глиняный горшок.

М о г и л а 109.

Длина ямы—2,05 м., ширина—0,75 м. и глубина—1,60 м.

Погребение разрушено, кости в полном беспорядке сгружены в одну сторону (был погребен мужчина). Найдены черепки от глиняного горшка, разбросанные по всему дну могилы. Среди костей найдена маленькая железная пряжка с длинным загнутым язычком и железное шильце. В засыпке могилы обнаружены козский зуб и кусочки обугленного дерева.

М о г и л а 110.

Длина ямы—2,20 м., ширина 0,60 м. и глубина—1 м.

Обнаружен костяк женщины среднего возраста, лежащий на спине, вытянуто и ориентированный к Ю. Кости сохранились плохо. На шее и верхней части груди оказалось скопление мелких красных бус и такого же цвета бусинок, по форме похожих на бисер, а также и бусинок стеклянных зеленого цвета, видимо, от особого нагрудного украшения. На тазу имелась бронзовая согнутая игла в виде гладкого простого стержня. В ногах находился раздавленный глиняный горшок. В засыпке могилы обнаружены зубы коровы и уголь в большом количестве. Вдоль левого края могильной ямы лежала обожженная плашка.

М о г и л а 111.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,10 м.

На дне могилы лежал костяк девочки, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головою к Ю. Справа от черепа найдена кольцевая бронзовая застежка, на шее обломки железной гривны, обвитой бронзовой спиралью. Слева у челюсти лежала бронзовая трапециевидная обойма. На шее и верхней части туловища находились крупные и мелкие красные глиняные и синие мелкие стеклянные бусы. Справа у пояса лежала железная овально-вогнутая пряжка, а у таза—литая бронзовая пряжка и железная трубочка с обоймой. Слева, между левым бедром и стеной ямы, обнаружен обломок очень маленького железного ножа. В ногах у правой ступни, справа от нее, был уложен грудкой кожаный пояс, состоявший из бронзовых бляшек с насечкой по окружности, соединенных в ряд железными кольцами. Немного далее, к северной стенке ямы, стояла покрытая крышечкой коробочка из луба (не сохр.), в которой лежали три бронзовых браслета с орнаментом в виде двух рядов насечек (по 15 на каждом конце). Один из браслетов оказался в виде двух половинок, со-

гнутых и соединенных друг с другом в форме звеньев. На ступнях обих ног лежали две маленькие литые круглые бронзовые пряжки с обоями, причем длинные загнутые язычки этих пряжек направлены остриями к стенкам ямы. Третья пряжка такой же формы, но вдвое большей величины, лежала здесь же.

В засыпке могилы найден обломок железного ножа, черепки от глиняного горшка, уголь и зубы коровы.

М о г и л а 112.

Длина ямы—2,10 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

Костяк не сохранился, но, судя по расположению и характеру вещей, он принадлежал женщине, которая была положена в могилу на спину, вытянута и ориентирована головой к Ю. В южном конце могилы найдено несколько штук мелких красных бисерного типа бус из глины, в середине ямы—глиняное пряслице в виде двух усеченно-удлиненных конусов, сложенных основаниями; на месте ступней левой ноги—бронзовая литая почти круглая пряжка, длинным загнутым язычком обращенная к западной стенке ямы. Пряжка имеет обойму овально-подтреугольной формы. В ногах найдены черепки от раздавленного глиняного горшка.

М о г и л а 113.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

На дне могилы лежал костяк женщины на спине, вытянута, ориентированной головой к Ю. Кости были потревожены грызунами и лежали в беспорядке, за исключением черепа и нижних костей. Вещи оказались растащенными по дну могилы. Повсюду разбросаны бусы: красные мелкие глиняные и стеклянные золоченые четковидные, бронзовые длинные спиральки, бронзовые звездчатые подвески и черепки от глиняного горшка.

М о г и л а 114.

Длина ямы—2,30 м., ширина 0,80 и глубина—1,40 м.

Костяк пожилого мужчины лежал на спине, будучи ориентирован головой к Ю. Правая рука его кистью лежала на тазовых костях, а левая вытянута вдоль туловища. Длина костяка—1,75 м. Кости, повидимому, были весьма массивные. На груди покойника лежала бронзовая кольцевая пластинчатая застежка; на левой руке ниже плеча находился железный кельтовидный (втульчатый) топор, лезвием обращенный к покойнику. У кисти левой руки лежал тонкий железный нож до 25 см. длиной, острием обращенный к бедру. Около колена правой ноги найдены черепки от глиняного горшка (рис. 153).

М о г и л а 115.

Длина—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

В засыпке могилы встречен уголь. Костяк истлел, но можно установить, что он принадлежал женщине, лежавшей на спине, вытянута и ориентированной головой к Ю. Повсюду были разбросаны черепки от глиняного горшка. В южной части ямы до половины всей ее длины лежали мелкие красные глиняные бусы. У задней стенки ямы, посередине, найдено маленькое круглое глиняное пряслице в виде двух усеченных конусов, соединенных основаниями.

М о г и л а 116.

Длина—1 м., ширина—0,40 м. и глубина—0,85 м.

Судя по найденным вещам и их расположению, можно определить, что истлевший костяк принадлежал ребенку и помещался в яме на спине, будучи ориентирован головой к Ю. Ближе к южной стороне найдена бронзовая пластинчатая кольцевая застежка с насечкой по внешнему краю, а несколько далее раздавленный глиняный горшок. В засыпке могилы встречены уголь и ножные кости коровы.

М о г и л а 117.

Длина ямы—2 м., ширина—0,60 м. и глубина—0,80 м.

На дне могилы лежал костяк женщины длиной до 1,55 м., вытянуто, на спине, ориентированный головой к Ю. Положение рук не выяснено, т. к. костяк плохой сохранности. При расчистке южной части ямы, у стенки, в норе грызуна обнаружена бронзовая фибула в виде полукруглой бляшки, соединенной дугой с овальной пластинкой, имеющей с оборотной стороны железную иглу. Дуга имеет полукольцо у основания. Сохранились следы пальчатости, вероятно, тройной, в виде двойных шариков. Фибула лежала где то близ головы, вероятно, на плече покойницы. От левого плеча к правому на груди лежали подряд три пластинчатых бронзовых кольцевых застежки с насечками по внешнему краю. Между первой и второй застежкой находилась железная кольцевидная пряжка. У левого бедра, среди тазовых костей, найдены две синие смальтовые бусы. В ногах покойницы помещался раздавленный глиняный горшок. В засыпке могилы встречены уголь и мелкие кости коровы.

М о г и л а 118.

Длина ямы—1,55 м., ширина—0,56 м. и глубина—1,22 м.

Костяк истлел, за исключением молочных зубов, лежащих в южной части ямы. Судя по местоположению вещей и зубов, а также и по характеру вещей следует полагать, что костяк, принадлежащий мальчику, лежал на спине, будучи ориентирован головой к Ю. На месте шеи найдена бронзовая проволочная кольцевая застежка, на левом плече небольшой обломок железа, а ниже его остатки трехгранного железного наконечника стрелы. На груди лежал железный полуцилиндрический предмет, пустой внутри; на месте таза находились железная пряжка и бронзовая пластинчатая кольцевая застежка с насечкой по внешнему и внутреннему краю. У правого колена найдены три обломка железных наконечников стрел и маленькая железная пряжка, а в ногах—обломки удил.

М о г и л а 119.

Длина ямы—1,55 м., ширина—0,75 м. и глубина—1,30 м.

Костяк не сохранился. Вещей не было обнаружено. В засыпке могилы найдены уголь и зуб коровы.

М о г и л а 120.

Длина ямы—1,80 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,50 м.

В засыпке могилы обнаружено большое количество золы. На дне ямы, в южной ее части, найдено несколько полуистлевших человеческих зубов. В северной половине могилы по дну и выше лежали

черепки от глиняного горшка, орнаментированного по горлышку. Очевидно, в могиле лежал покойник, ориентированный головой к Ю.

М о г и л а 121.

Длина ямы—2 м., ширина—0,70 м. и глубина—1,50 м.

В засыпке могилы встречался уголь. Костяк мужчины лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Правая рука, согнутая в локте, под прямым углом, помещается на животе и левая вытянута вдоль туловища. У левой ключицы лежит бронзовая пластинчатая кольцевая застежка без насечки, под кистью правой руки такая же застежка, но меньшей величины, с насечкой по внешнему краю. В ногах покойника—черепки от глиняного горшка (рис. 154).

М о г и л а 122.

Длина ямы—1,10 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,40 м.

Костяк истлел. На дне могилы найдены остатки разложившихся железных предметов неопределенной формы.

М о г и л а 123.

Длина ямы—2,10 м., ширина—0,60 м. и глубина—1 м.

Костяк мужчины, длиной 1,55 м., лежал на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Руки его вытянуты и кистями лежат на тазу. На последнем найдена небольшая бронзовая с загнутым язычком пряжка от пояса, а слева, между локтевой костью и бедром, оказался железный нож длиной в 16,5 см. Около вершины бедра стоял небольшой глиняный горшок, слегка орнаментированный нарезкой. В засыпке могилы встречен уголь.

М о г и л а 124.

Длина ямы—1,70 м., ширина—0,65 м. и глубина—1,50 м.

На дне могилы лежал костяк мужчины, на спине, ориентированный головой к Ю. Кости сильно потревожены грызунами. На груди покойника лежала крупная бронзовая округленно-прямоугольная пряжка. Около правого плеча—маленькое светло-бронзовое колечко с обоймицей, часть пластинчатой кольцевой бронзовой застежки и такая же застежка у левого плеча. Обе застежки имеют насечку по внешнему и внутреннему краю. В норе, слева от покойника, найдена еще часть кольцевой застежки. Около нижнего конца левого бедра лежали железный нож длиной в 17 см. и раздавленный глиняный горшок, отдельные черепки от которого попадались в разных местах могилы, а в засыпке ее—угольки.

М о г и л а 125.

Погребение устроено в почвенном слое (в насыпи 121-й могилы), вследствие чего размеры могильной ямы не установлены, за исключением глубины, равной 0,90 м. В могиле лежал костяк пожилой женщины, ростом до 1,60 м., на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Руки вытянуты вдоль туловища. За затылком покойницы лежало глиняное крупное пряслице в виде двух усеченных и вогнутых от вершины конусов, сложенных основаниями. На тазовых костях обнаружена бронзовая пластинчатая кольцевая застежка без орнамента. Над покойницей в засыпке могилы найдены ножная кость коровы и черепки от глиняного горшка. Ниже описанной могилы находится другая могила № 121, лежащая несколько в стороне.

М о г и л а 126.

Грунтовая могила, находившаяся частично под почвенной могилкой 102. Длина ямы—2,40 м., ширина—0,80 м. и глубина—1,10 м. Костяк истлел, но, судя по расположению и характеру вещей, видно, что он принадлежал мужчине и помещался в могиле на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Около головы слева лежали два железных втульчатых наконечника копий и параллельно им, ближе к голове, железный кельтовидный топор, лезвием обращенный к покойнику. На месте рук на локтевых костях находилось по одному бронзовому массивному браслету. Около левой бедряной кости, со стороны, обращенной к правой бедряной, лежали железная круглая пряжка с прямоугольной обоймой и железный нож, острием обращенный к зап. стенке. Ниже, около колена левой ноги, находились железные щипчики-пинцет. Около места, где была правая бедряная кость, близ колена, лежала железная круглая пряжка и в ногах покойника—раздавленный глиняный горшок (рис. 155).

М о г и л а 127.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,80 м.

На дне могилы лежал почти истлевший целиком костяк женщины, на спине, вытянуто, будучи ориентирован головой к Ю. Положение рук не определено, т. к. кости плохо сохранились. У черепа и шеи лежали бронзовые кольцевые застежки, массивная железная гривна, обвитая бронзовой проволокой с напущенными бронзовыми бусами, и обвитая спиралью гривна с замком-коробочкой и напущенными бусами. На месте затылочной кости лежала круглая бронзовая бляха, диам. до 12 см., от которой простирался накосник, находясь под плечем и ребрами. Длина его—до 33 см., причем он состоит из четырех рядов бронзовых спиралей, связанных по четыре в ряд вертикально и отделенных горизонтальными бронзовыми гладкими обоймами. Накосник на конце имеет свободно висящие бутыльчатые подвески, как бы выходящие из последнего ряда спиралей. Между третьей и четвертой обоймами найден ремешок с двумя выпуклыми бляшками, соединенными перемычкой-ушком на оборотной стороне и имеющими жугтовидный ободок. На груди и левом плече находилось большое количество бус бисерного типа, как золоченых стеклянных, четковидных, так и красных глиняных. Вероятно, они составляли шитье на одежде. Здесь же находились красные глиняные крупные и мелкие бусы цилиндрической формы и мелкие стеклянные желтые и зеленые от ожерелья, а среди них одна крупная синяя, рубчатая, стеклянная. На месте, где находилась последняя пара ребер и ниже, к тазовым костям, лежала бронзовая большая бляха с накладным орнаментным крестом, украшенным по крестовинам рядом выпуклин. В ногах покойницы, в С-З углу могилы, находился раздавленный глиняный горшок (рис. 156).

М о г и л а 128.

Длина ямы—2,30 м., ширина—0,60 м. и глубина—1,50 м.

Костяк не сохранился, но, судя по расположению и характеру вещей, принадлежал мужчине, положенному в могилу вытянуто, на спине, и ориентированному головой к Ю. В головах справа найден железный втульчатый наконечник копья, длиной до 28 см., обращен-

ный острием к Ю. Перо копья имеет до 13 см., при диаметре втулки до 2,5 см. Копье лежало на правой бедренной кости. Близ таза—кельтовидный железный топор, обращенный лезвием к восточной стенке, и рядом с ним железный нож. Длина топора—11 см. На нижней части берцовых костей лежал раздавленный глиняный горшок (рис. 157).

На расстоянии 1,5 км. к Ю-В от могильника обнаружены остатки селища, культурный слой которого очень беден и дает, помимо угля, костей и золы, черепки глиняной посуды ¹⁾.

Вещи, полученные из раскопок могильника, хранятся в Нижне-Волжском Краевом Музее.

~~ад 48635~~

¹⁾ Раскопки могильника производились мною при содействии научных сотрудников Н.-В. Краевого Музея (быв. Саратовского Областного) П. Д. Степанова, Н. К. Арзютова, В. И. Трофимова, Т. М. Минаевой, аспиранта Нижне-Волжского Краеведческого Института А. Н. Кушевой и студента И. В. Сеницына (в настоящее время—аспиранта Института). Все рисунки в настоящей работе исполнены И. В. Сеницыным, фотоснимки—П. Д. Степановым и рисунок ткани—А. П. Ручьевой, которым автор приносит благодарность.

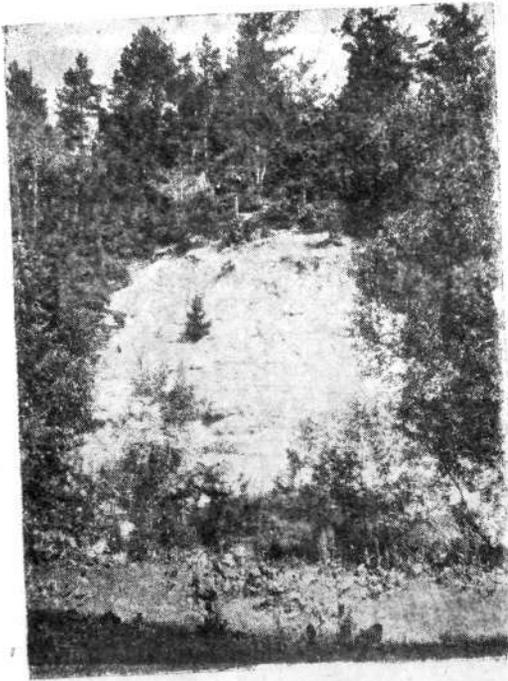

Рис. 130.

Общий вид раскопок
могильника.

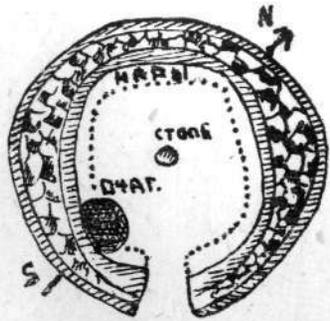

Рис. 131.

Рис. 2.

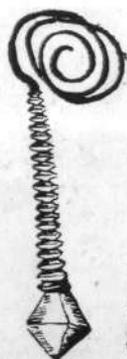

Рис. 6. мог. 2, 18, 89.

Рис. 7. мог. 42, 61.

Рис. 8. мог. 4, 31, 32, 36, 56.

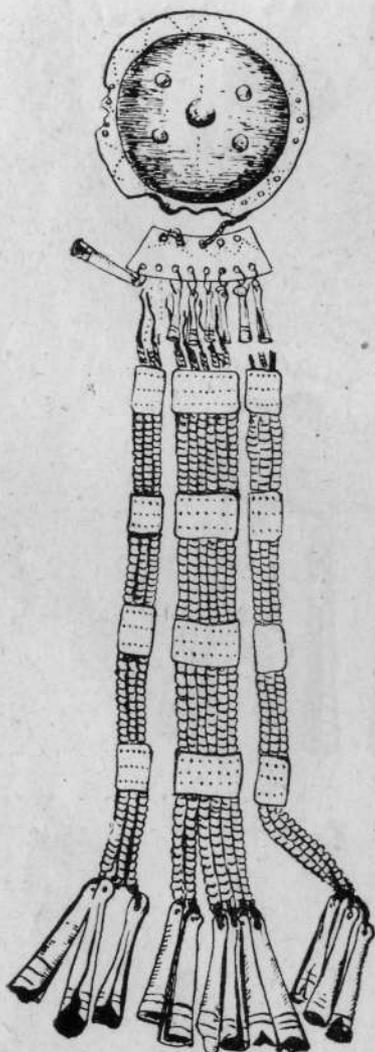

Рис. 3. мог. 70.

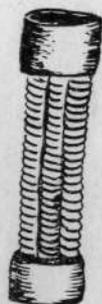

Рис. 9. мог. 42.

1/3 н.в.

Рис. 5. мог. 74, 56, 89.

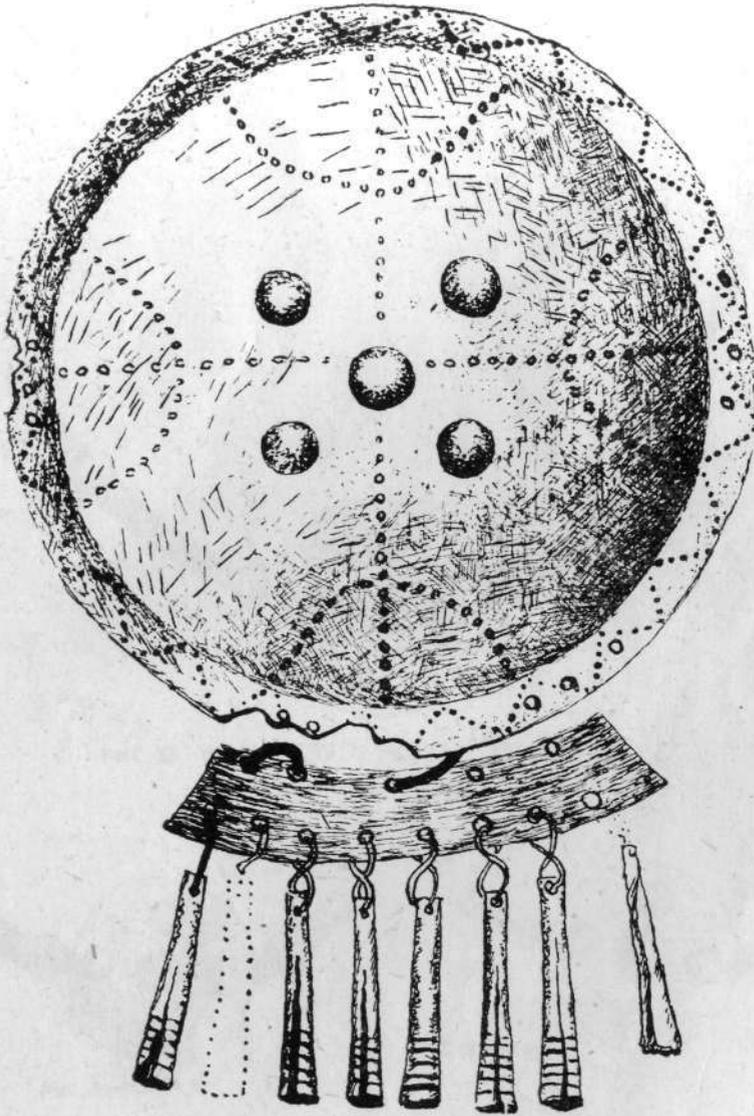

РИС. 4 МОГ. 70

Рис. 13 Мог. 2, 3, 56, 70, 74, 89 / $\frac{1}{2}$ н. в. /

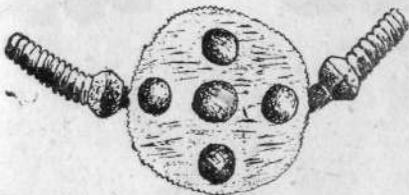

Рис. 14 Мог. 74, 89

Рис. 15 Мог. 70

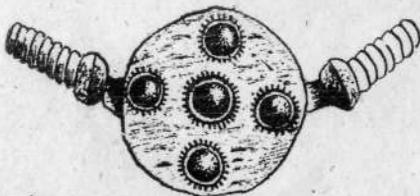

Рис. 16 Мог. 13

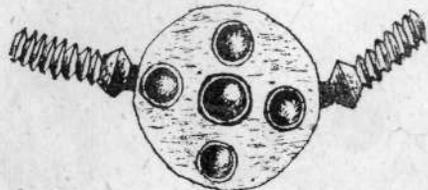

Рис. 17 Мог. 3

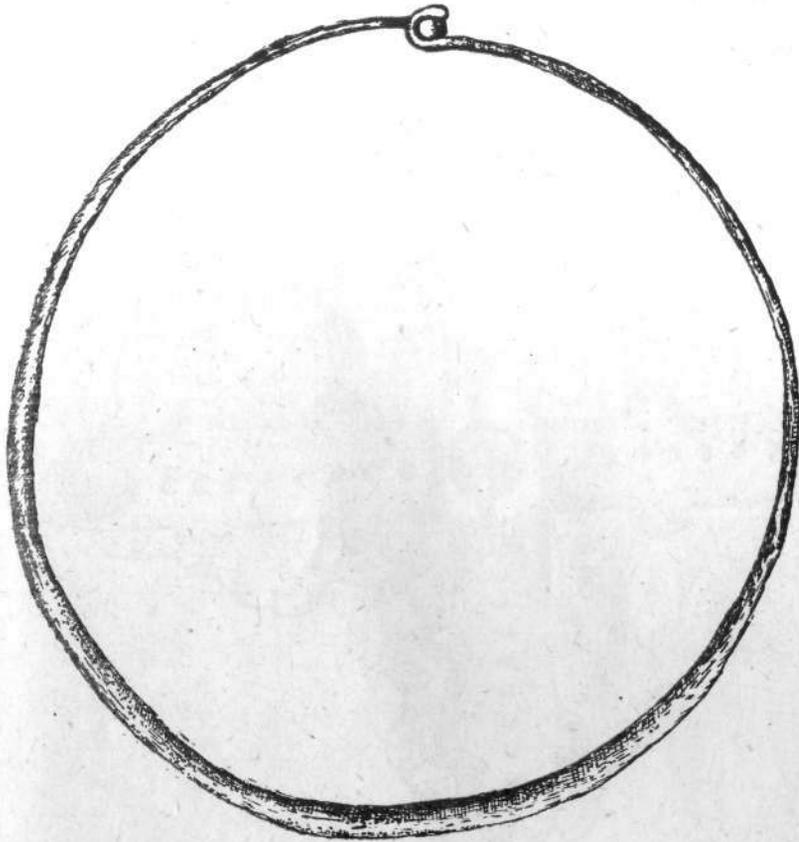

Рис. 10 МДГ 45

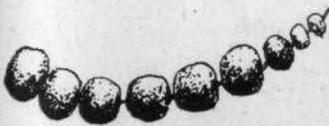

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 24

Рис. 21

Рис. 23 МДГ 95-57

Рис. 25

Рис. 26 МДГ 32

Рис. 22

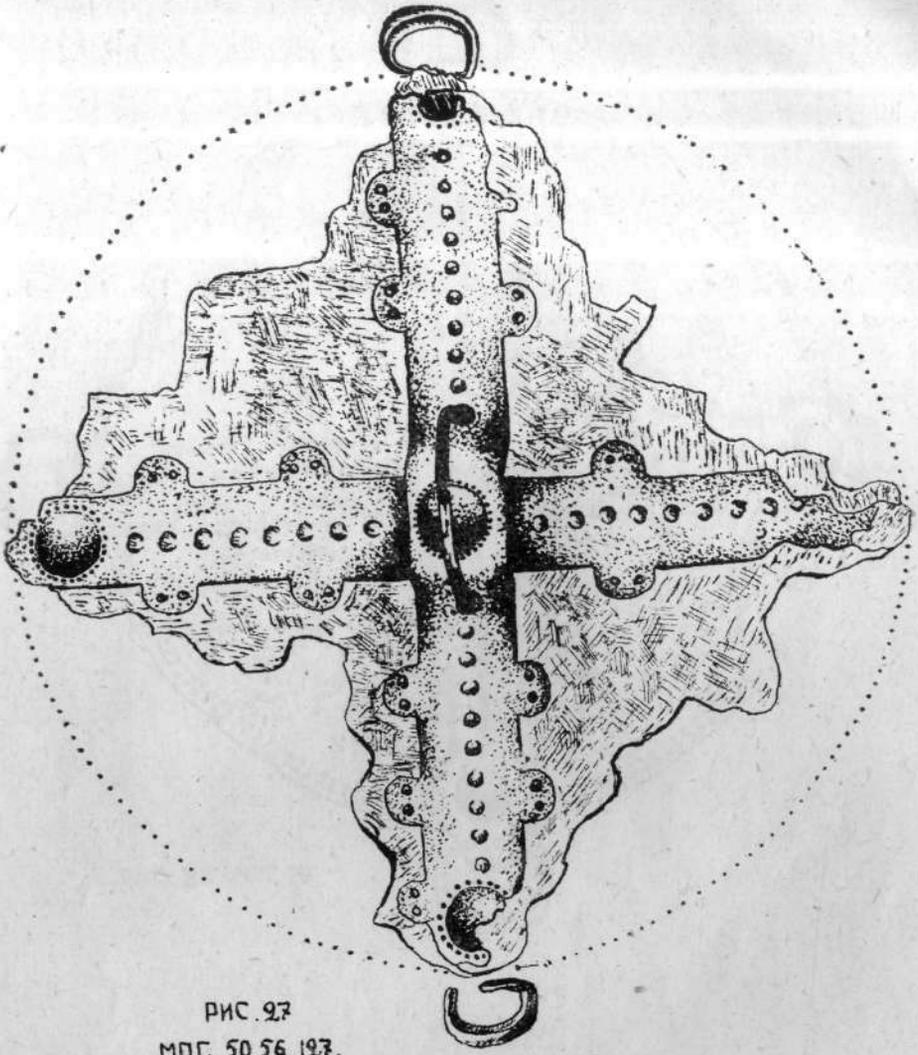

Рис. 27
МДГ. 50, 56, 197.

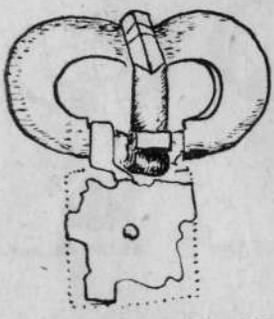

Рис. 58 МДГ. 35, 103

Рис. 59 МДГ. 1, 2, 5, 7, 25, 29, 39
72, 59, 61, 80, 86, 89, 100, 118.

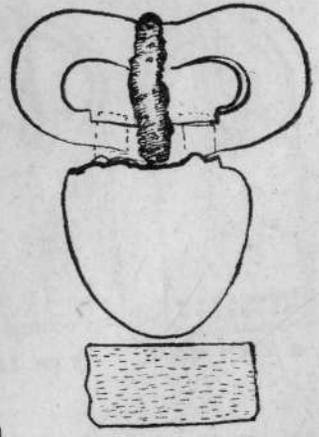

Рис. 57 МДГ. 25, 27 (желез.)

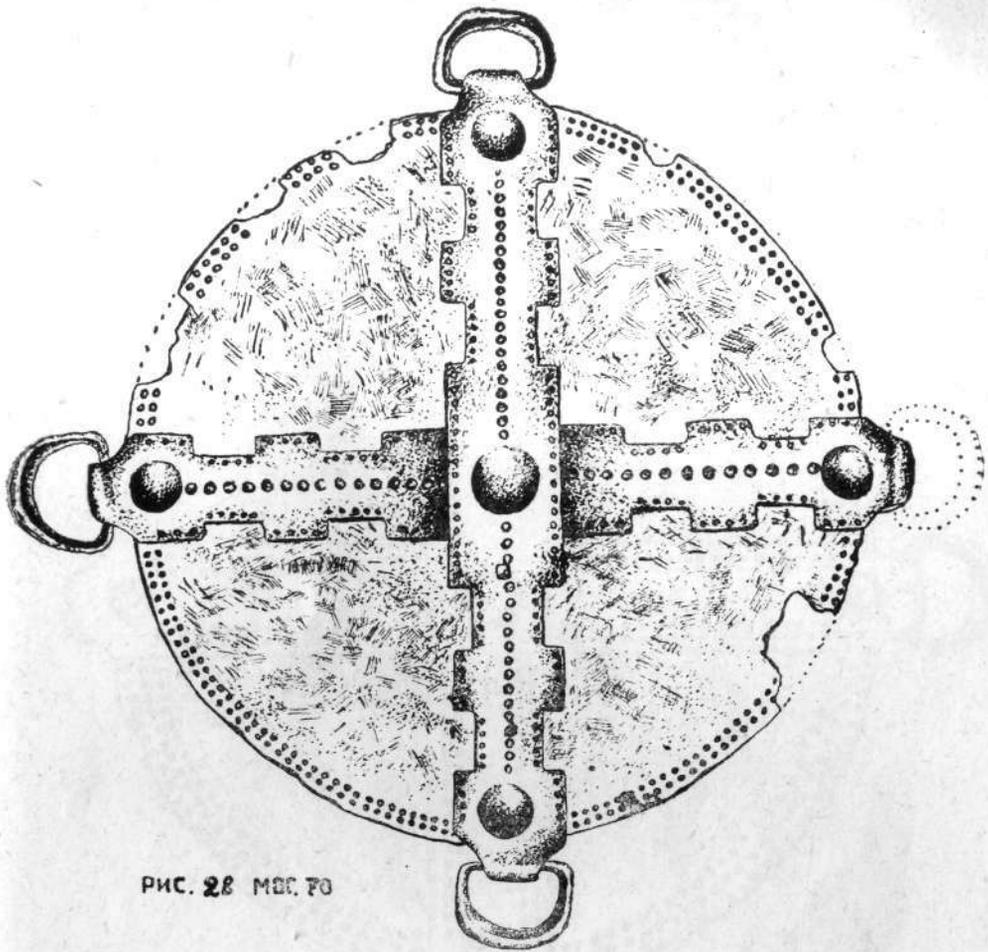

Рис. 28 Мог. 70

Рис. 60 Мог. 27.

Рис. 61 Мог. 56

Рис. 62 Мог. 89

Рис. 63 Мог. 2

Рис. 64 Мог. 3

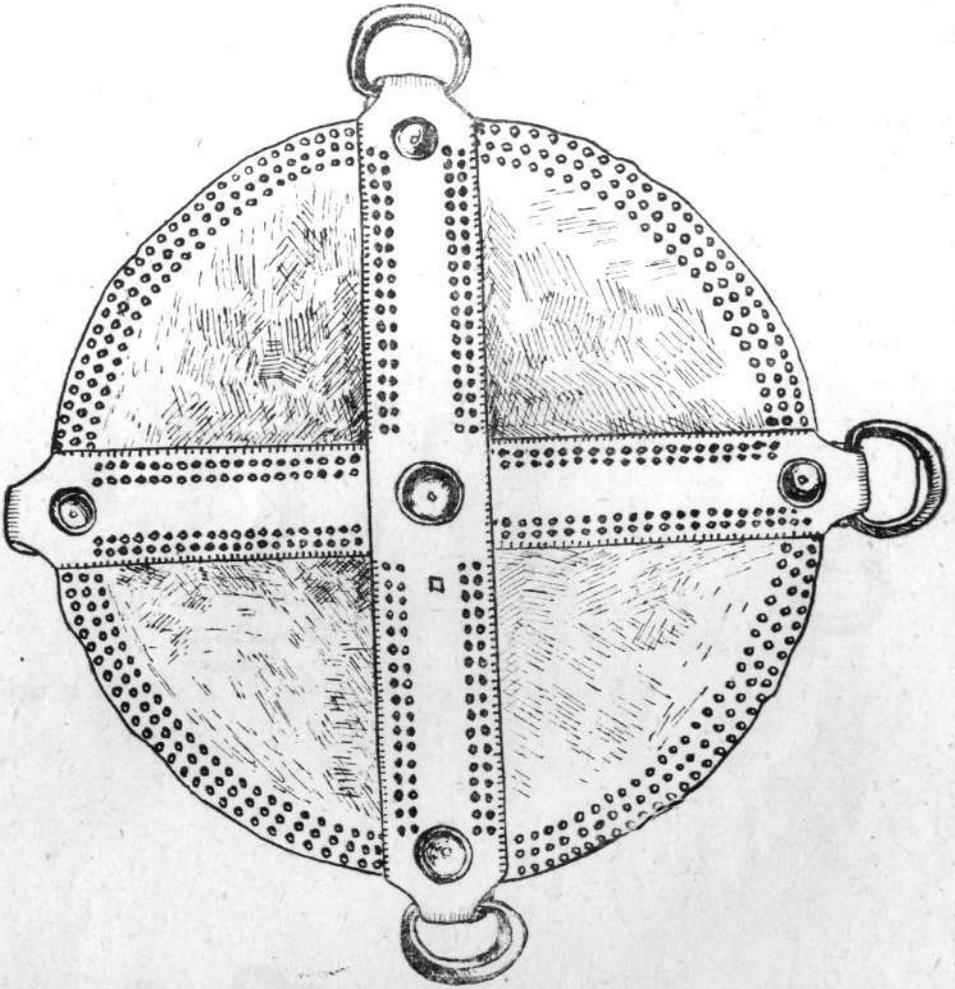
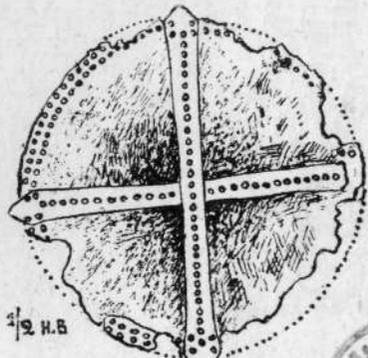

рис. 30 мѡг. 3

рис. 56

$\frac{1}{2}$ н.в.

рис. 29 мѡг. 8739.

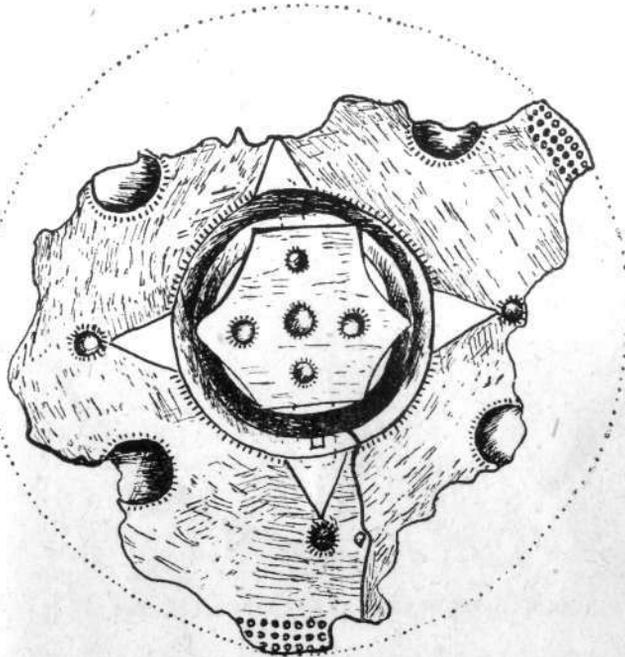

Рис. 31 мог. 61

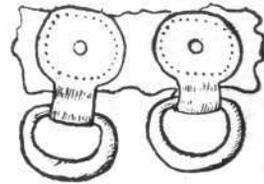

Рис. 68 мог. 89

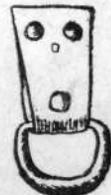

Рис. 69 мог. 12

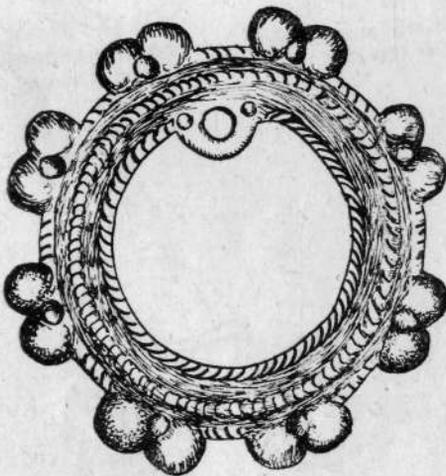

Рис. 65 мог. 12

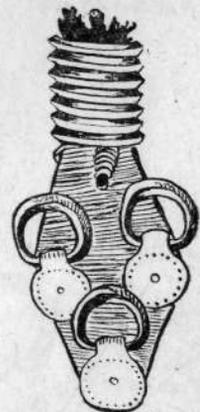

Рис. 67 мог. 3

Рис. 11 Мог. 2, 3, 48, 50, 56, 89, 105, 127. // 1/2 нв. //

Рис. 32 Мог. 43

Рис. 34
Мог. 1, 3, 8, 12, 18, 28, 31, 43, 44, 46
52, 61, 70, 72, 91, 121, 125

Рис. 36
Мог. 2, 12, 31, 32, 42, 46, 51, 57
61, 63, 69, 72, 89...

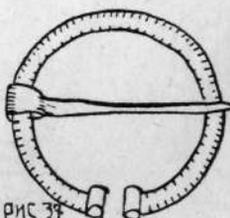

Рис. 37

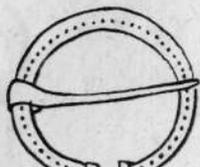

Рис. 39 Мог. 52, 61

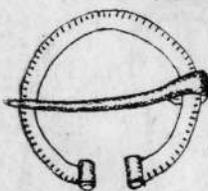

Рис. 35
Мог. 4, 12, 31, 46, 52, 87, 116, 121

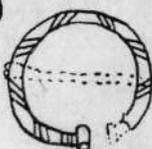

Рис. 38 Мог. 31, 42

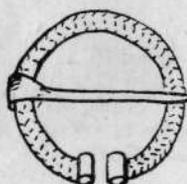

Рис. 41 Мог. 31, 62

Мог. 63, 22

Рис. 42

Мог. 28, 31

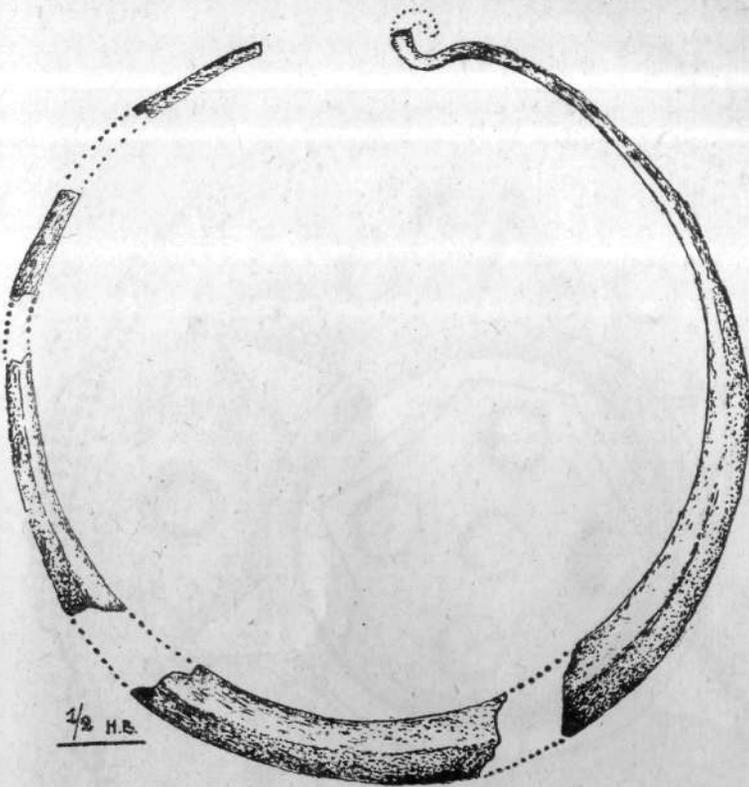

Рис. 18, мог. 12, 32 (жел.).

МОГ. 8

МОГ. 7.

Рис. 51.

МОГ. 22.

Рис 51^а МОГ. 21, 26, 105
111, 123

Рис 52 МОГ. 79

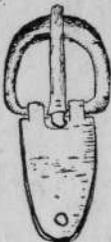

Рис 53 МОГ. 92, 112

Рис. 54 МОГ. 124

Рис. 55 МОГ. 49,
57, 109, 118 (железо)

Рис. 56 МОГ. 2, 22,
48, 104.

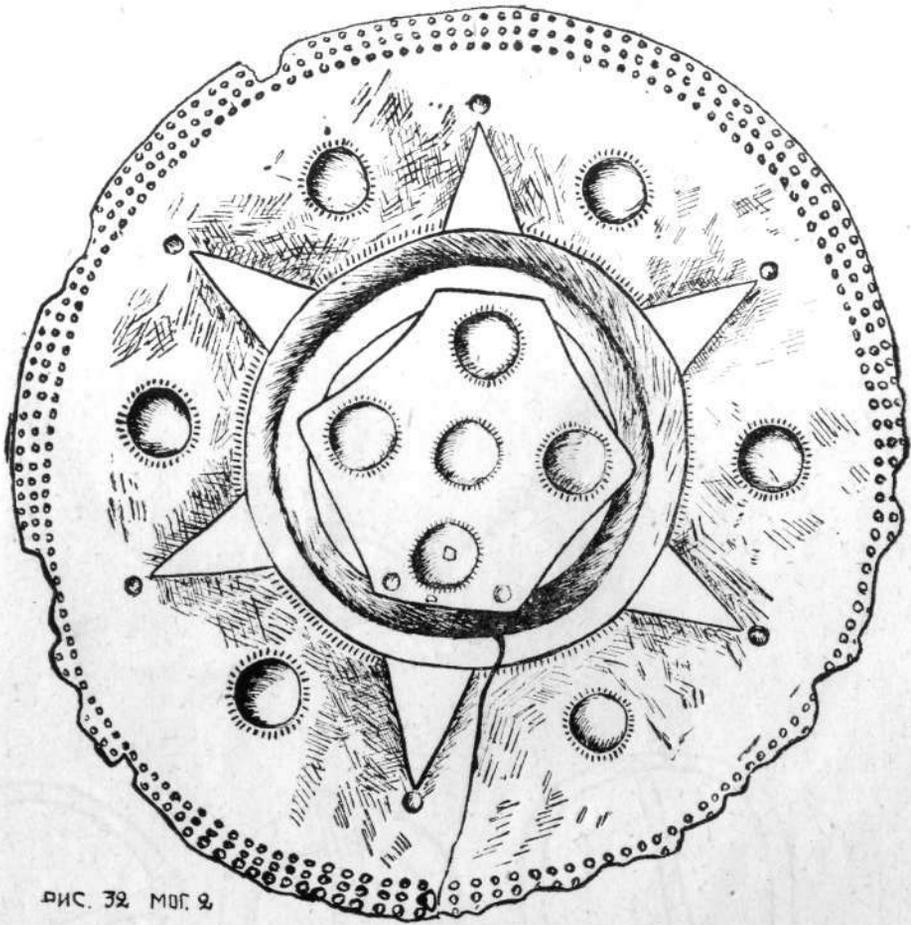

Рис. 72 Мог. 2

Рис. 71 Мог. 33

Рис. 72 Мог. 49

Рис. 73 Мог. 89

Рис. 19. Мог. 9, 3, 46, 56, 70, 74, 87, 89, 105. / 1/2 н. в. /

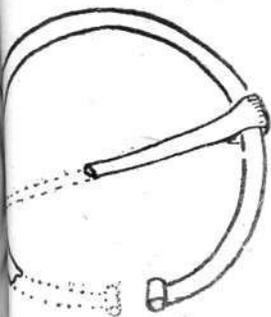

Рис. 45. Мог. 92

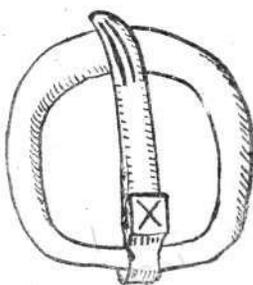

Рис. 49. Мог. 39 жидь 794 гр

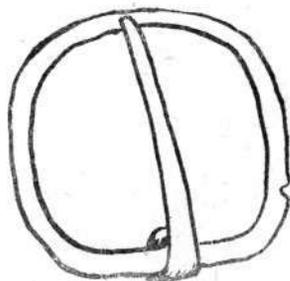

Рис. 50

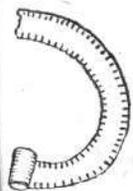

Рис. 44. Мог. 32

Рис. 46. Мог. 62.

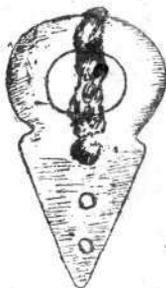

Рис. 47. Мог. 8

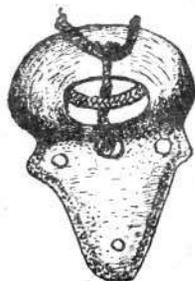

Рис. 48. Мог. 49

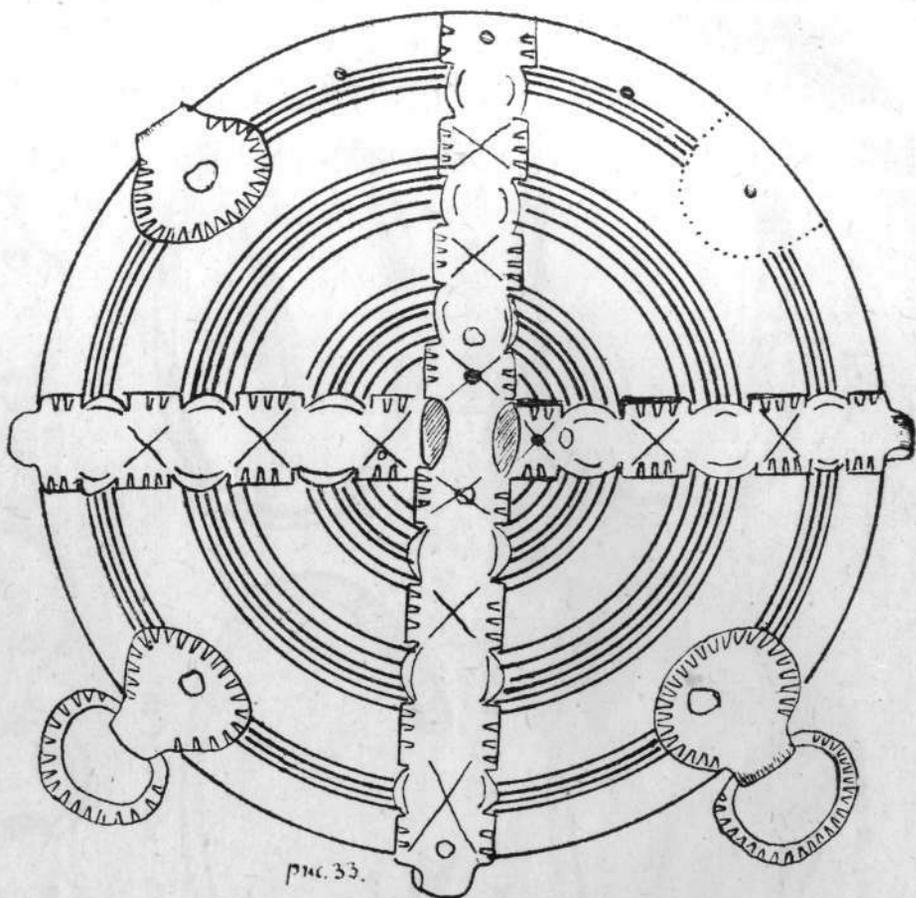

рис. 33.

рис. 70 мог. 117.

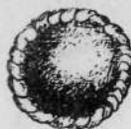

рис. 74 мог. 127.

рис. 75 мог. 2.

рис. 76 мог. 3.

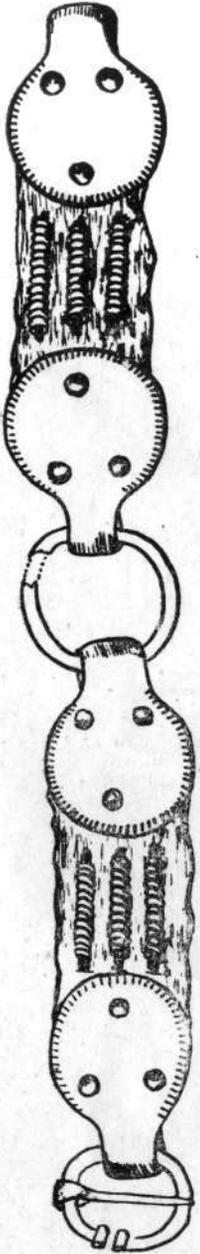

Рис. 77 МДГ 40, 70, 111.

Рис. 60 МДГ. 92

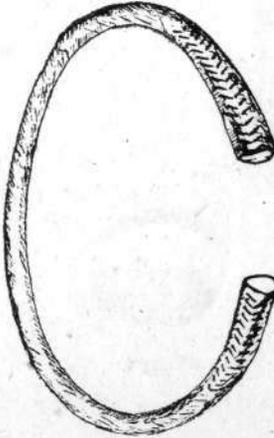

Рис. 79 МДГ. 51, 65, 89, 97, 111.

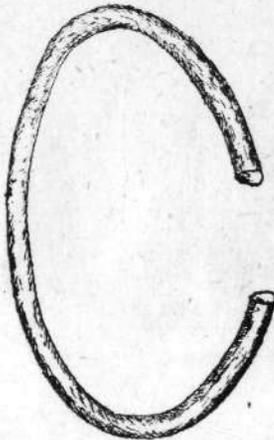

Рис. 78 МДГ 31, 42, 52.

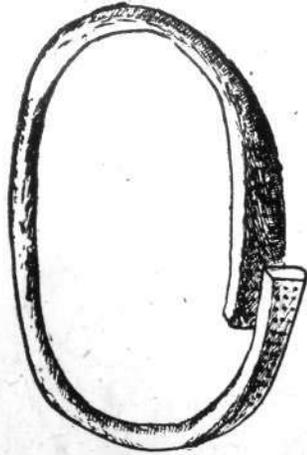

Рис 83 МДГ 81, 94

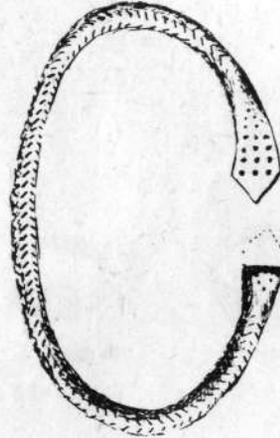

Рис 82 МДГ 65

Рис. 81 МДГ. 31, 61

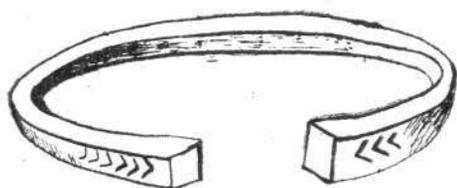

Рис. 84 мог. 82

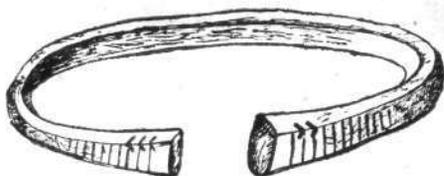

Рис. 85 мог. 72

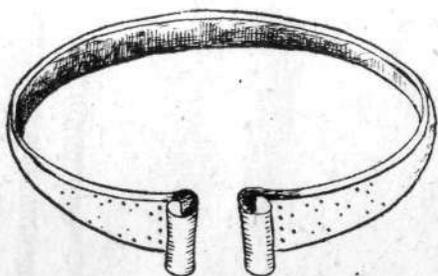

Рис. 86 мог. 12

Рис. 87 мог. 3

Рис. 88 мог. 46

Мог. 72

Мог. 60

Мог. 61

Рис. 89

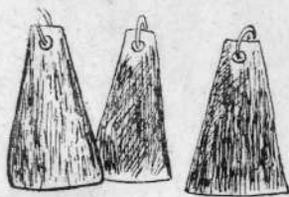

Рис. 90 Мог. 2, 43, 70

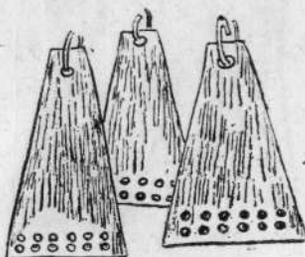

Рис. 91 Мог. 3

Рис. 92 Мог. 3

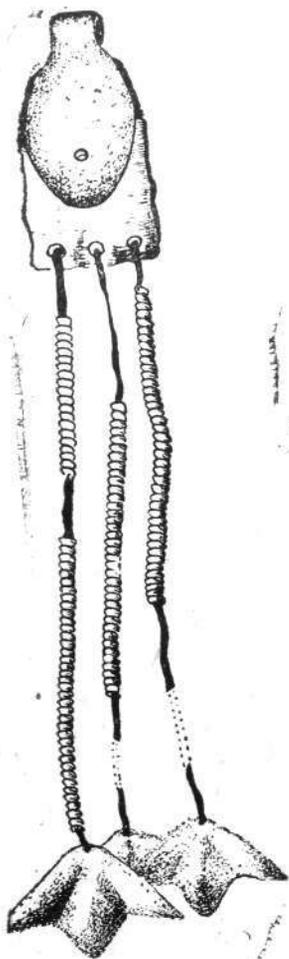

Рис. 102 Мог. 70

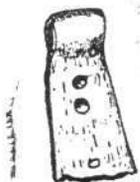

Рис. 93 Мог. 2

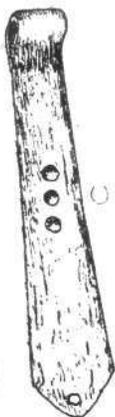

Рис. 94 Мог. 9

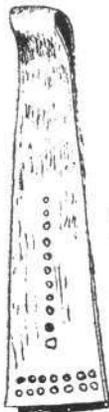

Рис. 95

Рис. 96 Мог. 42

Рис. 97 Мог. 36, 43, 68, 89, 101.

Рис. 98 Мог. 3, 12, 23, 50, 60, 74, 78, 89.

Рис. 99 Мог. 31, 61, 89

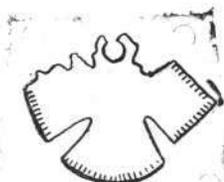

Рис. 103 Мог. 42, 113

Рис. 100 Мог. 43

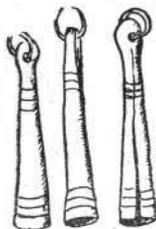

Рис. 101 Мог. 31, 70, 89

Рис. 104 Мог. 61.

Мог. 87

Рис. 114

Мог. 105

Рис. 113. Мог. 91, 42, 45, 60, 89, 113.

Мог. 71.

МОГ. 103

МОГ. 97.

МОГ. 72

РИС. 115.

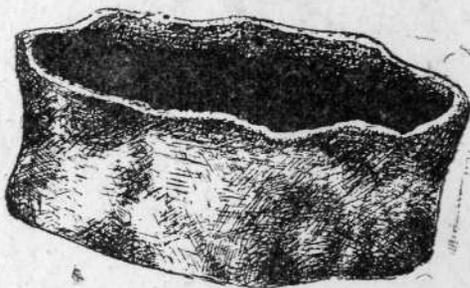

РИС. 116 МОГ 89

МОГ. 82

МОГ. 87

МОГ. 105

РИС. 114

РИС. 113. МОГ. 91, 42, 45, 60, 89, 112.

МОГ. 71.

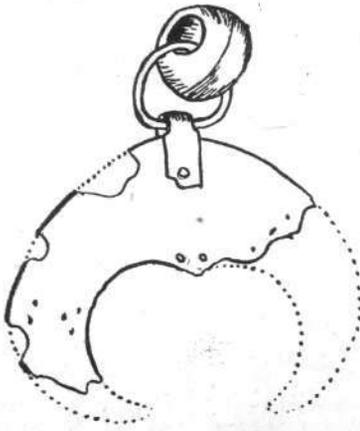

Рис. 105 мог. 31

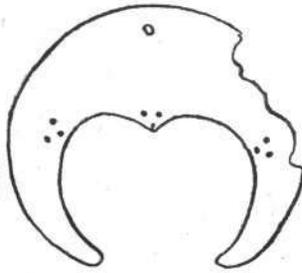

Рис. 106 мог. 19

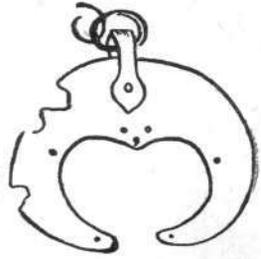

Рис. 107 М

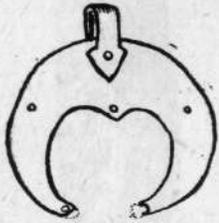

Рис. 108 мог. 43

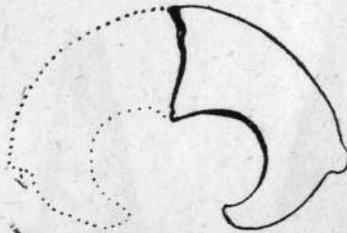

Рис. 109 мог. 39

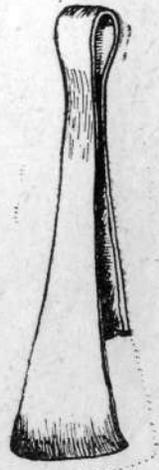

Рис. 110 мог. 103, 136

Рис. 111 мог. 79

Рис. 112 мог. 125

Рис. 117. МДГ. 48, 88. / 1/2 Н.В. /

a.

МДГ. 198. 88.

b.

- 83.

Рис. 119 (1/2 Н.В.)

c.

25.

1/2 Н.В.

Рис 118 МДГ. 72

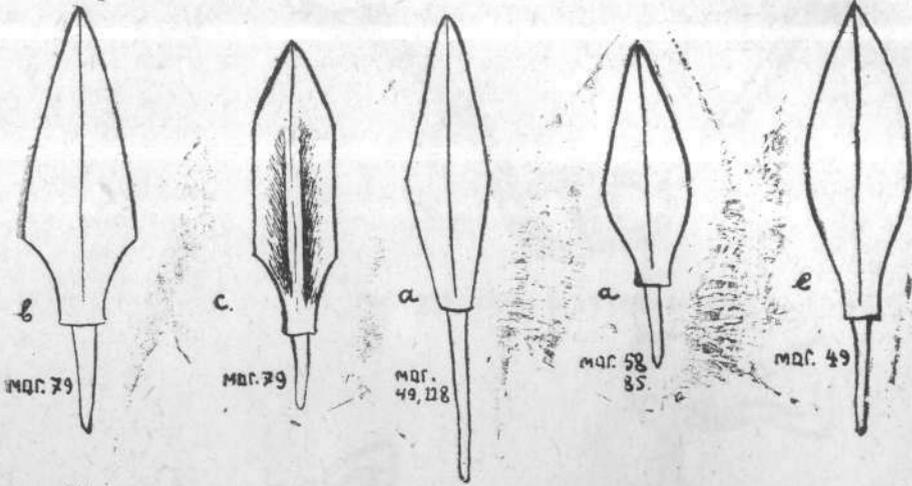

Рис. 122

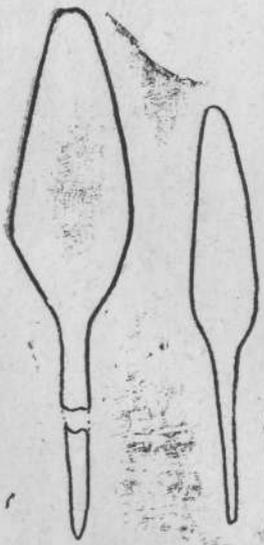

Рис. 123 МДГ. 103

Рис. 120 МДГ. 72 - 1/2 нв

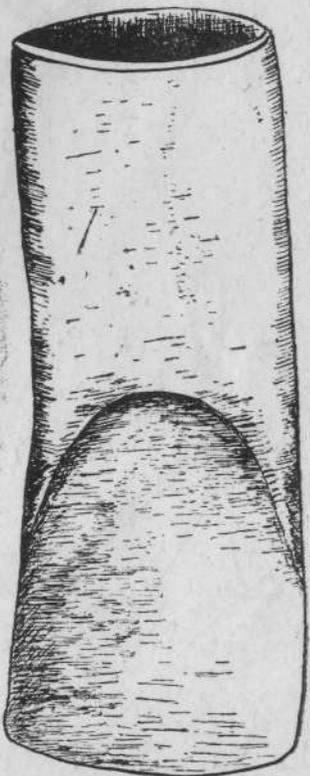

Рис. 121 МДГ. 45, 51, 128.

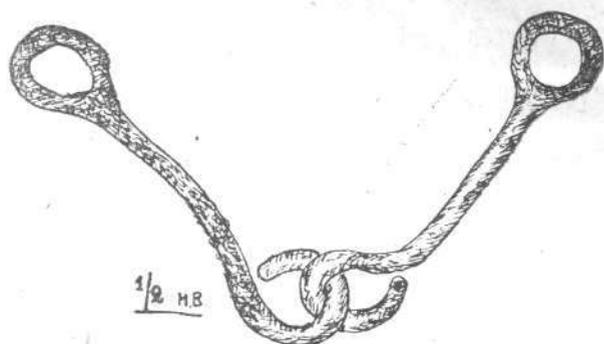

Рис. 124 Мог. 1, 2, 33, 51, 73, 89, 103.

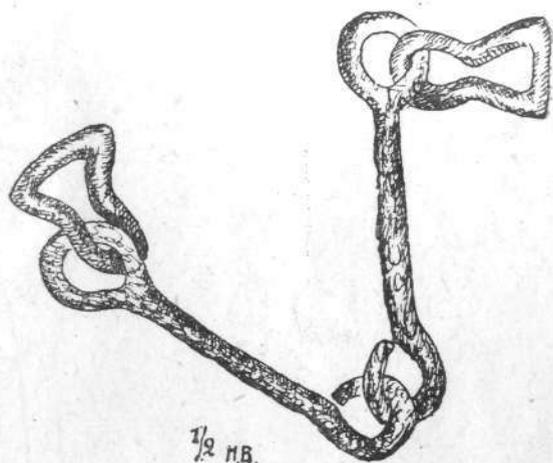

Рис. 125. Мог. 58

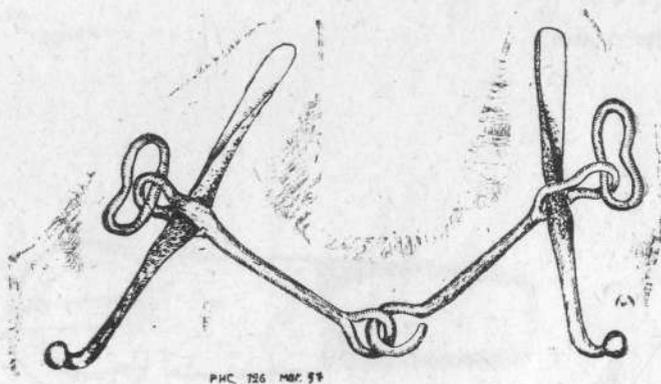
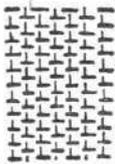

Рис. 126 Мог. 99

Н. В.

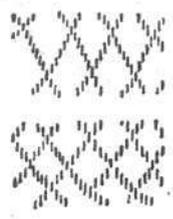

Рис. 127.

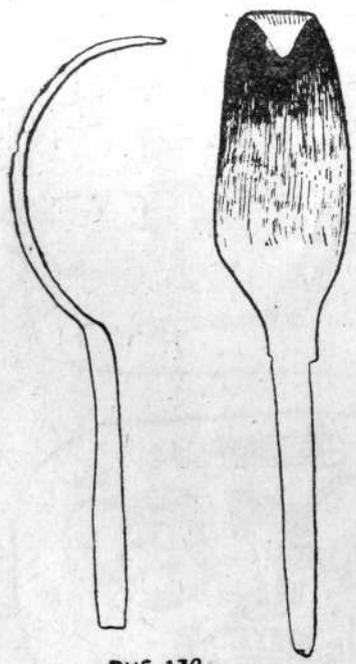

Рис. 139.
ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛОЖЕК

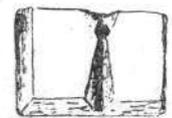

Рис 198 МОГ. 56

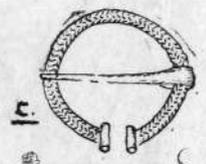

Рис. 43 МОГ. 69, 63, 70

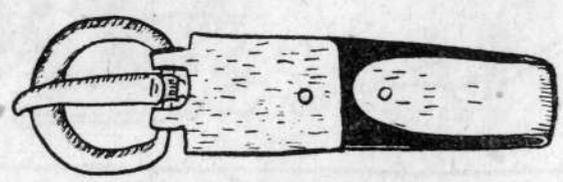
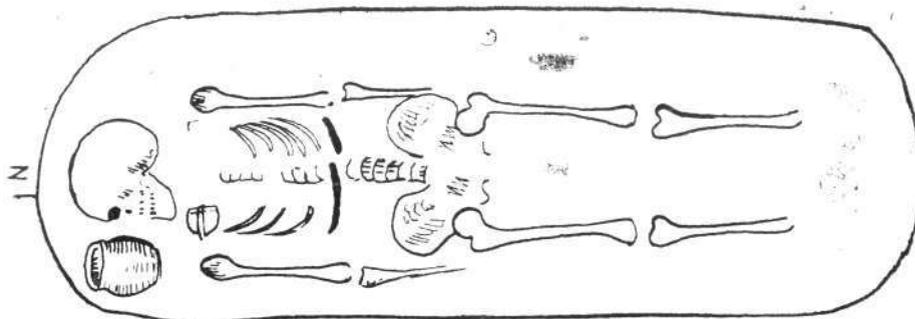
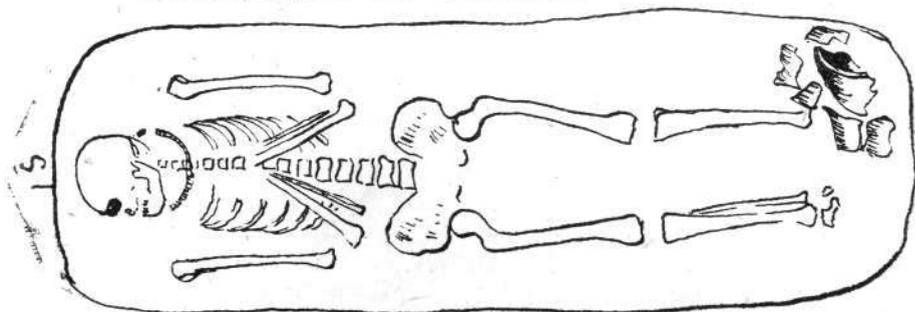

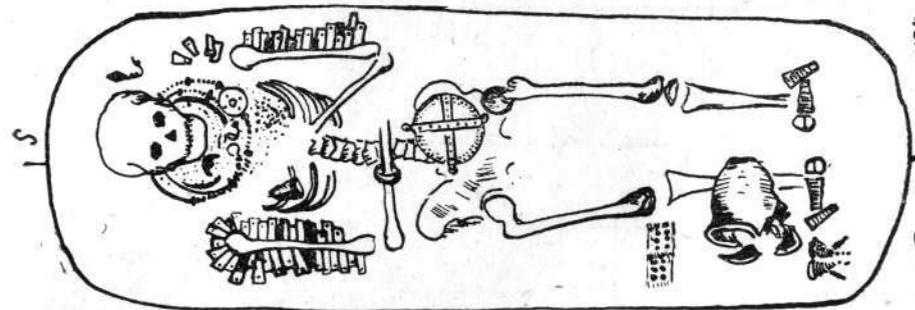
Рис. 129 МОГ. 50

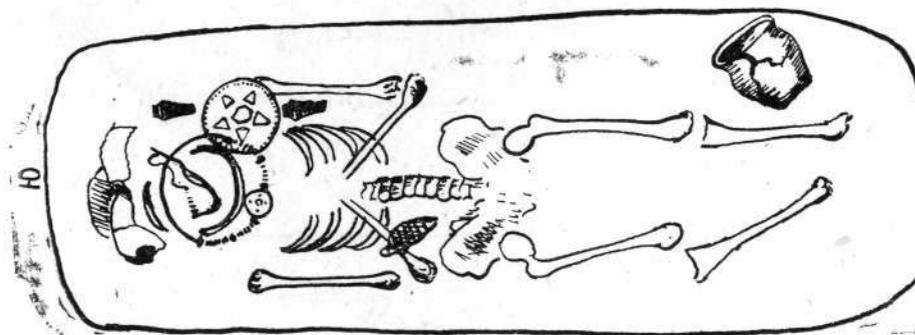
МОГ. 8 | S PИC. 136

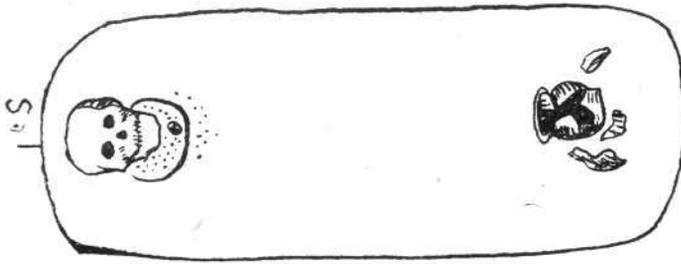
МОГ. 4 | N PИC. 135

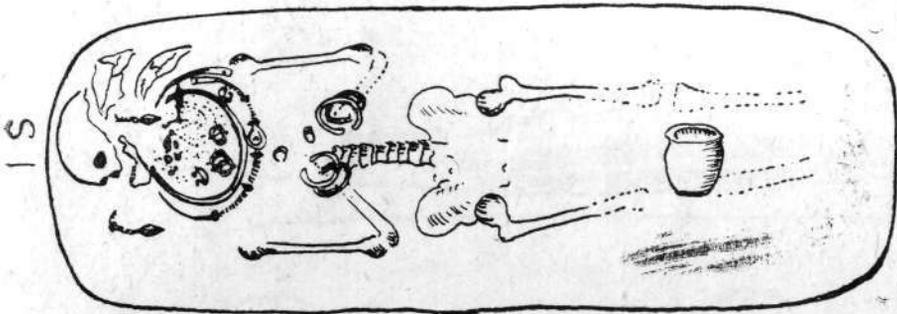
МОГ. 3 | N PИC. 134

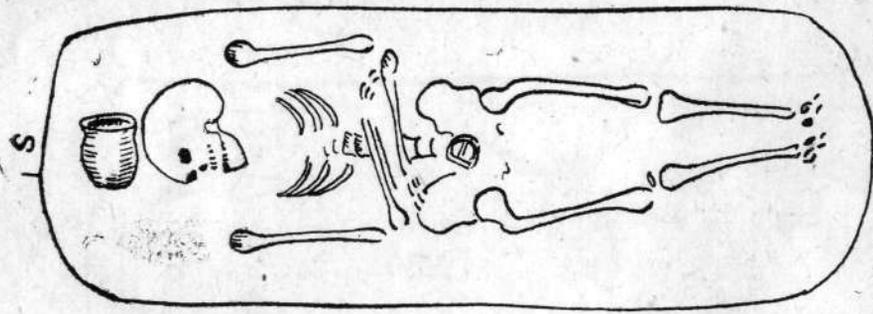
МОГ. 2 | S PИC. 133

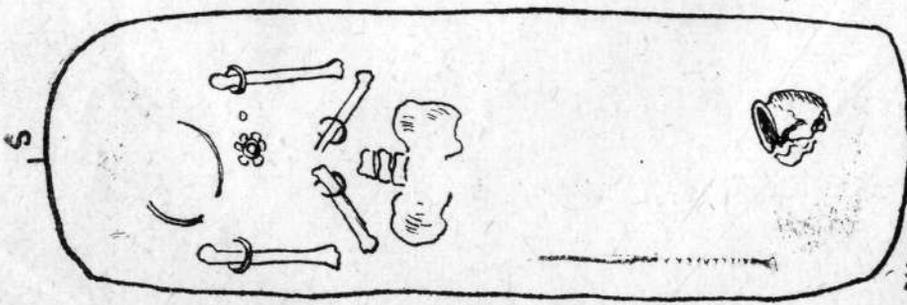
Мог. 45. | N рис. 140

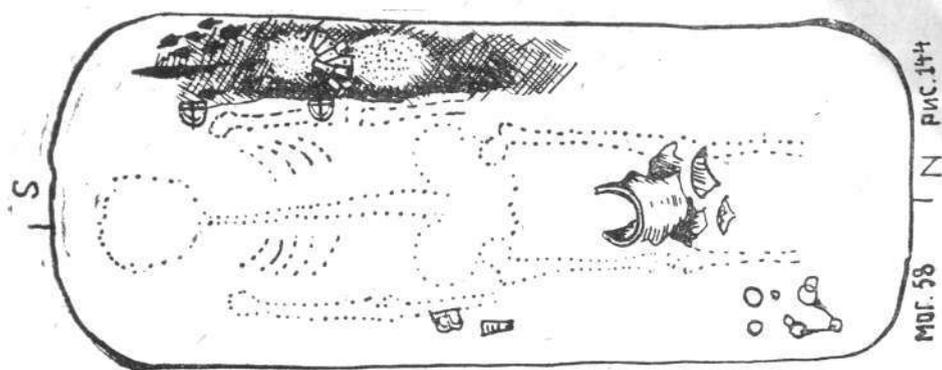
Мог. 39. | N рис. 139

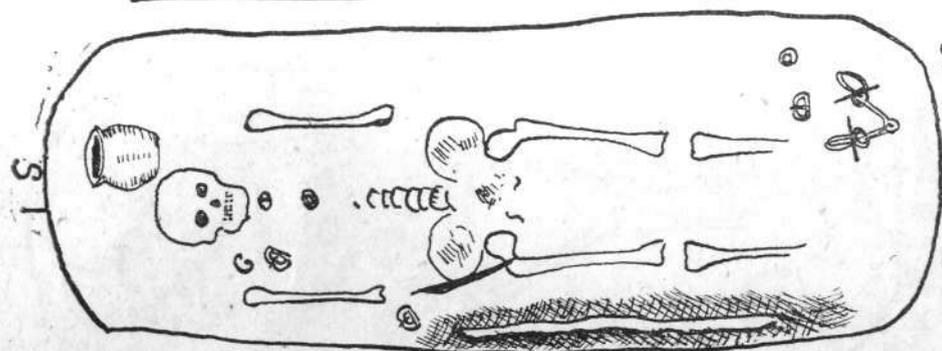
Мог. 18. | N рис. 138

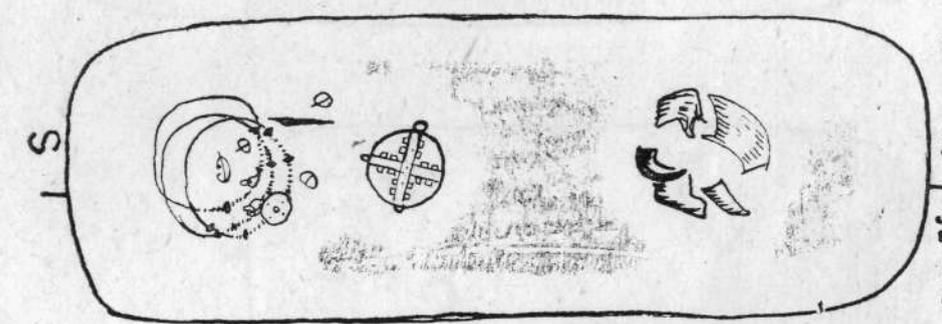
Мог. 19. | N рис. 137

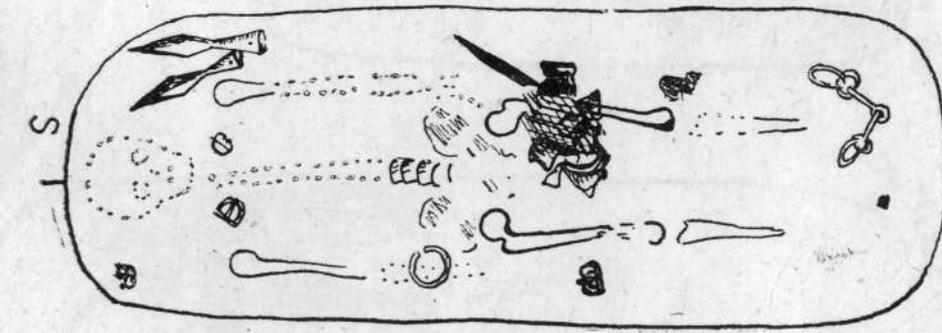
Мог. 58 | N рис. 144

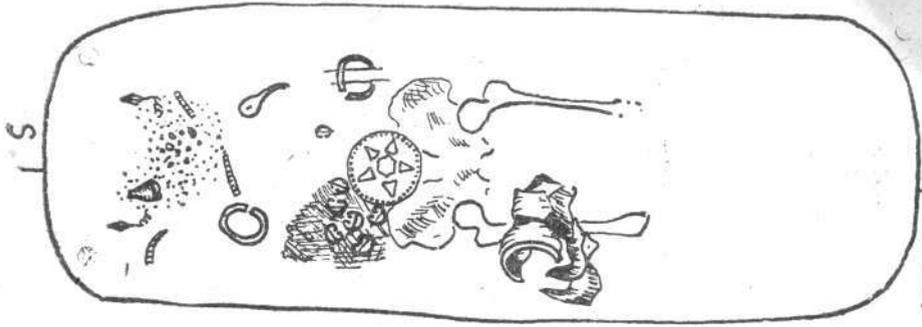
Мог. 57 | N рис. 143

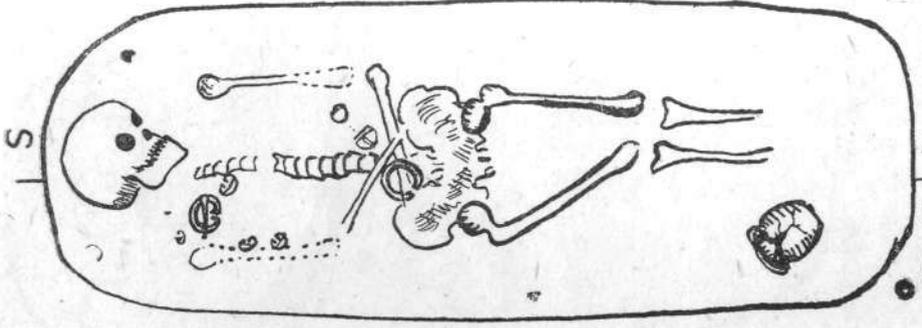
Мог. 56 | N рис. 142

Мог. 51 | N рис. 141

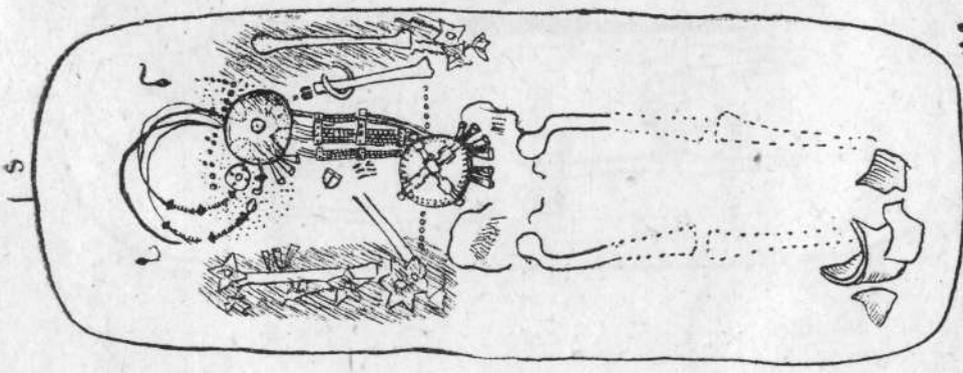
Mag. 61. | N PNC. 145

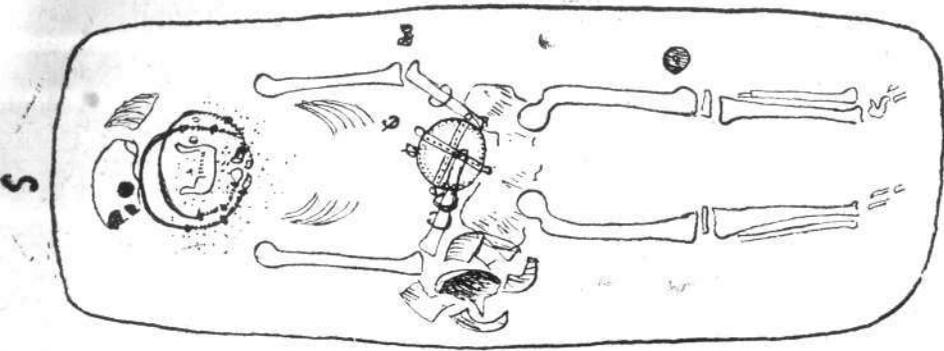
Mag. 62. | N PNC. 156

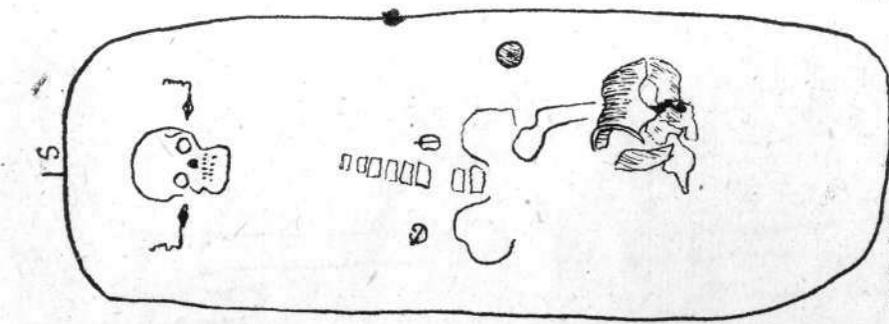
Mag. 63. | N PNC. 157

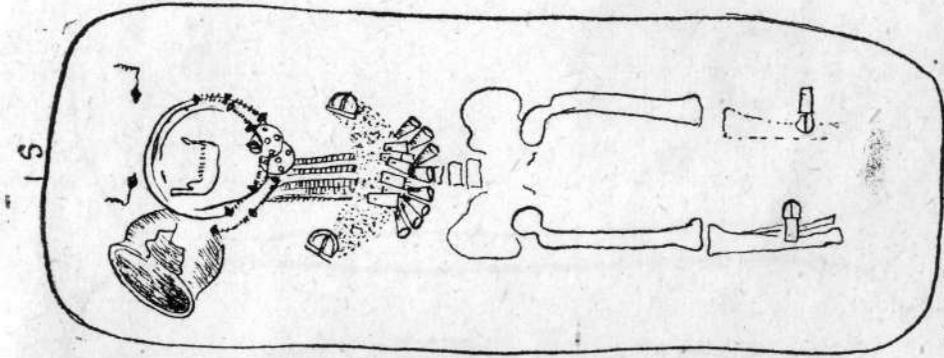
Mag. 70. | N PNC. 158

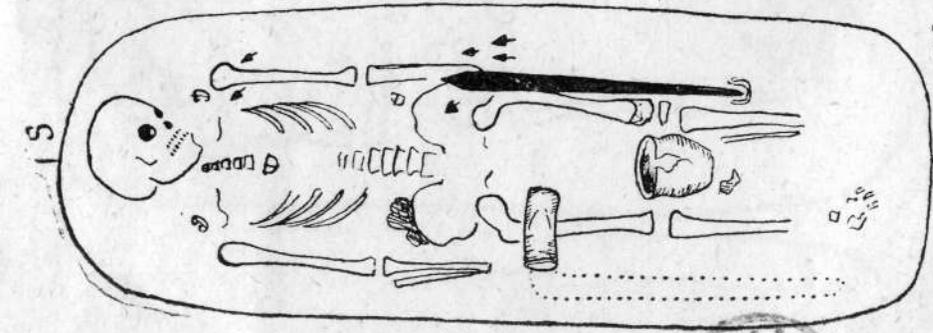
МОГ. 87 N PИC.159

МОГ. 89 N PИC.151

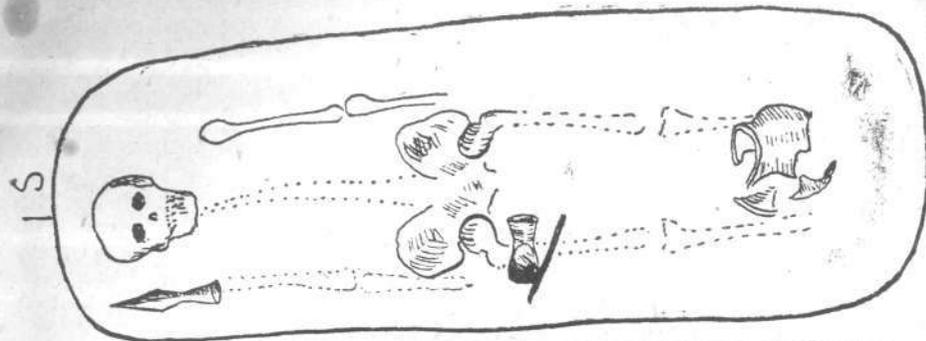

МОГ. 74 N PИC.150

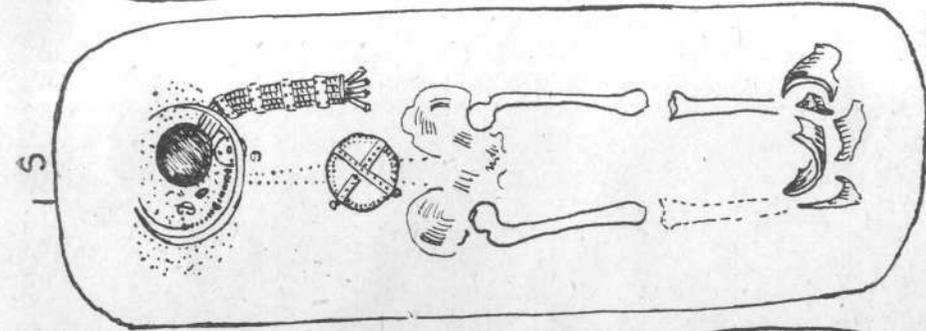

МОГ. 78 N PИC.149

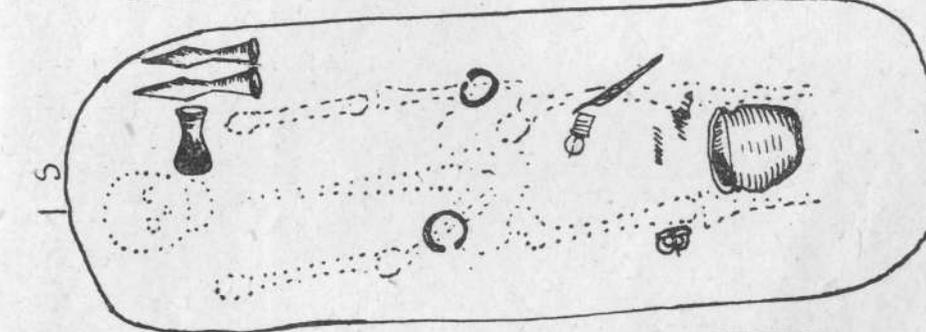

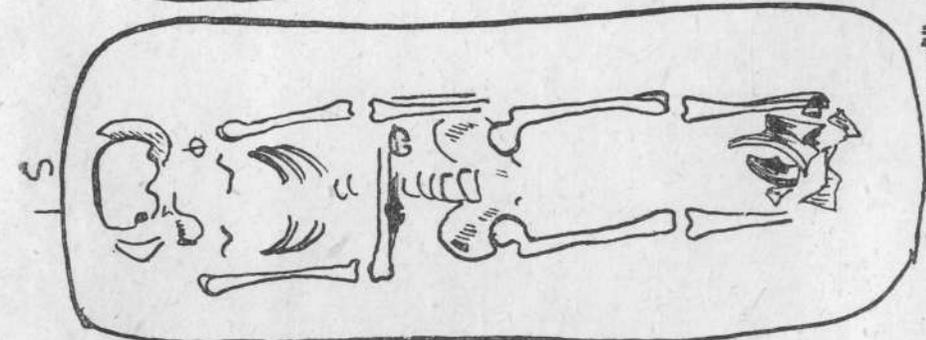
Мог. 157. | N Рис. 157.

Мог. 156. | N Рис. 156.

Мог. 155. | N Рис. 155.

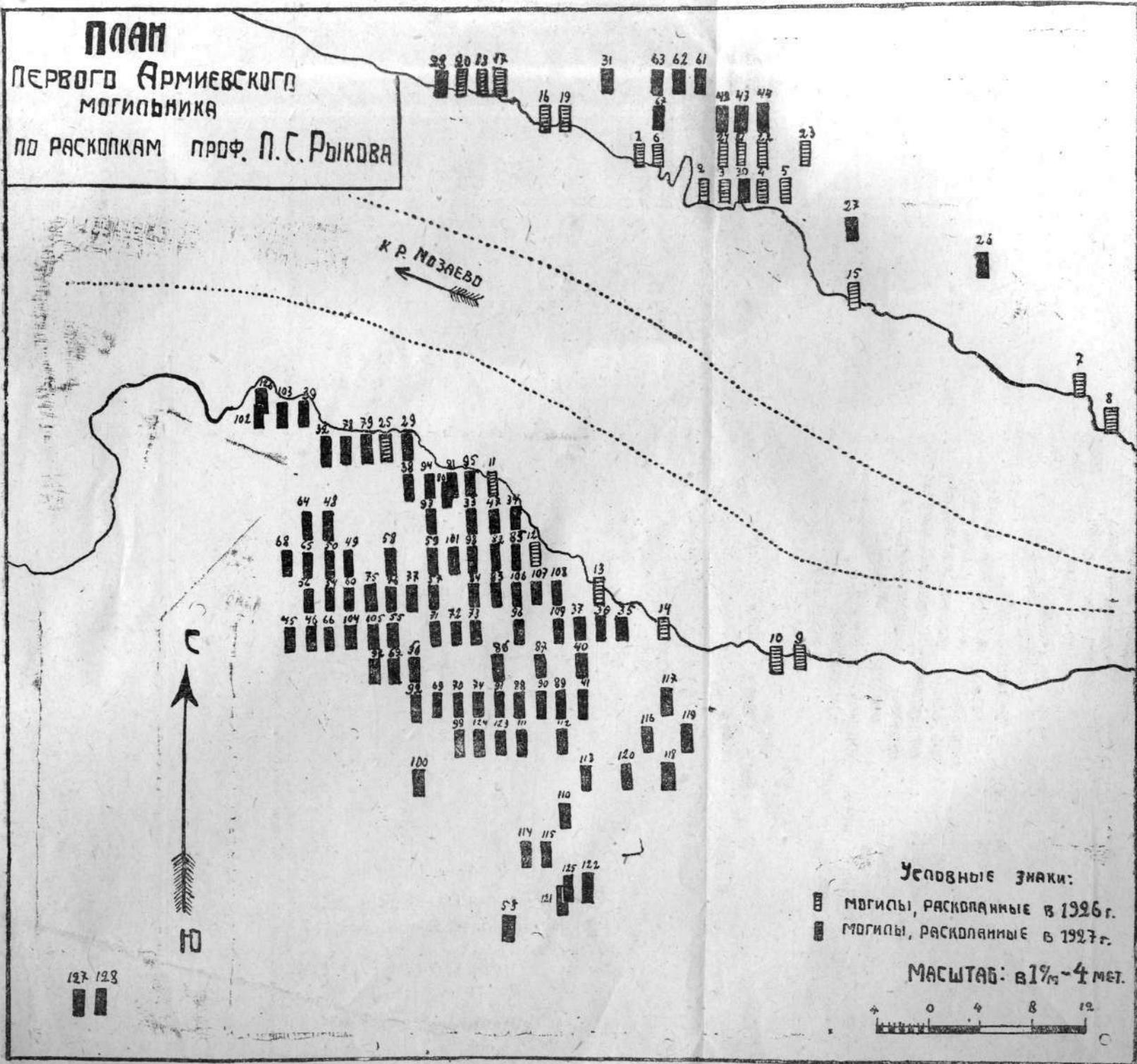

Мог. 154. | N Рис. 154.

Мог. 153. | N Рис. 153.

ПЛАН
ПЕРВОГО АРМИЕВСКОГО
МОГИЛЬНИКА
 по раскопкам проф. П. С. Рыкова

Условные знаки:

- МОГИЛЫ, РАСКОПАННЫЕ В 1926 г.
- МОГИЛЫ, РАСКОПАННЫЕ В 1927 г.

МАСШТАБ: 1:1000 - 4 мет.

127-128

